

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

26 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (629) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Александра Сергеевна Дубровина* (1986), кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Федерального научного центра биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Александра Сергеевна родилась в селе Черноручье Лазовского района Приморского края. В 2008 году она окончила Дальневосточный государственный университет по специальности «биохимия», а в 2010 году защитила диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук по специальности «биотехнология».

Область научных интересов Александры Дубровиной — биотехнология. Ее работа посвящена разработке новых подходов для направленной регуляции свойств растений, ведущих к изменению их продукционных свойств, стрессоустойчивости и других характеристик в желаемом направлении.

В настоящее время разработка новых подходов для изменения различных характеристик растений — чрезвычайно актуальная задача, поскольку получение высокопродуктивных и высокоустойчивых растений с помощью экологически чистых и генетически безопасных подходов до сих пор остается нерешенной проблемой, которая приводит к многомиллионным потерям вследствие снижения или потери урожайности сельскохозяйственных культур в нашей стране.

Александра Сергеевна показала, что с помощью обработки поверхности растения экзогенными дцРНК

и киРНК можно вызвать замолкание генов, активная экспрессия которых препятствует повышению качества определенных характеристик растений, и определила возможность влияния на экспрессию генов растений и направленного изменения исследуемых свойств растений с помощью внешней обработки поверхности растения водными растворами двухцепочечных РНК.

Дубровина — лауреат премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых за 2021 год. Премия присуждена за развитие новых подходов для индукции РНК-интерференции и направленной регуляции работы генов растений. Показана возможность регулировать экспрессию генов растений и целенаправленно изменять их свойства путем внешней обработки поверхности растения растворами двухцепочечных РНК.

Александра Сергеевна также удостоена медали РАН с премией для студентов высших учебных заведений (2008); является победителем российского конкурса «Для женщин в науке» L'Oreal (2013); удостоена премии имени академика ВАСХНИЛ Б. А. Неунылова по направлению «физико-химическая биология» за цикл работ «Изучение механизмов устойчивости к стрессам и старения у растений с помощью молекулярно-биологических методов» (2015).

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бражникова Д. А.

Ускоренная блокировка денежных средств: новый этап развития финансового мониторинга71

Бусыгин А. А.

Местное самоуправление: от самостоятельной формы народовластия к элементу единой системы публичной власти76

Вареная В. Р.

Цифровая криминалистика: процессуальные и тактические проблемы изъятия и анализа данных с мобильных устройств79

Григорьева А. А.

Влияние занятий спортом на снижение уровня эмоционального выгорания сотрудников органов прокуратуры81

Даниленко Ф. Ю.

Проблемы распределения рисков случайной гибели или повреждения имущества в договоре аренды83

Данильчук Т. А.

Формы административно-правовой защиты прав граждан в РФ в сфере исполнительной власти87

Джепко Ю. С.

Реализация идей Болонского процесса в системе образования в Российской Федерации89

Джепко Ю. С.

Особенности состояния преступности среди школьников в Алтайском крае (2023–2026 гг.)92

Дьячков Л. В.

Становление принципа разграничения предметов ведения и полномочий в конституционно-правовом регулировании в Российской Федерации.....94

Зайцева В. А.

Юридическая ответственность фитнес-тренера97

Иванищенко Е. И.

Исполнение решений Конституционного Суда РФ.....99

Иванов М. Д.

Право собственности и его содержание: эволюция подходов в российской цивилистике..... 103

Имамгулиев З. А.

Дореволюционный период развития Федеральной службы судебных приставов 108

Ищенко Ю. Е.

Проблемы таможенной процедуры таможенного склада и направления её оптимизации 111

Катасонова Г. А.

Юридическая ответственность государственных служащих 113

Комова А. П.

Проблемные вопросы доказывания по делам о защите права собственности 115

Костин И. К.

К вопросу об оценке заключения судебно-лингвистической экспертизы 118

Леоненко Д. В.

От врага народа к иностранному агенту: эволюция правового института исключения из социума 120

Лобова М. Н.

Некоторые проблемы цифровизации процедуры предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности 123

Ложеницын Н. В.

Антимонопольное регулирование в Латинской Америке: сравнительный анализ систем Бразилии и Чили 124

Лукина А. А.

Применение технологии искусственного интеллекта при злоупотреблении процессуальными правами 127

Лукшанов А. В.

К вопросу о понятии и атрибутивных признаках электронной торговли как объекта правового регулирования 129

Мельникова А. А.

Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени 131

Низомидинов М. Б.

Проблемы разграничения налоговой оптимизации и недобросовестного поведения юридического лица при применении статьи 54.1 Налогового кодекса РФ 133

Низомидинов М. Б.

Цифровизация исполнения налоговой обязанности физических лиц: проблемы электронного уведомления и защиты прав налогоплательщика 135

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ускоренная блокировка денежных средств: новый этап развития финансового мониторинга

Бражникова Дарья Александровна, студент

Научный руководитель: Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье анализируются изменения в российском законодательстве усилившие роль Росфинмониторинга в ограничении операций. Показан переход от «банкоцентричной» модели к системе, где банк выступает первичным фильтром, а уполномоченный орган получил инструменты самостоятельного приостановления операций. Проведено разграничение блокировок по 115-ФЗ и антифрод-механизмов Банка России. На этой основе сформулированы предложения по совершенствованию процессуальных гарантий и критериев правоприменения.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, блокировка денежных средств, приостановление операций, AML/CFT, цифровой рубль.

Введение

2025–2026 гг. стали для российского финансового мониторинга периодом не точечной коррекции, а структурного пересмотра механизма ограничения операций с денежными средствами. Если прежняя модель строилась вокруг внутреннего контроля кредитной организации, то действующая редакция Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ закрепляет уже более сложную систему, в которой самостоятельные полномочия Росфинмониторинга занимают центральное место [1].

Актуальность темы обусловлена не только расширением инструментария публичного контроля, но и изменением самой логики вмешательства в оборот денежных средств. В современной конструкции право воздействовать на платежную активность клиента распределяется между банком, Банком России и Росфинмониторингом, а также, в отдельных случаях, судом. При этом публичная дискуссия часто смешивает различные правовые режимы: AML/CFT-приостановление операций по Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ, отказ в совершении операции по подозрительности, ограничение дистанционного обслуживания и антифрод-«период охлаждения» по иным нормам банковского законодательства [8].

Цель настоящего исследования состоит в определении правовой природы «ускоренной блокировки». Для дости-

жения этой цели ставятся следующие задачи: во-первых, проследить эволюцию регулирования от классической банковской модели к модели с прямым участием Росфинмониторинга; во-вторых, раскрыть содержание новых полномочий уполномоченного органа; в-третьих, разграничить AML/CFT-блокировку и антифрод-механизмы; в-четвертых, оценить достаточность процессуальных гарантий для клиентов; в-пятых, предложить поправки, позволяющие соблюсти баланс между публичным интересом и правом собственности [13].

Эволюция правового регулирования блокировки денежных средств

Традиционная модель Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ была ориентирована прежде всего на действия самой кредитной организации. В этой конструкции банк выявлял подозрительную операцию, при наличии предусмотренных законом оснований приостанавливал ее и незамедлительно передавал сведения в Росфинмониторинг. Одновременно закон давно знал и более жесткий режим — замораживание (блокирование) средств лиц, связанных с экстремистской или террористической деятельностью, по перечням и решениям компетентных органов [7].

Существенный поворот произошел после реформ 2024–2025 гг. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии лега-

лизации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 N 522-ФЗ действительно стал частью общего пакета усиления anti-money laundering-регулирования, однако ключевой для «ускоренного» административного приостановления операций механизм в действующей редакции статьи 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ связан уже с последующими изменениями. Иначе говоря, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 N 522-ФЗ расширил и перенастроил систему, но прямое решение уполномоченного органа о приостановлении операций на срок до десяти дней в актуальной редакции статьи 8 закреплено в тексте закона с учетом поправок 2025 г. [2].

Именно здесь проявляется переход от «банкоцентричной» модели к смешанной. По смыслу статьи 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ Росфинмониторинг вправе самостоятельно принять решение о приостановлении операций с денежными средствами или иным имуществом при наличии достаточных оснований полагать, что эти средства приобретены в результате преступления и используются в целях легализации преступных доходов; срок такого приостановления не может превышать десяти дней, а при поступлении информации от компетентного органа иностранного государства — тридцати дней [1]. Следовательно, государственный орган теперь не только продлевает инициированное банком ограничение, но и выступает самостоятельным инициатором публичной блокирующей меры.

Федеральный закон от 15.12.2025 N 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 4.1 и 5.1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» добавил еще один слой ускорения, который начал действовать по отдельным положениям с 14 июня 2026 г. Однако его значение в научном анализе требует аккуратности: данный закон не создает универсальной «автоматической блокировки всех подозрительных переводов», а ускоряет и детализирует отдельные режимы замораживания средств и специальных разрешенных операций для лиц, находящихся в специальных перечнях, включая сокращение срока реагирования по ряду случаев до двадцати четырех часов [4]. Отсюда следует важный вывод: термин «ускоренная блокировка» в 2026 г. описывает не один институт, а совокупность взаимосвязанных новелл, усиливающих

скорость государственного вмешательства в оборот денежных средств.

Правовой механизм «ускоренной блокировки»

В действующей редакции статьи 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ основанием для прямого решения Росфинмониторинга о приостановлении операций служит наличие достаточных оснований полагать, что денежные средства или иное имущество получены в результате совершения преступления и используются в целях легализации (отмывания) доходов. Решение принимается руководителем уполномоченного органа либо его заместителем и должно содержать вывод о достаточности таких оснований, а также сведения о размере средств, счетах либо ином идентификаторе клиента [1]. Тем самым законодатель формально требует мотивированности решения, но сохраняет оценочный характер самого критерия «достаточных оснований».

Сроковая модель также изменилась. Если классическое продление по постановлению уполномоченного органа в рамках части третьей статьи 8 по-прежнему связано со сроком до 30 суток, то самостоятельное решение по части десятой статьи 8 подчинено иному пределу: не более десяти дней, а при поступлении информации от иностранного компетентного органа — до тридцати дней. Именно эта конструкция и составляет юридическое ядро того, что в научно-публицистическом обороте называется «ускоренной блокировкой».

На практике клиент нередко воспринимает любое ограничение как «блокировку по 115-ФЗ», хотя в действительности возможны по меньшей мере три разные ситуации: приостановление конкретной операции по пункту 10 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ; отказ в совершении операции по пункту 11 той же статьи; двухдневный антифрод-период охлаждения по правилам Банка России. Смешение этих режимов создает правовую неопределенность, затрудняет обжалование и искажает оценку степени вмешательства в имущественную сферу клиента [8].

Механизмы взаимодействия банков и Росфинмониторинга

Современный порядок взаимодействия банка и уполномоченного органа строится на жесткой обязанности кредитной организации исполнить поступившее решение о приостановлении. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ предусматривает, что при получении

информации о принятом на основании части десятой статьи 8 решении организация, осуществляющая операции с денежными средствами или иным имуществом, приостанавливает соответствующие операции незамедлительно, но не позднее одного рабочего дня, следующего за днем получения информации [1]. Следовательно, банк в этой ситуации выступает уже не как самостоятельный оценщик риска, а как адресат обязательного публичного предписания.

Важной новеллой стало и закрепление обязанности информировать клиента. В день обращения клиента для совершения операции, невозможной из-за решения Росфинмониторинга, организация обязана в порядке, установленном договором с клиентом, сообщить о приостановлении с указанием его причины и срока. Дополнительно Банк России в 2025–2026 гг. рекомендовал кредитным организациям проактивно разъяснять клиентам, на основании какого именно закона и конкретной нормы принято ограничительное решение и какие действия клиент может предпринять далее.

По завершении срока приостановления операции возобновляются, если не принято иное решение, ограничивающее их осуществление. Тем самым закон формально исключает бессрочное административное «зависание» средств на основании одного и того же решения Росфинмониторинга. Но именно здесь и возникает практическая проблема «двойной блокировки»: после истечения срока решения уполномоченного органа банк может сохранить собственные внутренние ограничения или перейти к отказу в конкретных операциях, ссылаясь уже на иные нормы того же Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ.

Процессуальные гарантии и защита прав субъектов

Ключевой гарантией в отношении прямого решения Росфинмониторинга выступает обязанность уполномоченного органа по обращению лица сообщить основания приостановления в течение трех рабочих дней. Это важный, но минимальный стандарт: клиент узнает мотивы не заранее, а уже после ограничения своего права распоряжаться средствами. С точки зрения статьи 35 Конституции РФ и общего требования соразмерности вмешательства в имущественную сферу этого явно недостаточно для полноценного равновесия публичных и частных интересов.

При этом механизм обжалования зависит от природы примененной меры. Межведомственная комиссия при Банке России предназначена прежде всего для споров об отказе в совершении операции, отказе в заключении договора банковского счета и применении отдельных риск-ориентированных мер со стороны финансовой организации; ее решение обязательно для соответствующей финансовой организации [15]. Но прямое решение Рос-

финмониторинга о приостановлении операций по части десятой статьи 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ не сводится к «банковскому отказу», а потому основной способ защиты здесь — судебное оспаривание публичного решения после получения информации об основаниях его принятия.

Судебная практика в целом исходит из того, что Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ не дает банку права произвольно и бессрочно ограничивать клиента сверх предусмотренных законом процедур. Верховный Суд РФ в своем «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) [17] подчеркнул необходимость соотношения ограничений с законом и конкретными фактическими обстоятельствами, а арбитражная практика указывает, что банк не вправе вводить не предусмотренные законом или договором ограничения распоряжения денежными средствами [12], [13]. Это означает, что даже в усиленном режиме финансового мониторинга суды сохраняют запрос на мотивированность, определенность и пропорциональность ограничительной меры.

Особенно чувствительна эта проблема для добросовестных предпринимателей. Для них блокировка — это не только имущественное, но и деловое ограничение: срыв расчетов, ухудшение репутации, рост транзакционных издержек, зависимость от сроков ответа банка и уполномоченного органа. Поэтому процессуальные гарантии в данной сфере должны оцениваться не формально, а с учетом экономического эффекта ограничения, что подтверждается и современной банковско-правовой литературой [13, с. 79–81], [16, с. 58–65].

Пробелы правового регулирования и риски правоприменения

Главный нормативный дефект — оценочность критерия «достаточные основания». Закон требует, чтобы Росфинмониторинг делал вывод о связи средств с преступным происхождением и их использованием в целях легализации, однако сам закон практически не раскрывает, какой массив данных и какой стандарт вероятности должны лежать в основе такого вывода. В результате значительная часть дискретности переносится на уровень ведомственного усмотрения.

Второй риск связан с конвергенцией AML и антифрод-моделей. Расширение Банком России перечня критериев мошеннических переводов до 12 усиливает цифровой фильтр массовых платежей, но юридическая квалификация такой операции и правовые последствия для клиента иные, чем при AML-подозрении [8]. Если

банк не разграничивает основания ограничения и не сообщает клиенту, действует ли он по Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ либо по антифрод-правилам, право на защиту становится во многом иллюзорным.

Третий риск — дефицит времени на реакцию клиента. Формально закон обязывает Росфинмониторинг сообщить основания в течение трех рабочих дней после обращения лица, но это не равнозначно полноценному периоду для представления объяснений до применения меры. Следовательно, клиент фактически включается в процесс уже после наступления неблагоприятных последствий, что усиливает асимметрию между публичным органом и участником оборота.

Наконец, законодательство пока не устранило проблему наложения друг на друга разных ограничительных режимов. На один и тот же платеж могут последовательно или параллельно воздействовать AML-подозрение, антифрод-пауза, внутренние ограничения дистанционного обслуживания, а в отношении бизнеса — еще и налоговые или исполнительные механизмы приостановления операций по счетам. Для сравнения, статья 76 Налогового кодекса РФ и бюджетные ограничения строятся на более формализованных основаниях и процедурных актах, тогда как в сфере ПОД/ФТ объем оценочного усмотрения существенно выше [5], [6].

Предложения по совершенствованию законодательства

Во-первых, представляется целесообразным дополнить Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ нормой об обязательном предварительном уведомлении клиента в тех случаях, когда это не ставит под угрозу цели финансового мониторинга. Речь не идет о раскрытии оперативно значимой информации, а лишь о кратком сообщении о планируемом ограничении и возможности незамедлительно представить документы. Такая модель была бы более согласована с конституционным стандартом соразмерности и снизила бы число ошибок на ранней стадии.

Во-вторых, необходимо нормативно развести AML/CFT-приостановление и антифрод-период охлаждения. В законе или в обязательных требованиях к информированию клиента следует прямо закрепить, что банк обязан указывать конкретный правовой режим ограничения: пункт 10 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ, пункт 11 статьи 7, часть десятая статьи 8 либо антифрод-механизм по правилам Банка России. Такая детализация исключит подмену одного режима другим и повысит качество судебного контроля.

В-третьих, следует законодательно конкретизировать минимальный стандарт мотивировки решения Росфинмониторинга. В настоящее время закон требует лишь вывод о достаточности оснований; этого мало. Более правильным было бы закрепить обязанность указывать категорию источника сведений, тип выявленного риска, предел затрагиваемой суммы и связь между предметом подозрения и конкретными операциями. Тогда судебное оспаривание перестанет быть спором о «черном ящике».

В-четвертых, для добросовестных налогоплательщиков и клиентов с устойчивой положительной комплаенс-историей можно предусмотреть условный «зеленый коридор»: не освобождение от контроля, а специальную ускоренную процедуру рассмотрения представленных объяснений и документов. Такой подход соответствовал бы риск-ориентированной природе финансового мониторинга, поскольку позволял бы концентрировать наиболее жесткие меры на действительно аномальных и высокорисковых операциях, а не на любом нетипичном поведении клиента.

Заключение

Таким образом, 2026 г. действительно обозначил новый этап развития российского финансового мониторинга, но содержание этого этапа сложнее, чем это обычно представляется в публичной риторике. Речь идет не о простой «автоматизации блокировок», а о сочетании трех процессов: усиления прямых полномочий Росфинмониторинга по статье 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ, ускорения отдельных режимов замораживания по Федеральному закону от 15.12.2025 N 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 4.1 и 5.1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» и параллельного расширения антифрод-фильтров Банка России.

Главный вызов состоит в обеспечении баланса между эффективностью пресечения незаконных финансовых потоков и сохранением реальных, а не декларативных гарантий для добросовестных граждан и бизнеса. Без точного разграничения правовых режимов, без понятных критериев достаточности оснований и без более сильных процедур информирования «ускоренная блокировка» рискует превратиться из инструмента точечного реагирования в источник системной правовой неопределенности. В условиях дальнейшей цифровизации рынка и расширения оборота цифрового рубля именно качество юридической процедуры, а не только скорость блокирующего решения, будет определять легитимность всего механизма финансового мониторинга.

Литература:

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. от 23.06.2026).. — Текст: электронный // «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/?ysclid=mqvuvckqq738147 (дата обращения: 27.06.2026).
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 28.12.2024 № 522-ФЗ.. — Текст: электронный // «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494814/?ysclid=mqvvxscklv336606843 (дата обращения: 27.06.2026).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 4.1 и 5.1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» Федеральный закон от 15.12.2025 № 462-ФЗ.. — Текст: электронный // «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521519/?ysclid=mqvzj2od7382475161 (дата обращения: 27.06.2026).
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 23.06.2026). — Текст: электронный // «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=mqvw0prc9q568185180 (дата обращения: 27.06.2026).
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) Федеральный закон от 31.07.1998 № 147-ФЗ (в ред. от 23.06.2026).. — Текст: электронный // «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/?ysclid=mqvw2pjyhm772136647 (дата обращения: 27.06.2026).
6. Положение Банка России от 02.03.2012 № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». — Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902334172?ysclid=mqvw4u2r4j193503085> (дата обращения: 27.06.2026).
7. Приказ Банка России от 05.11.2025 № ОД-2506. — Текст: электронный // «Консультант плюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518791/?ysclid=mqvw6r9t7j562561281 (дата обращения: 27.06.2026).
8. Информация Росфинмониторинга «О применении кредитными организациями мер по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества и приостановлению операций». — Текст: электронный // «Консультант плюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194832/?ysclid=mqvw807k4w49907116 (дата обращения: 27.06.2026).
9. Молохов, А. В. К вопросу о блокировке счетов граждан и юридических лиц / А. В. Молохов, Ю. В. Емелева // Банковское дело. — 2025. — № 9. — С. 79–81.
10. Гапоненко, В. Ф. Развитие системы инструментария финансового мониторинга как категории финансового контроля в экономической безопасности России / В. Ф. Гапоненко, С. Ю. Токарева // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — № 3. — С. 172–178.
11. Махонин, Д. А. Риски финансово-кредитных организаций к легализации доходов, полученных преступным путем: актуальные вопросы оценки и минимизации / Д. А. Махонин, А. С. Гудникова, Л. Е. Тамчук, М. А. Конищева // Финансовая экономика. — 2025. — № 5. — С. 215–218.
12. Шмалий О. В. Правовые риски при применении цифрового профилирования в банковской сфере / О. В. Шмалий, В. В. Ванин // Банковское право. — 2025. — № 3. — С. 58–65.
13. Антипин, Д. А. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма / Д. А. Антипин. — Текст: непосредственный // Финансовая экономика. — 2025. — № 11. — С. 199–203. [сайт]. — URL: <https://library.cbr.ru/pdf-viewer/?id=522633>
14. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020). — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356732/?ysclid=mqvwrose41745752683 (дата обращения: 27.06.2026)
15. Садовская Т. Д. Цифровая трансформация финансового рынка как национальный приоритет развития Российской Федерации // Эмиссионная деятельность в сфере публичных и частных финансов: современное состояние и перспективы правового регулирования: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 29 ноября 2024 г. М.: РГУП им. В. М. Лебедева, 2026. с. 179–182.

Местное самоуправление: от самостоятельной формы народовластия к элементу единой системы публичной власти

Бусыгин Александр Алексеевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Местное самоуправление занимает важное место в системе публичной власти Российской Федерации, поскольку является одной из форм реализации народом принадлежащей ему власти и обеспечивает решение вопросов местного значения непосредственно населением либо через создаваемые им органы. Однако представления законодателя о сущности и роли местного самоуправления за последние десятилетия претерпели существенные изменения. Если первоначальная конституционная модель исходила из его организационной самостоятельности и обособленности от системы органов государственной власти, то современный этап развития законодательства характеризуется включением муниципального уровня в единую систему публичной власти.

Особое значение для изменения правового положения местного самоуправления имела конституционная реформа 2020 года. Внесенные изменения закрепили в статье 132 Конституции Российской Федерации положение о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти. Это повлекло необходимость нового осмысления содержания местного самоуправления, степени его самостоятельности и особенностей взаимодействия муниципального и государственного уровней власти [1].

При этом переход к модели единой публичной власти не означает отказа от понимания местного самоуправления как самостоятельной формы народовластия. Вместе с тем изменился подход к определению его места в механизме публичного управления: на первый план выходит не противопоставление муниципального и государственного уровней, а обеспечение их согласованного функционирования. Дальнейшее развитие данного подхода получило закрепление в Федеральном законе от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который стал очередным этапом преобразования российского муниципального законодательства [4].

В связи с этим особый научный интерес представляет анализ эволюции законодательного определения местного самоуправления, содержащегося в федеральных законах 1995, 2003 и 2025 годов. Их сопоставление позволяет проследить изменение взглядов законодателя на природу местного самоуправления, его функции и место в общей системе организации публичной власти в Российской Федерации.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных направлений изменения законодательного понимания местного самоуправления на различных этапах

развития российского государства. Для достижения данной цели проводится сравнительный анализ положений федеральных законов 1995, 2003 и 2025 годов, а также исследуется изменение соотношения принципов муниципальной самостоятельности и единства публичной власти.

Начальный этап формирования современного российского законодательства о местном самоуправлении связан с принятием Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данный закон развивал положения Конституции Российской Федерации 1993 года, в которой местное самоуправление было признано и гарантировано как самостоятельная форма реализации народом принадлежащей ему власти [2].

Согласно статье 2 Федерального закона № 154-ФЗ под местным самоуправлением понималась признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и осуществляемая под свою ответственность деятельность населения по решению вопросов местного значения непосредственно либо через органы местного самоуправления с учетом интересов населения, исторических и иных местных традиций.

Содержание указанного определения отражало подход законодателя к муниципальной власти в середине 1990-х годов. Ключевое значение придавалось самостоятельности населения в решении вопросов местного значения, которая предполагала наличие собственных органов муниципальной власти, организационно обособленных от системы органов государственной власти. Такое понимание полностью соответствовало положениям статьи 12 Конституции Российской Федерации, закрепившей самостоятельность местного самоуправления в пределах его полномочий и его невхождение в систему органов государственной власти.

Особое внимание в законодательной конструкции 1995 года уделялось положению об осуществлении местного самоуправления «под свою ответственность». Оно выражало не только возможность населения самостоятельно определять способы решения вопросов местного значения, но и возложение на местное сообщество ответственности за последствия принимаемых решений. Одновременно сохранялась идея местного самоуправления как одной из форм непосредственного осуществления народом своей власти, поскольку население могло участвовать в решении муниципальных вопросов как напрямую, так и посредством избираемых органов.

По мнению В. А. Виноградова, А. С. Кошеля, А. А. Ларищева и ряда других исследователей, сложившаяся

после принятия Конституции Российской Федерации модель местного самоуправления исходила из существования самостоятельного уровня публичной власти, не включенного в систему государственной власти [5, стр. 70-77]. Вместе с тем важной особенностью законодательного определения являлось указание на необходимость учета исторических и иных местных традиций, что позволяло учитывать территориальные, культурные и социальные особенности отдельных муниципальных образований.

В целом Федеральный закон 1995 года строился на разграничении муниципального и государственного уровней власти. Органы местного самоуправления обладали собственной компетенцией, муниципальной собственностью и местным бюджетом, а вмешательство государственных органов ограничивалось преимущественно обеспечением законности и контролем за соблюдением требований законодательства. Однако организационная обособленность муниципальной власти не означала ее полной независимости, поскольку деятельность органов местного самоуправления осуществлялась в рамках единого правового пространства Российской Федерации и сопровождалась системой государственных гарантий.

Следовательно, законодательная модель, закрепленная Федеральным законом № 154-ФЗ, рассматривала местное самоуправление прежде всего как самостоятельную форму народовластия, основанную на организационной обособленности муниципальной власти, самостоятельном решении населением вопросов местного значения и учете особенностей соответствующей территории.

Следующий этап развития муниципального законодательства в Российской Федерации связан с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3]. Его появление стало следствием практических трудностей, возникших в процессе реализации положений Федерального закона № 154-ФЗ. К числу наиболее значимых проблем относились недостаточная определенность территориальной основы местного самоуправления, отсутствие последовательного разграничения полномочий между уровнями публичной власти, а также различия в подходах к организации муниципальных образований. Муниципальная реформа начала 2000-х годов была направлена на формирование более структурированной и стабильной системы организации местного самоуправления.

По мнению С. Е. Чаннова, одной из центральных задач проводимой реформы являлось создание единых подходов к организации местного самоуправления посредством определения территориальных основ муниципальных образований, уточнения их компетенции и развития механизмов взаимодействия муниципальных органов с органами государственной власти [6, с. 66-69].

В статье 2 Федерального закона № 131-ФЗ местное самоуправление было определено как форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, уста-

новленных Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, а в предусмотренных федеральными законами случаях — законодательством субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения с учетом интересов населения, исторических и иных местных традиций.

Сопоставление положений Федеральных законов 1995 и 2003 годов показывает сохранение ключевых характеристик местного самоуправления. Как и ранее, в основу его понимания были положены самостоятельность населения в решении вопросов местного значения, осуществление соответствующей деятельности под собственную ответственность, возможность непосредственного участия граждан и учет местных особенностей. Однако в новой законодательной конструкции изменилось само смысловое наполнение понятия местного самоуправления. Если Закон 1995 года акцентировал внимание преимущественно на самостоятельной деятельности населения, то Федеральный закон № 131-ФЗ прямо закрепил местное самоуправление в качестве формы осуществления народом своей власти, одновременно обозначив правовые рамки такой деятельности.

Установление более детальных законодательных границ осуществления местного самоуправления свидетельствовало о постепенном усилении регулирующей роли государства в муниципальной сфере. Вместе с тем, как отмечают В. А. Виноградов, А. С. Кошель, А. А. Ларичев [5, с. 70-77] и другие исследователи, реформа 2003 года не была направлена на отказ от принципа муниципальной самостоятельности. Ее основная цель заключалась в формировании более эффективной модели местного самоуправления за счет более подробного регулирования территориальных, организационных и компетенционных основ его деятельности.

Изменение роли государства проявилось в законодательном закреплении системы видов муниципальных образований, более четком разграничении вопросов местного значения, определении порядка передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий, а также развитии механизмов контроля за соблюдением требований законодательства.

Несмотря на расширение нормативного регулирования, конституционная модель организационной обособленности муниципальной власти сохранялась. Органы местного самоуправления по-прежнему не входили в систему органов государственной власти и самостоятельно решали вопросы местного значения в пределах предоставленной им компетенции.

Тем самым Федеральный закон № 131-ФЗ сохранил фундаментальный принцип самостоятельности местного самоуправления, однако изменил условия его реализации: муниципальная деятельность стала осуществляться в рамках более детально выстроенной системы государственного нормативного регулирования.

Конституционная реформа 2020 года стала одним из наиболее значимых этапов дальнейшего преобразования российской системы публичной власти. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были внесены изменения, закрепившие на конституционном уровне принцип единства публичной власти. В частности, статья 132 Конституции Российской Федерации установила, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения соответствующей территории.

Указанные конституционные преобразования стали правовой основой последующего обновления муниципального законодательства, итогом которого стало принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». По мнению О. А. Кожевникова, принятие данного закона следует рассматривать как очередной этап развития отечественного муниципального права, который одновременно обозначил новые направления научной дискуссии относительно современного положения местного самоуправления в механизме реализации публичной власти [7, с. 8-10].

Согласно статье 1 Федерального закона № 33-ФЗ местное самоуправление определяется как признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти направленная на самостоятельное решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в пределах полномочий, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации, а в предусмотренных федеральными законами случаях — на участие в осуществлении иных публичных функций во взаимодействии с органами публичной власти.

Сравнение данного определения с положениями ранее действовавших федеральных законов позволяет отметить изменение самой законодательной характеристики местного самоуправления. Если Федеральный закон № 154-ФЗ связывал его прежде всего с самостоятельной деятельностью населения по решению вопросов местного значения, а Федеральный закон № 131-ФЗ прямо называл его формой осуществления народом своей власти, то в Федеральном законе № 33-ФЗ центральное место занимает форма самоорганизации граждан. Это свидетельствует о постепенном изменении акцента: от понимания местного самоуправления преимущественно как самостоятельной формы реализации народовластия к его рассмотрению в качестве института, функционирующего в рамках единой системы публичной власти.

Следует отметить, что Федеральный закон № 33-ФЗ не отказывается от традиционного понимания местного самоуправления как формы осуществления народом своей власти. Особенность нового законодательного подхода заключается не в изменении конституционной природы местного самоуправления, а в закреплении его функционирования в рамках единой системы публичной власти и расширении значения взаимодействия муниципального и государственного уровней при реализации публичных функций.

В юридической литературе обращается внимание на то, что концепция единой системы публичной власти сама по себе не означает ликвидации местного самоуправления как самостоятельного института. Вместе с тем она предполагает изменение характера его связей с государственными структурами: на смену модели преимущественной организационной обособленности приходит модель более тесного функционального взаимодействия и согласованности различных уровней публичного управления.

Подобный подход имеет как потенциальные преимущества, так и определенные проблемные аспекты. Более тесная координация деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления способна повысить эффективность решения задач, затрагивающих интересы населения и требующих совместных действий различных уровней власти. В то же время усиление интеграционных процессов неизбежно вызывает вопросы о сохранении реального объема муниципальной самостоятельности, поскольку расширение механизмов государственного влияния может привести к сокращению возможностей населения самостоятельно определять пути решения вопросов местного значения.

Поэтому ключевой задачей дальнейшего развития муниципального законодательства становится поиск разумного соотношения между обеспечением единства публичной власти и сохранением конституционной природы местного самоуправления как самостоятельной формы участия населения в решении вопросов местного значения.

Таким образом, Федеральный закон № 33-ФЗ стал новым этапом развития российского муниципального законодательства, в рамках которого произошло дальнейшее изменение соотношения принципов муниципальной самостоятельности и единства публичной власти. Новая законодательная модель отражает переход от понимания местного самоуправления преимущественно как организационно обособленного уровня публичной власти к его более тесной интеграции в единую систему публичного управления.

Федеральный закон № 33-ФЗ отражает очередной этап эволюции российского муниципального законодательства. Если законодательная модель 1990-х годов исходила преимущественно из идеи организационного отделения муниципальной власти от государственной, а реформа 2003 года усилила нормативное регулирование при сохранении такого разграничения, то современный подход

ориентирован на включение местного самоуправления в единую систему публичной власти при сохранении его конституционно гарантированного статуса.

Таким образом сопоставление законодательных определений местного самоуправления, содержащихся в Федеральном законе от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральном законе от 6 октября

2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», свидетельствует о постепенном изменении российского законодательного подхода к определению сущности местного самоуправления и его места в системе публичной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Виноградов В. А. (ред.), Кошель А. С., Ларичев А. А. и др. Муниципальное право: учебник. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 524 с.
6. Чаннов С. Е. Муниципальное право: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 210 с.
7. Кожевников О. А. Новый закон о местном самоуправлении: начало нового этапа дискуссий и обсуждений // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 5. Стр. 6–11.

Цифровая криминалистика: процессуальные и тактические проблемы изъятия и анализа данных с мобильных устройств

Вареная Виктория Романовна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена анализу правовых и организационных трудностей, возникающих при изъятии и исследовании мобильных устройств в рамках уголовного судопроизводства. Рассматриваются положения ст. 164.1 УПК РФ.

Особое внимание уделяется тактическим аспектам: обязательному участию специалиста при изъятии, необходимости обеспечения «цепочки владения» доказательством, переводу устройства в режим полёта и использованию пакетов Фарадея для предотвращения удалённого доступа. Анализируются современные программно-аппаратные комплексы и связанные с ними этико-процессуальные вопросы.

В статье также поднимается проблема разграничения изъятия носителя целиком и копирования информации

Ключевые слова: цифровая криминалистика, мобильные устройства, изъятие электронных носителей информации, специалист, тайна переписки, допустимость доказательств.

Мобильные устройства давно перестали быть просто средствами коммуникации. Сегодня смартфон — это хранилище биометрии, геолокации, финансовых транзакций, переписки в мессенджерах и так далее. Для криминалистики он стал идеальным источником доказательств, но одновременно — и источником процессуальных конфликтов. С одной стороны, следователь стремится изъять гаджет как можно быстрее, пока данные

не удалены дистанционно. С другой стороны, закон требует жёсткого соблюдения процедур, нарушение которых мгновенно обесценивает всю цифровую улику [1].

Правовой основой является ст. 164.1 УПК РФ [2], введенная ФЗ от 27.12.2018 г. № 533-ФЗ [3]. Именно она установила специальный режим для изъятия электронных носителей информации. Ключевым требованием является участие специалиста при изъятии. Законодатель исходил

из логики, что следователь, даже самый опытный, не обязан разбираться в технических тонкостях работы операционных систем, шифрования и удалённого доступа. Его задачей является сохранение данных в неизменном виде, предотвращение удаления данных с телефона, фиксация уникальных идентификаторов устройства.

Проблема здесь заключается в том, что на практике эта норма работает далеко не идеально. Судебная практика последних годов демонстрирует разброд. Одни суды признают отсутствие специалиста грубым нарушением, другие — нет.

Другая процессуальная проблема связана с судебным порядком доступа к содержимому телефона. В следственной практике до сих пор дискутируется вопрос: нужно ли отдельное судебное решение для осмотра мобильного устройства? С одной стороны, в Определении Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 № 1364-О разъяснено, что проведение осмотра и экспертизы информации с устройств, уже изъятых в ходе следственных действий, не требует специального судебного решения [4]. С другой стороны, существует риск нарушения конституционной тайны переписки, закреплённой в ст. 23 Конституции РФ, если речь идёт о доступе к сообщениям в мессенджерах [5]. Ряд процессуалистов настаивают на том, что осмотр сообщений возможен только по судебному решению, аналогично контролю и записи переговоров. Этот пробел законодательства остаётся неурегулированным, и каждое следственное действие, касающееся данного вопроса является потенциальной почвой для апелляции.

Техническая сторона вопроса не менее проста. Специалист при изъятии обязан обеспечить «цепочку владения» доказательством. Это означает, что с момента изъятия устройства до момента передачи его эксперту информация должна оставаться неизменной. На практике это требует: перевода телефона в режим полёта, чтобы не пришла команда удалённого стирания, извлечения SIM-карт, помещения гаджета в пакет Фарадея, блокирующий радиосигналы. Всё это должно быть подробно отражено в протоколе. Небольшая процессуальная ошибка приводит к тому, что защита получает аргумент, что данные могли быть подброшены или изменены дистанционно уже после изъятия.

Современный арсенал средств для анализа мобильных устройств довольно обширный. В распоряжении экспертов находятся программно-аппаратные комплексы UFED, XRY, «Мобильный криминалист» и другие. Они позволяют не только извлечь активные данные, но и восстановить удалённую информацию, обойти блокировку экрана, получить доступ к зашифрованным разделам памяти [6].

Отдельной проблемой являются устройства Apple, чьи протоколы защиты опережают их конкурентов. На данный момент существуют аппаратные решения, позволяющие подобрать пароль к смартфонам Apple, путём «взлома» устройства. Однако вопрос о допустимости использования таких инструментов в рамках уголовного

судопроизводства остаётся открытым: не нарушает ли «взлом» телефона права владельца?

Тактические же проблемы могут возникнуть ещё на этапе принятия решения об изъятии. Согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, владелец устройства вправе потребовать копирования информации на другой носитель. Это важная гарантия для предпринимателей и обычных граждан, ведь изъятие корпоративного ноутбука или личного смартфона может парализовать работу или повседневную жизнь. Однако на практике следователи крайне неохотно идут на копирование, ссылаясь на отсутствие технической возможности или риск повреждения данных. Защита должна фиксировать каждый отказ, так как это повод для жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ и аргумент для исключения доказательства в суде.

Ещё одной тактической проблемой является разграничение изъятия носителя целиком и копирование информации, а также привлечение специалистов для их анализа. В научной литературе отмечается, что для уголовного дела ценность представляет не само устройство, а информация, находящаяся в нём. Однако на практике суды могут исходить из другой логики. Если изымается системный блок или ноутбук в сборе, суд может решить, что специалист не нужен, так как следователь своими глазами видит корпус, кнопки, экран, а для этого достаточно общих криминалистических знаний. Логика здесь должна быть противоположной: чем сложнее и многофункциональнее устройство, тем выше риск повредить данные при некачественном обращении.

Некоторые авторы предлагают ограничить обязательное участие специалиста только теми случаями, где следователь действительно некомпетентен. Однако следователь по определению не компетентен в вопросах, требующих специальных познаний. Наиболее разумной представляется позиция, при которой специалист обязателен всегда, когда есть риск утраты или повреждения информации.

Смоделируем ситуацию: В ходе обыска у подозреваемого в мошенничестве изъят iPhone. Специалист не приглашён, а телефон просто был помещён в бумажный конверт. В ходе транспортировки на телефон поступают сообщения, которые автоматически сохраняются. На экспертизу устройство поступает уже с изменённым состоянием памяти. Защита заявляет ходатайство об исключении протокола изъятия и всех последующих экспертиз как полученных с нарушением ст. 164.1 УПК РФ.

Цифровая криминалистика на данный момент представляет собой противостояние между технологическим прогрессом и процессуальным консерватизмом. Судебная практика пока не выработала единого подхода. Требования закона трактуются по-разному в зависимости от категории дела и конкретного судьи.

На данный момент необходимо либо наличие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, унифицирующего применение ст. 164.1 УПК РФ по всем без исключения уголовным делам, либо внесение изменений в саму статью,

исключающих двусмысленность, что позволит стороне обвинения с большей эффективностью аргументировать

свои доводы и соблюдать установленную законом процессуальную форму.

Литература:

1. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 485 с.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026)
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 N 533-ФЗ (последняя редакция)
4. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1364-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”
5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
6. Байчорова А. Т. Современные технологии в криминалистике: цифровая криминалистика и искусственный интеллект в расследованиях / А. Т. Байчорова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 14 (565). — С. 247.

Влияние занятий спортом на снижение уровня эмоционального выгорания сотрудников органов прокуратуры

Григорьева Анастасия Александровна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, органы прокуратуры, физическая активность, спорт, профилактика профессионального стресса, психогигиена, деперсонализация, эмоциональное истощение, нейробиология стресса, психофизическая надежность, государственные служащие, аэробная нагрузка.

Проблема сохранения психического здоровья действующих сотрудников органов прокуратуры приобретает в современных условиях характер одной из приоритетных задач ведомственной кадровой политики, а регулярная физическая активность рассматривается академической наукой как мощный и вместе с тем недооцененный ресурс профилактики эмоционального выгорания. Классическая трехфакторная модель синдрома выгорания, разработанная К. Маслач и С. Джексоном, описывает его через три взаимосвязанных компонента — эмоциональное истощение (ощущение опустошенности и истощенности собственных эмоциональных ресурсов), деперсонализацию (циничное, отстраненное отношение к реципиентам служебной деятельности — гражданам, заявителям, коллегам) и редукцию профессиональных достижений (негативное оценивание собственной компетентности и результатов труда) [1, с. 99–113]. Профессия прокурорского работника демонстрирует едва ли не эталонное совпадение с факторами риска, выделенными в модели: хроническое воздействие стрессоров высокой интенсивности, асимметрия между колоссальным объемом ответственности и ограниченными возможностями контроля над конечным результатом (судебное ре-

шение принимает суд, а общественный резонанс часто не зависит от качества надзорной работы), а также феномен «эмоционального труда» — необходимости постоянно подавлять естественные реакции и демонстрировать нормативно заданное, бесстрастное поведение.

Российский исследователь А. А. Бодалев, заложивший основы акмеологического подхода к изучению профессиональной деятельности, еще в конце 1990-х годов указывал, что профессии социономического типа, к которым безусловно относится и прокурорская деятельность, предъявляют повышенные требования к эмоциональной устойчивости специалиста и при отсутствии системной психопрофилактики закономерно ведут к профессиональным деформациям личности [2, с. 105–134]. Развивая этот тезис применительно к юридическим профессиям, В. Е. Орел в своих работах по психологии труда указывает, что синдром выгорания у представителей правоохранительной сферы развивается в среднем в полтора раза быстрее, чем у специалистов помогающих профессий, не связанных с властными полномочиями и уголовно-правовой проблематикой, что объясняется кумулятивным эффектом ежедневного соприкосновения с деструктивным контентом и необходимостью принимать решения, непо-

средственно влияющие на судьбы людей [3, с. 233–237]. В строго иерархической и дисциплинарно жесткой среде открытое проявление эмоций стигматизируется как признак профессиональной непригодности, что загоняет проблему внутрь и создает благодатную почву для соматизации тревоги и развития депрессивных состояний.

Обратимся к объективным показателям служебной нагрузки. Согласно официальным статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2022 году прокурорами всех уровней было выявлено более 4,2 миллиона нарушений закона, в суды направлено свыше 700 тысяч исков и заявлений на общую сумму в десятки миллиардов рублей, а количество разрешенных обращений граждан стабильно превышает 2,5 миллиона в год [4]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за тот же период судами общей юрисдикции было рассмотрено более 37 миллионов дел и материалов, и значительная часть из них — с участием прокурора, что означает колоссальную нагрузку на одного оперативного сотрудника, исчисляемую десятками, а в некоторых регионах и сотнями дел ежемесячно [5]. К этому добавляются ненормированный служебный день, де-факто ставший нормой для оперативных сотрудников, высокая мобильность с частыми выездами на места происшествий и в поднадзорные учреждения пенитенциарной системы, а также персональная ответственность за каждое принятое решение, что превращает рабочее место прокурора в зону хронического информационного стресса.

Почему же именно физическая активность может служить эффективным буфером на пути этого деструктивного процесса? Ответ лежит в области доказательной нейробиологии и психофизиологии. Классическая работа Джона Рэйти и Эрика Хагермана «Spark: The Revolutionary New Science of Exercise and the Brain» (2008), основанная на обширном материале экспериментов с применением методов функциональной магнитно-резонансной томографии и спектроскопии, убедительно доказала, что аэробная физическая нагрузка запускает в центральной нервной системе каскад биохимических реакций, прямо противоположный нейроэндокринному профилю стресса [6, с. 120–161]. При интенсивной мышечной работе в нейронах гипоталамуса и гипофиза активируется синтез проопиомеланокортина — белка-предшественника бета-эндорфина, который, высвобождаясь в кровь и проникая через гематоэнцефалический барьер, связывается с опиатными рецепторами и вызывает хорошо известный спортсменам эффект «эйфории бегуна», снижая субъективное переживание боли и тревоги. Одновременно возрастает биодоступность триптофана — аминокислоты, являющейся прекурсором серотонина, дефицит которого прочно ассоциирован с депрессивной симптоматикой, часто сопутствующей фазе эмоционального истощения. Наконец, физическая нагрузка стимулирует экспрессию нейротрофического фактора мозга (BDNF) — белка, который Рэйти метко назвал «чудо-удобрением для мозга» (Miracle-Gro for the brain), поскольку он способствует

нейрогенезу в гиппокампе и укреплению синаптических связей в префронтальной коре.

В российской науке психофизиологические механизмы воздействия физической нагрузки на стрессоустойчивость активно изучались школой Е. П. Ильина. В его фундаментальном труде «Психофизиология состояний человека» (2005) показано, что оптимальная по интенсивности мышечная работа приводит к нормализации баланса симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, снижению фонового уровня мышечного напряжения и, как следствие, уменьшению субъективного переживания тревоги [7, с. 216–237]. Для действующего прокурорского работника это имеет прямое практическое значение: усиление префронтального контроля над миндалевидным телом означает снижение импульсивной реактивности на эмоционально заряженные стимулы и повышение способности к хладнокровному, рациональному анализу ситуации, что составляет ядро профессионально важных качеств в надзорной деятельности.

Анализ передовых научных публикаций позволяет сформулировать дифференцированные практические рекомендации, учитывающие специфику повседневного труда прокурорского работника. Во-первых, первостепенное значение имеют циклические аэробные нагрузки умеренной интенсивности с частотой сердечных сокращений в диапазоне 120–140 ударов в минуту: бег трусцой, плавание, велотренажер или занятия на эллиптическом тренажере. Именно этот режим, согласно данным Рэйти и Хагермана, оптимален для стимуляции синтеза BDNF и эндорфинов [6, с. 120–161], тогда как чрезмерные, истощающие нагрузки могут дать обратный эффект, повышая уровень кортизола и усугубляя состояние эмоционального истощения. Практическая реализация этой рекомендации не требует специальной инфраструктуры: утренняя или вечерняя пробежка в парке, абонемент в бассейн или даже интенсивная пешая прогулка с работы до дома способны обеспечить необходимый недельный объем нагрузки. Во-вторых, игровые виды спорта — футбол, волейбол, баскетбол, — традиционно практикуемые в рамках ведомственных спартакиад и товарищеских встреч между коллективами районных прокуратур, обладают уникальным двойным действием: к физиологическому антистрессовому эффекту добавляется мощный социальный компонент. Участие в командных спортивных играх способствует укреплению социальных связей, развитию чувства принадлежности к группе и взаимной поддержки, что прямо работает на снижение уровня цинизма и деперсонализации. В-третьих, для коррекции специфических для длительной работы с документами психомышечных зажимов и хронического гипертонуса шейно-воротниковой зоны и поясницы целесообразно включать в еженедельный график занятия по системам «разумного тела» — хатха-йогу, пилатес или цигун, что обеспечивает быстрое, «тактическое» купирование острого стресса в дополнение к долгосрочным «стратегическим» эффектам аэробных тренировок.

В заключение следует подчеркнуть, что, хотя прямые рандомизированные контролируемые исследования, непосредственно сопоставляющие динамику спортивных показателей и редукцию симптомов эмоционального выгорания на репрезентативной выборке действующих сотрудников российской прокуратуры, в открытой научной печати отсутствуют — в силу объективных причин, связанных с закрытостью персональных медицинских данных, этическими ограничениями и необходимостью соблюдения режима служебной тайны, — совокупность накопленных к настоящему моменту нейробиологических, психофизиологических и эпидемиологических данных, полученных на смежных профессиональных контингентах юристов и государственных служащих, а также обширный корпус работ российских ученых по психологии труда формируют убедительный массив доказательств. Регулярная, методически грамотно построенная и нормированная по интенсивности

физическая нагрузка представляет собой не факультативное дополнение к основным служебным обязанностям, а необходимый структурный компонент системы личной психогигиены и антистрессовой защиты, направленной на сохранение психического здоровья, повышение психоэмоциональной устойчивости и обеспечение долгосрочного профессионального долголетия сотрудников органов прокуратуры Российской Федерации. Институционализация спортивной культуры в ведомстве — через гибкий график, позволяющий посещать тренировки, поощрение участия в ведомственных и межведомственных спартакиадах, формирование корпоративной культуры, ценностно поддерживающей активный образ жизни, и включение показателей физической подготовленности в систему мониторинга кадрового потенциала — способна стать высокоэффективной и при этом экономически малозатратной стратегией профилактики профессионального выгорания.

Литература:

1. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout // Journal of Organizational Behavior. — 1981. — Vol. 2, № 2. — P. 99–113.
2. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. — М.: Флинта: Наука, 1998. — 168 с.
3. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. — 330 с.
4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 18.06.2026).
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.06.2026).
6. Ratey J. J., Hagerman E. Spark: The Revolutionary New Science of Exercise and the Brain. — New York: Little, Brown and Company, 2008. — 304 p.
7. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. — СПб.: Питер, 2005. — 412 с.

Проблемы распределения рисков случайной гибели или повреждения имущества в договоре аренды

Даниленко Фаина Юрьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию проблем распределения рисков случайной гибели или случайного повреждения имущества в договоре аренды в российском гражданском праве.

В статье автором рассматриваются общее правило статьи 211 ГК РФ о возложении риска на собственника имущества, а также специальные положения законодательства, допускающие иное распределение риска законом или договором, включая регулирование финансовой аренды. Особое внимание уделено соотношению риска и гражданско-правовой ответственности, а также вопросам договорного перераспределения риска между арендодателем и арендатором.

В статье также поступательно анализируются основные проблемы правоприменительной практики, связанные с разграничением случайной гибели имущества и его повреждения по вине стороны договора, а также с определением последствий наступления таких обстоятельств для арендного обязательства.

По итогам исследования делается вывод о необходимости более четкого закрепления в гражданском законодательстве правил распределения риска случайной гибели или случайного повреждения арендованного имущества, что способствовало бы повышению правовой определенности и единообразию судебной практики.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское законодательство, договор аренды, арендатор, арендодатель, право собственности, риск случайной гибели, повреждение имущества, свобода договора.

Введение

Проблема распределения рисков случайной гибели или повреждения имущества в договоре аренды занимает важное место в российском гражданском праве, поскольку затрагивает баланс интересов арендодателя как собственника имущества и арендатора как его законного владельца и пользователя.

Актуальность темы обусловлена тем, что при аренде вещь выбывает из непосредственного обладания собственника, но право собственности на нее сохраняется за арендодателем. Именно поэтому возникает закономерный вопрос: «Кто должен нести неблагоприятные имущественные последствия, если вещь погибла или была повреждена при отсутствии вины сторон?»

Одной из типичных проблем арендных правоотношений на сегодняшний день выступает проблема передача вещи в состоянии, не отвечающем договорным и обычным требованиям. Арендатор, принимая имущество, обязан использовать его по согласованному назначению и вернуть в состоянии, обусловленном договором и соответствующим характеру обычного износа.

На практике это порождает многочисленные споры о допустимых пределах износа и о разграничении нормального результата эксплуатации от повреждений, свидетельствующих о нарушении обязанностей по сохранности имущества. В отсутствие чётких критериев и унифицированных стандартов суды нередко поразному оценивают сходные фактические ситуации, что ведёт к снижению степени предсказуемости правоприменения и росту числа конфликтов между арендодателями и арендаторами [1, С.196].

По общему правилу риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором. Однако в договоре аренды это правило действует не всегда в прямом и буквальном виде, поскольку специфика арендного правоотношения допускает как специальные законодательные исключения, так и договорное перераспределение риска в соответствии с ключевым принципом отечественной цивилистики — принципом свободы договора, закреплённым в ст. 421 ГК РФ.

Научный интерес к данной проблеме объясняется тем, что категория риска находится на пересечении вещного и обязательственного права.

С одной стороны, риск традиционно связывается с правом собственности, а с другой же стороны в арендных отношениях существенное значение приобретает вопрос о том, кто фактически контролирует имущество, использует его в хозяйственной деятельности и обязан обеспечивать его сохранность.

В российской цивилистике вопросы договорного регулирования аренды традиционно исследовались

в трудах М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, которые рассматриваются как одни из ведущих ученых в области обязательственного права и договорных конструкций [2].

Существенное значение для анализа арендных отношений имеют также современные комментарии к нормам ГК РФ под редакцией А. Г. Карапетова, в которых акцентируется необходимость системного толкования обязательственных норм [3].

Обращение к ключевым исследованиям названных авторов позволяет рассматривать риск не изолированно, а как элемент общего механизма договорного баланса интересов сторон.

Особый интерес представляет позиция Д. Д. Климановой, которая на основе анализа судебной практики предлагает формировать единый подход к распределению риска гибели или ухудшения имущества по договору аренды в зависимости от характера недостатков, поведения сторон и степени вины каждого участника [4]. Данная точка зрения представляется обоснованной, поскольку позволяет преодолеть чрезмерно упрощенное понимание риска только как следствия права собственности.

В условиях современного имущественного оборота более оправдан функциональный подход, при котором учитывается фактическая связь лица с имуществом и объем его обязанностей по обеспечению сохранности вещи.

В современных правовых реалиях единый подход к распределению риска по договору аренды должен формироваться с учетом анализа многочисленных судебных решений, а также с учетом момента возникновения недостатков, действий сторон и степени их вины.

Понятие риска и его отличие от ответственности

В гражданско-правовой доктрине риск случайной гибели или случайного повреждения имущества означает возложение неблагоприятных имущественных последствий на определенное лицо при отсутствии противоправного поведения с его стороны. Иными словами, риск действует там, где нет вины и нет оснований для применения мер гражданско-правовой ответственности.

Подобное свойство принципиально отличает риск от ответственности за нарушение обязательства. Если арендованное имущество погибло из-за небрежного обращения арендатора, нарушения условий эксплуатации, несоблюдения правил пожарной безопасности или иных виновных действий, речь идет уже не о случайном риске, а о договорной ответственности арендатора.

Такое разграничение имеет большое практическое значение. Суд не может ограничиться формальным указанием на статью 211 ГК РФ и автоматически признать, что риск всегда лежит на арендодателе как собственнике. Не-

обходимо установить, действительно ли гибель или повреждение имущества носили случайный характер. Если причинно-следственная связь между поведением арендатора и наступившим ущербом доказана, применению подлежат нормы об ответственности за нарушение обязательств, а не положения о риске случайной гибели вещи.

Общее правило статьи 211 ГК РФ

Статья 211 ГК РФ закрепляет универсальное положение, согласно которому риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором. Для арендных отношений это означает, что в обычной ситуации именно арендодатель как собственник несет потери, связанные с уничтожением или повреждением вещи по причинам, не зависящим от поведения арендатора.

В практических комментариях прямо указывается, что арендатор не обязан за свой счет восстанавливать случайно утраченное имущество или выплачивать арендодателю компенсацию, если повреждение или гибель произошли случайно.

Данное правило вытекает из самой природы права собственности. Собственник не только осуществляет господство над вещью, но и несет бремя ее содержания, а также имущественные последствия ее случайной утраты. Вместе с тем формула статьи 211 ГК РФ с самого начала имеет диспозитивный характер, поскольку допускает иное регулирование законом или договором. Следовательно, применительно к аренде речь идет не о безусловном и жестком правиле, а лишь об исходной модели распределения риска.

Специальные правила в арендных отношениях

Особое значение имеет статья 669 ГК РФ, регулирующая финансовую аренду (лизинг). В ней закреплено, что риск случайной гибели или случайной порчи арендованного имущества переходит к арендатору в момент передачи ему имущества, если иное не предусмотрено договором финансовой аренды. Названная норма демонстрирует, что законодатель отступает от общего вещно-правового критерия и связывает риск уже не с фигурой собственника, а с лицом, которое фактически использует имущество и заинтересовано в его хозяйственной эксплуатации.

Как подчеркивает в своей научной статье, посвященной исследованию предпринимательских рисков в арендных правоотношениях Д. С. Руханов, риски в зависимости от возможности передачи риска можно разделить на статические и динамические [5, С. 8].

В статье 669 ГК РФ как раз содержится наглядный пример динамического предпринимательского риска.

В рассматриваемой ситуации речь идет о примере так называемого динамического риска, когда его носитель может меняться в зависимости от конкретных обстоятельств. Изначально риск гибели или повреждения вещи

имеет статичный характер, будучи закреплён за определённым субъектом, но при изменении фактической ситуации и юридической квалификации он трансформируется в динамический и переходит к другому участнику обязательства.

Согласно статье 639 ГК РФ арендодатель по общему правилу несет риск гибели или повреждения имущества, предоставленного в аренду. Вместе с тем, если арендодатель докажет, что вред причинён вследствие обстоятельств, за которые в силу закона или условий договора отвечает арендатор, правовые последствия меняются: в таком случае обязанность возместить причинённый ущерб и фактическое несение риска возлагаются уже на арендатора.

Хотя статья 669 ГК РФ относится именно к лизингу, ее существование важно и для общей теории аренды. Она подтверждает, что распределение риска в арендных отношениях не является неизменным и может строиться по разным моделям.

В ряде случаев законодатель исходит из титула собственности, а в других — из фактического владения и экономического назначения вещи. Поэтому в научных целях необходимо рассматривать аренду не как механическое продолжение общего правила статьи 211 ГК РФ, а как более сложную обязательственную конструкцию.

Особенности договорного механизма перераспределения риска

Одной из центральных особенностей договора аренды выступает возможность сторон самостоятельно определить порядок распределения риска.

В пункте 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» [6] подчёркивается значимость использования принципа свободы договора в гражданских правоотношениях.

Исходя из принципа свободы договора, стороны вольны посредством включения соответствующих положений в договор аренды риск случайной гибели или случайного повреждения имущества распределить так, как они сочтут то необходимым. При этом важно учитывать, что отсутствие императивных запретов позволяет сторонам полностью перенести риск случайно гибели объекта аренды на арендатора.

Кроме того, стороны вправе согласовать момент перехода риска: например, с момента фактической передачи имущества, с даты подписания акта приема-передачи, с момента внесения первого арендного платежа либо с иного момента, прямо указанного в договоре.

Свобода договора в этой части имеет несомненные преимущества, поскольку она позволяет учитывать техническое состояние имущества, цели его использования, профессиональный статус арендатора, размер арендной платы и иные обстоятельства. При этом важно учитывать, что, с другой стороны, именно договорная свобода порождает множество практических проблем.

Так, например, нередко условия о риске формулируются слишком кратко и не увязываются с положениями о ремонте, страховании, техническом обслуживании, возврате имущества и последствиях наступления форс-мажорных обстоятельств.

В результате стороны полагают, что урегулировали вопрос одним пунктом договора, тогда как в реальном споре оказывается, что условие не позволяет однозначно установить ни момент перехода риска, ни его объем, ни последствия повреждения имущества.

Проблемы правоприменительной практики

Основная практическая сложность при работе с риском случайной гибели или повреждения объекта связана с необходимостью установить наличие вины стороны, ответственной по договору за сохранность арендуемого объекта.

Единый подход к распределению риска гибели или ухудшения имущества по договору аренды должен формироваться в зависимости от момента возникновения недостатков, действий арендодателя, арендатора или третьих лиц, а также степени их вины.

Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку демонстрирует, что недостаточно установить лишь факт нахождения вещи у арендатора. Необходимо выяснить, по какой причине имущество вышло из строя, существовали ли скрытые дефекты до передачи объекта, кто отвечал за техническое обслуживание, соблюдались ли условия эксплуатации и можно ли было предотвратить наступление ущерба.

Судебная практика показывает, что при отсутствии вины арендатора правило статьи 211 ГК РФ продолжает иметь решающее значение [7]. Однако если будет установлено, что арендатор нарушил обязанности по обеспечению сохранности имущества, своевременному уведомлению арендодателя о неисправностях, соблюдению правил эксплуатации или возврату вещи, спор должен решаться уже через призму ответственности за нарушение обязательства.

Таким образом, правоприменительная проблема заключается не только в толковании нормы, но и в правильной юридической квалификации конкретной ситуации.

Еще одна проблема связана с воздействием случайной гибели имущества на арендную плату. Если объект аренды уничтожен либо серьезно поврежден по причинам, не зависящим от арендатора, становится спорным вопрос о сохранении обязанности по внесению арендной платы.

С точки зрения общих начал обязательственного права встречное предоставление должно соответствовать возможности пользования имуществом. Когда такая возможность объективно отпала, продолжение взыскания арендной платы в прежнем объеме может противоречить

принципу эквивалентности договорных обязательств. В связи с чем, тема распределения риска тесно связана с вопросом о судьбе арендного обязательства в целом.

Заключение

Таким образом, мы видим, что распределение рисков случайной гибели или повреждения имущества в договоре аренды представляет собой сложный институт, находящийся на стыке вещного и обязательственного права. Общим правилом остается положение статьи 211 ГК РФ о том, что риск несет собственник имущества, если иное не установлено законом или договором. Однако в арендных отношениях данное правило не действует автоматически и безусловно, поскольку законодатель допускает специальные исключения, а стороны вправе перераспределить риск в договоре.

Наиболее серьезная проблема правоприменения состоит в необходимости разграничить случайный риск и ответственность арендатора за виновное нарушение обязанностей по сохранности вещи.

Перспективным направлением развития доктрины и практики видится комплексный подход, который будет учитывать не только принадлежность права собственности, но и момент передачи вещи, условия договора, наличие страхования, характер недостатков и поведение сторон. Именно такой подход способен обеспечить справедливый баланс интересов арендодателя и арендатора и повысить предсказуемость разрешения споров в сфере аренды.

Таким образом, можно заключить, что действующее регулирование нуждается в большей определенности на уровне специальных норм об аренде, поскольку общее правило статьи 211 ГК РФ не устраняет всех спорных вопросов, возникающих в судебной практике при разграничении случайного риска и ответственности арендатора.

В целях совершенствования гражданского законодательства целесообразно дополнить главу 34 ГК РФ специальной нормой следующего содержания:

«Если иное не предусмотрено законом или договором аренды, риск случайной гибели или случайного повреждения арендованного имущества несет арендодатель как собственник имущества; арендатор несет указанный риск с момента передачи имущества лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором, при условии четкого определения объема такого риска и последствий его наступления».

Закрепление подобного положения позволило бы устранить неопределенность в правоприменении, обеспечить единообразие судебной практики и повысить качество договорного регулирования арендных отношений в целом.

Литература:

1. Захаров Д. С. Правоприменительная практика договора аренды: проблемы и тенденции // Молодой ученый. 2025. № 47 (598). С. 196–197.

2. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Кн. 2 / Брагинский М. И., Витрянский В. В. М.: Статут. 2006. 780 с.
3. Аренда: комментарий к статьям 606–625 и 650–655 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос. 2023. 816 с.
4. Климанова Д. Д. Порядок распределения риска гибели или повреждения имущества по договору аренды // Хозяйство и право. № 01/2025. С. 16–26.
5. Руханов Д. С. Классификация предпринимательских рисков в сфере арендных отношений // Вопросы современной юриспруденции. № 2(64). 2017. С. 5–10.
6. Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.10.2023 № 307-ЭС23-9843 по делу № А56–10933/2022 // СПС «КонсультантПлюс». 2026.

Формы административно-правовой защиты прав граждан в РФ в сфере исполнительной власти

Данильчук Татьяна Александровна, студент
Владивостокский государственный университет

Защита прав и свобод человека и гражданина является одной из важнейших задач современного государства. Существенная роль в реализации данной функции принадлежит органам исполнительной власти, деятельность которых направлена на обеспечение законности, соблюдение прав и свобод граждан, а также создание необходимых условий для их эффективной реализации. Вместе с тем практика показывает, что решения и действия органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц не всегда соответствуют требованиям законодательства, что приводит к нарушению прав граждан. В статье рассматриваются формы и способы защиты прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти Российской Федерации, анализируются административный и судебный порядок обжалования действий и решений органов публичной власти, раскрываются особенности реализации права граждан на защиту нарушенных прав. Особое внимание уделяется соотношению административной и судебной форм защиты, их преимуществам и практическому значению для восстановления нарушенных прав граждан.

Ключевые слова: права и свободы граждан, исполнительная власть, административное обжалование, судебная защита, государственные органы, должностные лица, защита прав граждан.

Forms of administrative and legal protection of citizens' rights in the Russian Federation in the sphere of executive power

Protection of human and civil rights and freedoms is one of the most important functions of a modern state. Executive authorities play a significant role in implementing this function by ensuring legality, observance of citizens' rights and freedoms, and creating conditions for their effective realization. At the same time, the practice demonstrates that decisions and actions of public authorities, local self-government bodies and officials do not always comply with legal requirements, which may lead to violations of citizens' rights. The article examines the forms and methods of protecting citizens' rights and freedoms in the sphere of executive power in the Russian Federation, analyzes administrative and judicial procedures for appealing against actions and decisions of public authorities, and reveals the specific features of exercising the right to protection of violated rights. Particular attention is paid to the relationship between administrative and judicial forms of protection, their advantages and practical significance for restoring violated rights.

Keywords: citizens rights and freedoms, executive power, administrative appeal, judicial protection, public authorities, officials, protection of rights.

Защита прав и свобод человека и гражданина относится к числу фундаментальных задач российского государства. Реализация данной функции обеспечивается всеми ветвями власти, однако особое значение принадлежит исполнительной власти, поскольку именно она осуществляет непосредственное государственное управление

и взаимодействует с гражданами в повседневной деятельности. Согласно части 1 статьи 110 Конституции Российской Федерации [1] исполнительную власть в Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации. В соответствии с частью 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации Правительство Российской

Федерации осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка.

Исполнительная власть действует в пределах компетенции, установленной Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Органы исполнительной власти и их должностные лица обязаны осуществлять свои полномочия исключительно в рамках закона и обеспечивать соблюдение прав и свобод граждан. Для реализации возложенных на государство обязанностей Правительство Российской Федерации участвует в формировании и реализации государственной политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, разрабатывает и осуществляет государственные программы, направленные на совершенствование механизмов правовой защиты граждан.

Вместе с тем в деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления возможны нарушения прав и законных интересов граждан. В связи с этим законодательством предусмотрены специальные механизмы защиты прав лиц, которые считают, что их права были нарушены действиями либо бездействием органов власти или должностных лиц. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом, а также право на судебную защиту.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью обеспечения эффективного механизма восстановления нарушенных прав граждан в условиях постоянного взаимодействия населения с органами исполнительной власти. Практика показывает, что своевременное использование предусмотренных законом форм защиты позволяет не только восстановить нарушенные права, но и способствует укреплению законности в деятельности органов публичной власти.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации и защиты прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти Российской Федерации.

Предмет исследования составляют нормы конституционного, административного и процессуального законодательства, регулирующие формы и способы защиты прав граждан от неправомерных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц.

Под формами защиты прав граждан принято понимать предусмотренную законодательством деятельность компетентных органов по восстановлению нарушенных прав, установлению фактических обстоятельств дела, применению норм права и определению способа защиты. В сфере исполнительной власти традиционно выделяют две основные формы защиты прав граждан: административную и судебную [2].

Административная форма защиты предполагает рассмотрение жалоб граждан во внесудебном порядке. Ее сущность заключается в возможности обращения лица в орган

власти либо к должностному лицу, уполномоченному рассмотреть жалобу на действия или решения нижестоящего органа либо должностного лица. Такая форма защиты позволяет оперативно реагировать на допущенные нарушения и устранять их без обращения в судебные органы.

Административное обжалование представляет собой процесс рассмотрения обращений граждан на действия или бездействие органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Рассмотрение жалобы осуществляется вышестоящим органом либо вышестоящим должностным лицом в порядке подчиненности. Кроме того, гражданин вправе обратиться в иные государственные органы, осуществляющие контрольные и надзорные функции, включая прокуратуру, а также к Уполномоченному по правам человека [3].

Административная форма защиты может быть реализована как посредством обращения в государственные органы и общественные институты, так и путем самостоятельной защиты нарушенных прав. Общественная форма предполагает участие правозащитных организаций, адвокатов, юристов, прокуратуры и иных субъектов, содействующих восстановлению нарушенных прав граждан.

Преимущества административного обжалования заключаются прежде всего в его доступности и оперативности. Для обращения с жалобой гражданину не требуется уплачивать государственную пошлину или нести иные судебные расходы. Достаточно изложить обстоятельства нарушения прав и обратиться с требованием о принятии мер по устранению допущенного нарушения. Кроме того, полученный ответ позволяет заявителю оценить правовую позицию органа власти и использовать ее при дальнейшем обращении в суд.

В настоящее время общий порядок рассмотрения обращений граждан регламентируется Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4]. Указанный нормативный правовой акт определяет порядок подачи и рассмотрения обращений, сроки их рассмотрения, права заявителей и обязанности должностных лиц.

Несмотря на значимость административной формы защиты, она не всегда обеспечивает полное восстановление нарушенных прав. В случаях, когда принятое решение не удовлетворяет заявителя либо нарушение не устранено, гражданин вправе обратиться за судебной защитой.

Судебная форма защиты представляет собой деятельность судов по рассмотрению жалоб и исковых заявлений граждан, связанных с нарушением их прав действиями либо бездействием органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц. Судебному обжалованию подлежат, (в том числе) решения органов исполнительной власти, размещенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, включая государственные порталы и электронные сервисы.

Особенностью судебной защиты является возможность не только признания незаконными действий или решений органов власти, но и восстановления нару-

шенных прав посредством возложения на соответствующий орган обязанности совершить определенные действия. Кроме того, в рамках судебного разбирательства гражданин вправе требовать возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц или органов власти.

Функции судебной власти заключаются не только в осуществлении контроля за законностью действий органов исполнительной власти, но и в обеспечении единообразного применения законодательства. Судебная практика способствует развитию правовой системы, формированию единых подходов к разрешению споров между гражданами и государством, а также укреплению принципа верховенства права.

Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что судебная защита является важнейшей гарантией реализации конституционных прав и свобод человека. Вместе с тем административное обжалование сохраняет свою актуальность, поскольку во многих случаях позволяет значительно быстрее восстановить нарушенные права и устранить допущенные нарушения без необходимости длительного судебного разбирательства.

Способы защиты прав граждан представляют собой конкретные юридические действия, направленные на вос-

становление нарушенных прав и законных интересов [5]. В зависимости от характера нарушения могут использоваться восстановительные, компенсационные и иные способы защиты. Восстановительные способы направлены на возвращение гражданина в положение, существовавшее до нарушения его прав. Компенсационные способы предусматривают возмещение причиненного вреда. Иные способы защиты могут включать признание незаконными действий органов власти, отмену неправомерных решений, прекращение противоправного поведения и другие меры правового воздействия.

Таким образом, защита прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти Российской Федерации осуществляется посредством административной и судебной форм. Административное обжалование обеспечивает оперативное внесудебное рассмотрение жалоб граждан и позволяет во многих случаях восстановить нарушенные права без обращения в суд. Судебная защита выступает универсальной гарантией прав человека и обеспечивает независимую проверку законности действий органов публичной власти. Совокупность указанных форм и способов защиты создает необходимый механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина, способствует укреплению законности и повышению эффективности деятельности органов государственной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Принята Всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «Консультант-плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.05.2026).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС «Консультант-плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.05.2026).
3. Украинцев С. В. Формирование института административного обжалования в России / С. В. Украинцев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — № 5. — С. 87–92.
4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (в посл. ред. от 14.07.2022 № 270-ФЗ) // СПС «Консультант-плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.05.2026).
5. Скарлупин С. А. Понятие и структура административно-правового механизма охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ / С. А. Скарлупин // Вестник науки и образования. — 2021. — № 9 (112). — Ч. 3. — С. 64–68.

Реализация идей Болонского процесса в системе образования в Российской Федерации

Джепко Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

В последние десятилетия система высшего образования [4] претерпела значительные изменения, связанные с интеграцией международных стандартов и практик. Одним из ключевых факторов этой трансформации является Болонский процесс.

Болонский процесс, начатый в 1999 году в Болонье (Италия) представляет собой инициативу по гармонизации высшего образования в Европе [3, с. 204]. Целью процесса является создание Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), которое должно способ-

ствовать улучшению качества образования, повышению его доступности и мобильности студентов.

Вступление России в Болонский процесс произошло в 2003 году, когда страна подписала Болонскую декларацию [3, с. 204]. Реализация идей в Российской Федерации стала важной задачей, стремящейся не только модернизировать образовательные программы, но и повысить конкурентоспособность отечественных вузов на международной арене. Это событие ознаменовало начало преобразований в российском высшем образовании, направленных на интеграцию в международное образовательное пространство.

Важнейшими аспектами адаптации стали внедрение трехуровневой системы образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Это изменение позволяет обеспечить гибкость образовательных траекторий и адаптацию программ к индивидуальным потребностям студентов.

Следующим аспектом стало внедрение европейской системы кредитов (ECTS — European Credit Transfer and Accumulation System) [1, с. 126–127]. Данная система способствует упрощению перевода и признания кредитов между вузами, как внутри страны, так и за её пределами [5, с. 204].

Важным аспектом также является создание эффективных механизмов обеспечения и оценки качества образования. Аккредитация образовательных программ и внутренний мониторинг позволили повысить стандарты учебного процесса и обеспечить соответствие образовательных услуг международным требованиям.

Международное сотрудничество, как еще один аспект внедрения Болонских принципов в Российской Федерации, проявляется в развитии партнерств с зарубежными университетами и участии в международных программах обмена. Это способствует интеграции российских вузов в глобальную образовательную среду и позволяет студентам получать международный опыт и повышает престиж отечественного образования.

Уделение внимания мнениям студентов о качестве образовательных услуг в рамках реализации Болонских принципов способствует более точному соответствию учебных программ современным требованиям. Регулярные опросы и исследования мнения студентов помогают вузам улучшать образовательный процесс.

Помимо вышеперечисленных аспектов стоит упомянуть внедрение активных методов обучения, таких как проектная работа и исследовательская деятельность, направленных на развитие критического мышления и практических навыков у обучающихся. Это делает процесс обучения более интерактивным и актуальным.

Также не менее важным является ближайшее сотрудничество с работодателями, что позволяет вузам создавать программы, которые соответствуют запросам от организаций и способствуют повышению конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Эти аспекты внедрения Болонских принципов являются основными в процессе реформирования высшего образования в России и служат основой для его дальней-

шего развития в контексте глобальных изменений. [2, с. 190] Переход к трехуровневой модели стал одним из ключевых элементов реформ. Это позволило студентам получать образование, соответствующее международным стандартам, а также упростило процесс перевода и признания квалификаций.

С началом внедрения Болонских принципов Российские университеты начали активно участвовать в международных программах обмена, что способствовало обмену опытом и внедрению новых методов обучения. С введением новых стандартов и методик преподавания наблюдается рост качества образовательных программ. Вузы начали уделять больше внимания практической подготовке студентов и научным исследованиям.

Несмотря на достижения внедрение Болонских принципов в систему высшего образования Российской Федерации столкнулось с рядом проблем, которые затрудняют успешную реализацию реформ [3, с. 17].

Существующие федеральные государственные образовательные стандарты не всегда гармонизированы с Болонскими принципами, что создает трудности при адаптации учебных программ и систем оценки.

Несмотря на формальные условия для обмена и стажировок, реальная мобильность студентов остается низкой из-за финансовых, языковых и культурных барьеров, а также отсутствия должной информации о возможностях, предоставляемых обучающимся.

Существенной проблемой является обеспечение качества образования, связанное с недостаточной аккредитацией и отсутствием универсальных стандартов оценки, которые в дальнейшем могут привести к снижению доверия к некоторым российским вузам как на внутреннем, так и на международном уровне.

Не всегда можно отметить эффективное сотрудничество с потенциальными работодателями, что в свою очередь затрудняет создание учебных программ, адекватно отвечающих требованиям рынка труда, что в свою очередь сказывается на трудоустройстве выпускников.

Внедрение новых образовательных технологий и методик требует значительных финансовых и кадровых ресурсов, которых зачастую не хватает. Это приводит к неравномерному качеству образования в различных вузах. Некоторые участники образовательного процесса, включая преподавателей и административный персонал, могут сопротивляться внедрению новых методов и стандартов, что замедляет процесс реформ.

Эти проблемы требуют комплексного подхода к решению, включая пересмотр образовательных стандартов, развитие партнерств с работодателями, увеличение финансирования и повышение информированности участников образовательного процесса [3, с. 18–19].

В условиях глобализации и динамичных изменений в образовательной сфере, развитие принципов Болонского процесса в России представляет собой важную задачу, обеспечивающую интеграцию отечественного высшего образования в международное пространство. При

решении вышеперечисленных проблем для системы высшего образования в Российской Федерации откроется ряд перспектив.

Внедрение и адаптация международных образовательных стандартов, таких как ECTS и системы обеспечения качества, помогут повысить конкурентоспособность российских вузов на международной арене и способствовать взаимному признанию дипломов.

Продолжение работы над программами академической мобильности, таких как Erasmus+ (некоммерческая программа Европейского союза по обмену студентами и преподавателями между университетами стран членов Евросоюза, а также Исландии, Лихтенштейна, Северной Македонии, Норвегии, Турции, Сербии), позволит российским студентам и преподавателям участвовать в обменах, что не только улучшит их квалификацию, но и создаст устойчивые международные партнерства.

Повышение требований к качеству образовательных программ через аккредитацию и внутренний мониторинг позволит создать систему, ориентированную на потребности студентов и работодателей, а также на актуальные вызовы современности.

Внедрение активных и интерактивных методов обучения, включая проектное и дистанционное обучение, будет способствовать формированию у студентов навыков, необходимых для успешной работы в быстро меняющемся мире.

Гибкость учебных планов и программ в ответ на изменения в экономике и потребности рынка труда позволит выпускникам быть более конкурентоспособными. Партнерство с бизнесом в разработке курсов и стажировок станет ключевым фактором успеха.

Внедрение принципов устойчивого развития в образовательные программы станет важным аспектом подготовки специалистов, способных справляться с глобальными вызовами.

Образование будущего требует междисциплинарного подхода, который позволит студентам интегрировать знания из различных областей и применять их в решении сложных задач.

Эти перспективы свидетельствуют о необходимости гибкого и адаптивного подхода к развитию принципов Болонского процесса в России, что обеспечит устойчивость и конкурентоспособность высшего образования в условиях глобальных изменений.

На фоне интеграции в международное образовательное пространство наблюдается прогресс в унификации образовательных программ, развитии систем оценки и аккредитации, а также в расширении академической мобильности студентов.

Однако, несмотря на достижения, остаются серьезные вызовы, включая необходимость повышения качества образования, недостаток финансирования и различия в восприятии целей Болонского процесса на уровне вузов. Эффективная реализация принципов, заложенных в Болонской декларации, требует не только правового и институционального обеспечения, но и активного вовлечения всех участников образовательного процесса.

В будущем ключевым фактором успешной реализации станет сотрудничество между образовательными учреждениями, государственными органами и бизнесом, что позволит обеспечить интеграцию российского высшего образования в глобальную образовательную среду и повысить его конкурентоспособность.

Литература:

1. M.Mirzayev Advantages of the transformation to European credit transfer system in Uzbek universities turned their faces / Murodil Mirzayev // Carjis — 2022. — № Special Issue 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advantages-of-the-transformation-to-european-credit-transfer-system-in-uzbek-universities-turned-their-faces> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Клеймёнова, Т. Н. Состояние высшего образования в современной России / Т. Н. Клеймёнова, Е. А. Волкова, О. В. Джаксбаева // Проблемы современного педагогического образования — 2021. — № 71–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-vysshego-obrazovaniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Махалов, Д. А. Болонский процесс в российской системе образования: проблемы и перспективы / Д. А. Махалов // Вестник науки — 2020. — № 6 (27). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-v-rossiyskoy-sisteme-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53.
5. Плаксий, С. И. Болонский процесс / С. И. Плаксий // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess> (дата обращения: 01.10.2024).

Особенности состояния преступности среди школьников в Алтайском крае (2023–2026 гг.)

Джепко Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Проблема преступности среди школьников остаётся одной из наиболее острых социальноправовых проблем современного российского общества. Особую актуальность она приобретает на региональном уровне — в частности, в Алтайском крае, где в последние годы фиксируются неоднозначные тенденции в динамике подростковой преступности.

По данным прокуратуры и УМВД Алтайского края, в 2023–2026 годах наблюдается рост общего числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

В 2023 году зарегистрировано 765 преступлений, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии. Удельный вес подростковой преступности составил 3,9 % от общего числа преступлений в крае. В 2024 году количество таких преступлений снизилось до 752 (на 1,7 % меньше, чем в 2023 году). Удельный вес подростковой преступности составил 4,4 %. В 2025 году зафиксирован рост числа преступлений, совершённых несовершеннолетними. В Барнауле, например, рост составил 27 % по сравнению с предыдущим годом. По данным на февраль 2026 года, в целом по краю тенденция роста подростковой преступности сохранялась [7].

Одновременно в ряде территорий отмечено снижение преступности, что подчёркивает неравномерность распределения криминальной активности по региону: январь — март 2026 года: 189 преступлений (+ 6,8 % к аналогичному периоду 2025 года) [7] [1].

За указанный период преступления зафиксированы в 64 муниципальных образованиях края. Отмечается неравномерность динамики: в одних районах — значительный рост, в других — снижение.

Рост числа преступлений (2025–2026 гг.):

- Табунский район: + 400 % (с 1 до 5 случаев);
- Заринский район: + 300 % (с 2 до 8 случаев);
- Троицкий район: + 200 % (с 4 до 12 случаев);
- Панкрушихинский район: + 200 % (с 1 до 3 случаев) [7].

Снижение числа преступлений (2025–2026 гг.):

- Баевский район: — 100 %;
- Калманский район: — 85,7 %;
- Солонешенский район: — 75 %;
- Топчихинский район: — 100 % [7].

Анализ структуры преступности несовершеннолетних в Алтайском крае за 2023–2026 годы демонстрирует чёткую иерархию видов преступлений по их распространённости [7] [4].

Преобладающую долю в структуре подростковой преступности составляют преступления против собственности — в среднем 60–65 % от общего числа правонарушений, совершённых несовершеннолетними.

На втором месте по распространённости находятся преступления в сфере незаконного оборота наркотиков — их доля составляет 15–20 % от общего числа подростковых правонарушений. Данная категория вызывает особую обеспокоенность, поскольку часто связана с вовлечением несовершеннолетних в организованные преступные схемы, имеет тенденцию к росту в связи с распространением онлайнканалов сбыта, а также оказывает комплексное негативное влияние на здоровье и социализацию подростков.

Третью позицию занимают преступления против жизни и здоровья (10–12 % от общего числа).

Относительно небольшую, но социально значимую долю составляют преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних — 0,5–1 % от общего числа. Несмотря на низкий процент, такие преступления имеют высокую степень общественной опасности и требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов и социальных служб.

К категории «прочие преступления» (5–8 %) отнесены правонарушения, не вошедшие в основные группы, например, хулиганство.

Преступления против собственности остаются доминирующим видом подростковой преступности, что связано с относительной доступностью таких деяний и возможностью быстрого получения материальной выгоды.

Анализ возрастной и социальной структуры подростковой преступности позволяет выявить ключевые группы риска и определить направления профилактической работы. Полученные данные отражают закономерности противоправного поведения несовершеннолетних в Алтайском крае за 2023–2026 годы.

Распределение преступлений по возрастным группам демонстрирует следующую картину:

- 14–15 лет — на эту возрастную категорию приходится 45 % всех преступлений, совершённых несовершеннолетними. Подростки данного возраста часто совершают правонарушения под влиянием сверстников, из любопытства или в попытке самоутвердиться. Характерны импульсивные действия с низкой степенью планирования.
- 16–17 лет — доля данной группы составляет 40 %. В этом возрасте подростки чаще совершают осознанные преступления с конкретной целью (материальная выгода, утверждение в группе). Отмечается более высокий уровень организованности противоправных действий по сравнению с младшей возрастной группой.
- младше 14 лет — данная категория составляет 15 % от общего числа преступлений. Несмотря на относительно невысокий процент, факты совершения пра-

вонарушений детьми младшего подросткового возраста вызывают особую обеспокоенность, поскольку свидетельствуют о ранней криминализации части молодёжи [1] [6].

Анализ социального статуса несовершеннолетних правонарушителей показывает следующее распределение:

- учащиеся общеобразовательных школ — 70 % от общего числа несовершеннолетних преступников. Это наиболее многочисленная группа, что связано с высокой концентрацией подростков данного возраста в школах и спецификой их социального окружения;
- учащиеся ссузов (средних специальных учебных заведений) — 25 %. Для данной категории характерны более осознанные и спланированные преступления, нередко связанные с попытками быстрого заработка;
- не учащиеся и не работающие — 5 %. Эта группа, несмотря на небольшую долю, представляет собой наиболее проблемный контингент: подростки из этой категории чаще вовлечены в устойчивые криминальные группы и совершают тяжкие преступления [1].

Важной характеристикой подростковой преступности является её групповой характер. Динамика групповых преступлений за рассматриваемый период демонстрирует устойчивый рост:

- 2023 год — 68 % преступлений совершалось в группах;
- 2024 год — показатель вырос до 71 %;
- 2025 год — доля групповых преступлений достигла 74 %;
- I квартал 2026 года — зафиксировано 76 % групповых преступлений [1].

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что более 50 % групповых преступлений совершаются при участии взрослых лиц.

В ходе анализа статистических данных были выявлены различия между городской и сельской местностью [4] [3]:

- Городские территории (Барнаул, Бийск, Рубцовск и др.): преобладают грабежи, разбои, угоны; высокий уровень киберпреступлений с участием подростков; активное вовлечение в незаконный оборот наркотиков через интернет.
- Сельские районы: выше удельный вес краж, преступлений против личности; чаще встречаются групповые преступления с участием взрослых; меньше возможностей для организации досуга подростков.

В период 2023–2026 годов в Алтайском крае был реализован комплекс профилактических мер, направленных на снижение уровня преступности среди несовершеннолетних.

Ключевым элементом профилактической работы стало укрепление межведомственного взаимодействия между образовательными организациями, правоохранительными органами, комиссиями по делам несовершеннолетних, органами социальной защиты и общественными организациями. Были проведены «Единые дни профилактики» — комплексные профилактические акции, охва-

тывающие образовательные организации края. В 2025 году мероприятия охватили более 80 тысяч учащихся [1]. В рамках встреч обсуждались вопросы правовой грамотности, ответственности за правонарушения, а также проводились тренинги по развитию навыков конструктивного разрешения конфликтов [1].

Информационнопросветительские мероприятия были направлены на формирование у подростков правоопослушного поведения и критического отношения к криминальным проявлениям. Проводились лекции и беседы с учащимися 7–11 классов — в 2025 году охват составил свыше 16 тысяч человек. Также проводились трансляции профилактических видеоматериалов — демонстрация тематических видеороликов в школах и на официальных ресурсах образовательных организаций. Материалы были посвящены реальным историям подростков, столкнувшихся с последствиями противоправных действий, а также способам избежать вовлечения в преступную деятельность.

Создание условий для позитивной занятости подростков — одно из важнейших направлений профилактики. В крае проводилась работа по расширению возможностей для организованного досуга несовершеннолетних. В ходе расширения сети бесплатных кружков и секций произошло увеличение количества бесплатных дополнительных образовательных программ в школах и учреждениях дополнительного образования. Особое внимание уделялось спортивным секциям, техническим и творческим объединениям [1] [3].

Проведённый анализ состояния преступности среди несовершеннолетних в Алтайском крае за 2023–2026 годы позволил выявить ряд существенных тенденций, требующих пристального внимания со стороны правоохранительных органов, системы образования и социальных служб. Рост общего числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. За период 2023–2025 годов зафиксирован прирост на 14,1 %. Данная динамика свидетельствует о недостаточной эффективности существующих профилактических мер либо о появлении новых факторов, провоцирующих противоправное поведение подростков. Основная возрастная группа риска — школьники 14–17 лет. Это подчёркивает важность профилактической работы непосредственно в образовательных организациях и по месту жительства подростков.

С учётом выявленных тенденций предлагается реализовать комплекс мер, направленных на снижение уровня подростковой преступности и минимизацию факторов риска:

- Усилить межведомственное взаимодействие между школами, полицией, комиссиями по делам несовершеннолетних и общественными организациями.
- Расширить программы досуга для подростков, особенно в сельской местности.
- Активизировать информационную работу с родителями о рисках вовлечения детей в преступную деятельность через интернет.

– Совершенствовать методики профилактики с учётом современных вызовов (киберпреступность, наркоторговля в сети).

– Проводить регулярный мониторинг эффективности профилактических программ и корректировать их с учётом текущей ситуации.

– Уделить особое внимание работе с семьями группы риска и неблагополучными семьями.

Реализация предложенных мер позволит создать комплексную систему профилактики подростковой преступности, учитывающую современные вызовы и региональные особенности Алтайского края.

Литература:

1. Аналитические материалы прокуратуры Алтайского края «О состоянии преступности несовершеннолетних» за 2023–2026 годы.
2. В Барнауле выросла преступность среди подростков // Алтайская правда. — 2026. — 15 февраля. — URL: [официальный сайт «Алтайской правды»] (дата обращения: 13.04.2026).
3. Материалы Министерства образования и науки Алтайского края о реализации профилактических программ в образовательных организациях за 2023–2026 годы.
4. Репьева, А. М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: детерминанты и меры предупреждения (на материалах Алтайского края) / А. М. Репьева, О. М. Шаганова // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-prestupnosti-nesovershennoletnih-determinanty-i-mery-preduprezhdeniya-na-materialah-altayskogo> (дата обращения: 15.04.2026).
5. Рост подростковой преступности зафиксировали на территории Барнаула в 2025 году // Вечерний Барнаул. — 2026. — 13 февраля. — URL: [официальный сайт «Вечернего Барнаула»] (дата обращения: 13.04.2026).
6. Сапронова, Н. А. О некоторых особенностях преступности несовершеннолетних в Алтайском крае и её предупреждении / Н. А. Сапронова, С. Н. Фадеев // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 15.04.2026).
7. Статистические отчёты УМВД России по Алтайскому краю за 2023–2026 годы.

Становление принципа разграничения предметов ведения и полномочий в конституционно-правовом регулировании в Российской Федерации

Дьячков Лев Валерьевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье рассматривается история становления принципа разграничения предметов ведения и полномочий в конституционно-правовом регулировании Российской Федерации. Рассматривается исторический аспект формирования принципа. Рассматриваются основные этапы развития данного принципа и его основные изменения во времени. Отмечается главенствующая роль Федеративного договора 1992 года в формировании современной модели разграничения предметов ведения и полномочий.

Ключевые слова: конституция, предметы ведения, федеративное устройство, федерализм, разграничение предметов ведения и полномочий, федеративный договор.

Одним из фундаментальных принципов федеративного устройства является разграничение предметов ведения между органами государственной власти федерации и органами государственной власти её субъектов. Этот принцип, наряду с государственной целостностью, единством системы власти, равноправием субъектов федерации, верховенством федерального права, а также равенством и самоопределением народов, проживающих на территории государства, формируют основу федерализма.

Модель разграничения предметов ведения и полномочий в полной мере зависит от правовой системы государства, менталитета народа, традиций в государстве. Во

многом значим исторический аспект, так как через анализ правовых актов, принятых в России на разных этапах её исторического развития, можно увидеть ключевые изменения в регламентации разграничения компетенций между федерацией и её субъектами.

Впервые в российской истории принцип разграничения компетенций был закреплён в Конституции РСФСР 1918 года [1]. Соответствующие положения содержались в девятой и двенадцатой главах основного закона. Примечательно, что в этом документе распределение компетенций осуществлялось через определение полномочий высших органов власти — Всероссийского съезда Советов и Всероссий-

ского Центрального Исполнительного Комитета Советов, которые до 1938 года выполняли функции верховных законодательных, распорядительных и контрольных органов государственной власти. Эти органы, по сути, были аналогом современного федерального центра. Органы советской власти на местах обладали предельно ограниченными полномочиями, сводившимися лишь к исполнению решений центра, осуществлению мер по хозяйственному и культурному развитию своих территорий, решению вопросов исключительно местного значения и координации советской деятельности в пределах подконтрольных районов. Такая система управления, сложившаяся в условиях Гражданской войны, отражала необходимость создания жёсткой вертикали власти для сохранения государственности.

В период формирования советской государственности Конституция СССР 1924 года [2] впервые закрепила принципы федеративного устройства. В статье 1 основного закона были четко определены 24 исключительные компетенции союзных органов власти, включая ключевые вопросы государственного суверенитета: международное представительство, ведение дипломатических отношений, заключение политических и иных межгосударственных соглашений. К ведению центра также относились территориальные вопросы — изменение внешних границ СССР и внутренних границ между союзными республиками, принятие новых субъектов в состав Союза. Особо важные полномочия включали право объявления войны, заключения мира, а также ратификации международных договоров, что подчеркивало суверенный статус СССР как субъекта международного права. Таким образом, Конституция СССР 1924 года заложила юридические основы советской модели федерализма с выраженной централизацией ключевых государственных функций.

В «сталинской» Конституции СССР 1936 [3] года не сохранилось существенных различий в определении объёма компетенций Союза и его республик. Однако теперь предметы ведения стали не отдельными главами, а были вынесены в статьи 13 и 14 в составе Главы II о федеративном устройстве СССР. В процессе эволюции советской государственности произошла трансформация компетенций Союза. Из перечня союзных полномочий были исключены вопросы, связанные с переселенческим фондом и межреспубликанскими переселениями, поскольку к этому времени во многом была решена проблема земельного дефицита и освоения территорий на востоке страны. Из списка компетенций исчезли организация общесоюзной статистики и отмена нарушающих Конституцию постановлений съездов Советов и центральных исполнительных комитетов союзных республик. Если первоначально Конституция 1924 года лишь декларировала установление денежно-кредитной системы, то в следующем основном законе закреплялось прямое руководство этой системой со стороны федерального центра. Эти изменения отражали качественно новый этап развития советского государства, которое не только преодолело трудности становления, но и утвердило свой статус на мировой арене.

7 октября 1977 года Верховный Совет СССР утвердил новую Конституцию «развитого социализма». Этот основополагающий документ во многом стал прообразом структуры будущей Конституции РФ 1993 года. Сравнительный анализ показывает существенное расхождение в подходе к распределению полномочий между центром и субъектами. В отличие от Конституции 1936 года, где статья 73 содержала широкий перечень из 24 компетенций союзных органов, данная конституция существенно сократила этот список до 12 позиций. Такое сокращение сфер исключительного ведения федерального центра отражало изменения в государственном устройстве и подходе к управлению страной в период «развитого социализма».

Конституция СССР 1977 [4] года внесла существенные изменения в распределение властных полномочий между центром и республиками. Согласно абзацу 2 статьи 76, союзные республики получили право самостоятельного осуществления государственной власти по всем вопросам, не отнесённым к исключительной компетенции Союза. Это положение фактически расширяло автономию республик, предоставляя им значительные полномочия в решении многочисленных вопросов, не входивших в сферу ведения федерального центра.

Особое значение имела глава 9 Конституции, которая отразила тенденцию к постепенной передаче отдельных полномочий союзным республикам. В отличие от декларативных норм Конституции 1936 года, касающихся статуса союзной республики, новый Основной закон предоставил им реальные возможности участия в решении общесоюзных вопросов через представительство во всех ветвях власти. Кроме того, союзные республики получили право самостоятельно определять своё административно-территориальное устройство, устанавливая систему собственных административных единиц, что свидетельствовало о развитии элементов федерализма в рамках советской государственной системы.

В последние годы существования СССР, 26 апреля 1990 года, был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» [5]. Данный закон стал одной из последних попыток реформировать советскую федеративную систему. Он вводил элементы реального федерализма, но не смог предотвратить нарастание центробежных тенденций. Впервые в советской практике прослеживалось чёткое разграничение полномочий между Союзом и союзными республиками. Если в ранее принятых конституционных документах не существовало такого понятия, как «совместная компетенция», то в статье 8 впервые появился перечень совместных полномочий Союза и союзных республик. Стоит отметить, что данный перечень даже в наше время можно охарактеризовать как очень широкий, так как, анализируя данную статью, можно увидеть, что общие начала гражданского, уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, судостроительство, финансовое регулирование, основы федерального рынка находились в со-

вместном ведении. В современной конституции данные вопросы находятся в исключительном ведении Российской Федерации.

В период, предшествовавший принятию Конституции РФ приобрели значение три взаимосвязанных соглашения, подписанные 31 марта 1992 года. Эти документы, известные как Федеративный договор [6], устанавливали чёткие рамки распределения компетенций между федеральными органами власти России и региональными органами власти 19 субъектов федерации, включая суверенные республики, края, области, города федерального значения (Москву и Санкт-Петербург), а также автономные округа и автономную область.

В рамках Федеративного договора особые условия были предусмотрены для суверенных республик. Их соглашение включало два четко определённых перечня: исключительных федеральных полномочий и сфер совместного ведения, что создавало правовые гарантии защиты интересов этих субъектов Федерации. В отличие от этого, договоры с другими типами субъектов содержали исчерпывающий перечень федеральных компетенций, но предусматривали открытый перечень вопросов совместного ведения. Это подтверждается формулировкой статьи II данных соглашений: «Другие полномочия, отнесенные Конституцией Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов». Примечательно, что ни один из трех документов не определял перечень исключительных полномочий самих субъектов Федерации.

Федеративный договор зафиксировал принципы федеративных отношений между центром и регионами, существенно изменив советскую модель управления. Договор закрепил асимметричную модель российского федерализма, установив различные уровни автономии для разных типов субъектов. Республики как национально-государственные образования получили наиболее широкие полномочия, включая право собственного законодательного регулирования по всем вопросам, не отнесённым к исключительной федеральной компетенции, а также равные с центром права в сфере регулирования земельных отношений и недропользования. В то же время административно-территориальные единицы — края, области города федерального значения Москва и Санкт-Петербург — обладали меньшим объёмом прав. Особый статус автономных округов и автономной области предусматривал их потенциальное вхождение

в состав краёв и областей, что создавало правовую неопределённость в вопросах разграничения полномочий. Таким образом, договор оформил иерархическую систему федеративных отношений, где степень автономии субъектов напрямую зависела от их конституционно-правового статуса, отразив компромиссный характер государственного устройства переходного периода. Договор ознаменовал децентрализацию управления, так как передача регионам значительных полномочий в экономике, социальной сфере и законодательстве в РФ было равнозначно ослаблению центральной власти. Данный Договор, несомненно, повлиял на будущую Конституцию РФ 1993 года. Положения договора были частично инкорпорированы в положения статей 71, 72, 73 Конституции РФ [7], но в новой конституции однозначно прослеживалось усиление роли федерального центра. Хотя и была закреплена равноправность всех субъектов (ч. 4 ст. 5 Конституции РФ), но на практике Российская Федерация стала государством с многоуровневой симметрией федеративного устройства.

Федеративный договор 1992 г. был компромиссом между центром и регионами, создавшим асимметричную федерацию. В апреле 1992 года Федеративный договор по решению VI Съезда народных депутатов РФ стал приложением и неотъемлемой частью российской Конституции. Федеративный договор стал важнейшей правовой основой для преобразования системы государственного устройства России, закрепив принципиально новые подходы во взаимоотношениях центра и регионов. Впервые на законодательном уровне был установлен договорной порядок разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти, при этом республики официально признавались суверенными государствами в составе РФ с сохранением их деклараций о государственном суверенитете. Документ детально регламентировал сферы ведения и компетенции, создавая условия для самостоятельного развития регионов с учетом их социально-экономических особенностей. Особое значение имел отказ от традиционной модели вертикального подчинения в пользу партнерских отношений, основанных на принципах добровольности, договорённости и взаимного учёта интересов. Таким образом, договор заложил фундамент современного российского федерализма, сочетающего общегосударственное единство с развитием региональной самостоятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета» (ВЦИК). — 1918 г.- № 151.- ст. 582 (утратила силу).
2. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. // Известия Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР и Всероссийского Центрального исполнительного комитета» (ВЦИК). — 1923 г.- № 150 (утратила силу).
3. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Известия Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР и Всероссийского Центрального исполнительного комитета» (ВЦИК). — 1936 г.- № 283 (утратила силу).

4. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1977 г. - № 41. — ст. 617 (утратила силу).
5. Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации от 26.04.1990 № № 1457 — I 1990 г. (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16 июня 2026 г.).
6. Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16 июня 2026 г.).
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.

Юридическая ответственность фитнес-тренера

Зайцева Валерия Александровна, студент

Научный руководитель: Поддубная Татьяна Владимировна, старший преподаватель
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются актуальные вопросы юридической ответственности фитнес-тренера в Российской Федерации в условиях стремительного роста индустрии фитнес-услуг и увеличения числа занимающихся. Особое внимание уделено распределению ответственности между тренером и фитнес-клубом.

Ключевые слова: юридическая ответственность, фитнес-тренер, фитнес-клуб.

В настоящее время в Российской Федерации происходит развитие фитнес-услуг, которое нацелено на привлечение граждан к занятиям физической культурой. Фитнес перестал быть исключительно формой досуговой деятельности, он превратился в индустрию, связанную с повышением воздействия физических нагрузок на организм человека. В данном случае ключевой фигурой, обеспечивающей безопасность тренировочного процесса, является тренер. Его юридическая ответственность напрямую связана с защитой жизни и здоровья потребителей спортивных услуг. Недостаточная квалификация, несоблюдение методических требований или отсутствие контроля — все это может привести к травмам, а юридические последствия для тренеров варьируются от дисциплинарных взысканий до уголовного преследования. Цель работы — раскрыть юридическую ответственность фитнес-тренера и показать значимость для безопасности граждан. Актуальность проблемы обусловлена повышением количества людей, занимающихся фитнесом, в 2026 году это больше 7,5 миллионов человек [8].

Согласно Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», тренером признается физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование, которое организует учебно-тренировочный процесс, а также руководит их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов [4]. Однако статья 348.1 Трудового кодекса Российской Федерации определяет тренера как лицо, трудовая функция которого состоит в проведении со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществлении руководства состязательной

деятельностью спортсменов для достижения спортивных результатов [2]. Следует отметить, что трудовой кодекс российской федерации смещает акцент с квалификационных требований на функциональные обязанности, это различие необходимо для понимания с какой стороны тренер будет привлечен к ответственности.

К должности тренера предъявляются определённые требования, которые закреплены, в частности, в специальном приказе Минтруда, где прописаны необходимые трудовые действия, умения и знания [6]. Данный документ имеет фундаментальное значение, поскольку содержит минимальные профессиональные стандарты, которые устанавливаются для тренеров.

Так, за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей тренер может привлекаться к дисциплинарной ответственности. Согласно ст. 192 ТК РФ, за совершение дисциплинарного проступка работодатель имеет право применить замечание, выговор или увольнение по соответствующим основаниям [2].

Важным аспектом является распределение ответственности между тренером и фитнес-клубом.

Первоначально следует обозначить, что правоотношения между фитнес-клубом и клиентом подлежат регулированию Законом от 07.02.1998 № 2300–1 «О защите прав потребителей». Следовательно, тренажерный зал обязан предоставлять услуги, которые соответствуют безопасности.

Фитнес-индустрия в настоящее время предлагает широкий спектр форм: от упражнений низкой интенсивности (растяжка, пилатес, йога) до высокоинтенсивных функциональных упражнений (кроссфит, HIIT) и силовых тренировок (тяжелая атлетика, бодибилдинг). Каждый формат

характеризуется определенными биомеханическими рисками. Работа со свободными весами повышает риск компрессионных травм, в то же время усиленные упражнения могут приводить к более серьезным травмам.

Требования к безопасности подлежат изменениям в зависимости от типа тренировки. Согласно статье 7 Закона «О защите прав потребителей» потребитель имеет право на то, чтобы услуга при обычных условиях ее использования была безопасной для его жизни и здоровья, а также не причиняла вред имуществу потребителя [5]. При проведении групповых занятий аэробикой тренеру необходимо следить за общей интенсивностью, чтобы предотвратить превышение максимально допустимой частоты сердечных сокращений у занимающихся, подверженных риску сердечно-сосудистых заболеваний. При персональных тренировках приоритет отдается индивидуальной биомеханике, а при использовании критических весов обеспечивается страховка.

Для фитнес-тренера вероятность наступления юридической ответственности относительно невелика. В случае того, если тренер работает в клубе по трудовому или гражданско-правовому договору, то согласно ст. 1068 ГК РФ именно клуб несет ответственность за вред причиненный потребителю услуг при исполнении тренером своих трудовых, служебных или должностных обязанностей [1]. Исключением в данном случае будет являться лишь уголовная ответственность.

Так, согласно ст. 14 Закона «О защите прав потребителей» вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению в полном объеме, а также вред, причиненный вследствие недостатков работы или услуги, подлежит возмещению исполнителем [5]. Исполнителем в данной ситуации выступает лицо, с которым у потребителя заключен договор об оказании услуг. В случае занятий в фитнес-клубе, договор на проведение персональных тренировок и оказание иных фитнес-услуг заключается не напрямую с тренером, а между клиентом и фитнес-клубом, в котором тренер ведет свою деятельность. Соответственно именно клубу, с которым заключен договор, клиент предъявляет претензии, и именно фитнес-клуб возмещает вред, причиненный жизни или здоровью потребителя.

Таким образом, согласно действующему законодательству в Российской Федерации первым ответственность будет нести фитнес-клуб, причем он, как правило, выступает на стороне защиты тренера, в целях сохранения собственной репутации. Однако следует брать во внимание тот факт, что клуб может предъявить тренеру регрессное требование и через суд взыскать сумму, которая была выплачена клиенту.

Однако существуют ситуации, когда вред возмещает лично фитнес-тренер:

— Тренер работает самостоятельно, вне клуба или просто арендует помещение у клуба, и напрямую заклю-

чает договор об оказании физкультурно-оздоровительных услуг с клиентом. В данном случае тренер будет выступать непосредственным исполнителем согласно договору;

— Тренер работает в фитнес-клубе по трудовому договору или гражданско-правовому договору, но действия или бездействия тренера повлекли за собой гибель клиента либо причинение тяжкого вреда здоровью. В данном случае будет предусмотрена уголовная ответственность тренера по статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации, а клуб не будет нести ответственность в данном случае [3].

Также следует рассмотреть ответственность тренера при работе с клиентом напрямую, если договор заключается непосредственно между тренером и клиентом. Так, согласно статье 401 ГК РФ «лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности)». Но «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» [1].

Таким образом, исполнитель услуг может быть привлечен к ответственности, если он не выполняет или неправильно выполняет действия, естественные для предусмотрительного человека. Например, тренер не страхует клиента при выполнении жима лежа и т. д. Если в результате такой неосмотрительности клиент получит травму, он может подать на тренера в суд.

Основополагающим условием для привлечения тренера или фитнес-организации к гражданско-правовой ответственности является установление причинно-следственной связи между действием (бездействием) ответчика и наступившим вредом здоровью. Показательным является дело № 2-131/2020, рассмотренное Московским районным судом г. Казани. Истица, занимавшаяся по персональной программе с тренером, получила травму (апплексию яичника), которую связывала с чрезмерной нагрузкой, данной тренером вопреки её возражениям. Суд отказал в удовлетворении иска, поскольку истица отказалась от проведения судебно-медицинской экспертизы, а значит, не доказала наличие причинно-следственной связи между действиями тренера и причиненным вредом. Суд также установил, что персональный тренер не являлся сотрудником ООО «Алекс Фитнес», а действовал на основании отдельного договора, что также повлияло на распределение ответственности. [7]

Проведенный анализ показал, что юридическая ответственность фитнес-тренера носит комплексный межотраслевой характер, а её реализация напрямую зависит от правового статуса тренера и его взаимоотношений с фитнес-клубом. При осуществлении трудовых обязанностей ответственность перед потребителем по Закону «О защите прав потребителей» и статье 1068 ГК РФ возлагается на клуб как исполнителя услуги, что, однако, не исключает последующих регрессных требований к ви-

новному работнику. Личная ответственность тренера наступает в случаях самостоятельного оказания услуг вне рамок трудового договора, а также при причинении тяжкого вреда здоровью или гибели клиента, что влечёт уголовное преследование по статье 238 УК РФ независимо от отношений с клубом.

Таким образом, соблюдение методических и профессиональных стандартов, адекватная оценка рисков тренировочного процесса и повышение правовой грамотности тренерского состава выступают необходимыми мерами для минимизации юридических рисков и обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ, часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ, часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ. — СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023: (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). — СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ: последняя редакция. — СПС «КонсультантПлюс».
5. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1: (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026). — СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минтруда России от 27.04.2023 № 353н: ред. от 27.04.2023 «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по фитнесу (фитнес-тренер)» (зарегистрировано в Минюсте России 25.05.2023 № 73437). — СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение № 2–131/2020 2–131/2020(2–2486/2019;)-М-2926/2019 2–2486/2019 М-2926/2019 от 9 февраля 2020 г. по делу № 2–131/2020. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Zfv5QOgtBI5n/> (дата обращения: 21.06.2026).
8. Стало известно число россиян, регулярно посещающих фитнес-клубы. — Текст: электронный // NEW.RU: [сайт]. — URL: <https://news.ru/society/stalo-izvestno-chislo-rossiyan-regulyarno-poseshayushih-fitness-kluby> (дата обращения: 21.06.2026).

Исполнение решений Конституционного Суда РФ

Иванищенко Елизавета Игоревна, студент
Владивостокский государственный университет

Данная статья посвящена исследованию правового механизма исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и его роли в обеспечении эффективности конституционного правосудия. Рассматриваются правовая природа решений КС РФ, их обязательность и юридическая сила, а также нормативноправовые и организационные элементы, обеспечивающие переход абстрактных правовых позиций Суда в конкретные изменения законодательства, правоприменительной практики и индивидуальной защиты прав граждан.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, исполнение решений, правовой механизм, верховенство Конституции, обязательность решений, нормативноправовой мониторинг, правоприменительная практика, ответственность за неисполнение.

Implementation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

This article examines the legal mechanism for implementing decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and its role in ensuring the effectiveness of constitutional justice. It analyzes the legal nature, binding force and enforceability of the Court's decisions and the normative and organizational components that convert the Court's abstract legal positions into concrete legislative changes, judicial practice adjustments and individual remedies for rightsholders.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, enforcement of decisions, legal mechanism, constitutional supremacy, binding force, compliance monitoring, judicial practice, liability for noncompliance.

Конституция как основной источник конституционного права формулирует общеобязательные пред-

писания, определяющие устройство государства, прав и свобод человека, принципы организации органов власти

и регламентацию их взаимодействия, однако наличие формального текста ещё не гарантирует его эффективную реализацию в правоприменительной практике [1, с.115].

Конституционный Суд Российской Федерации играет ключевую роль в защите конституционных прав и свобод граждан. Одной из важнейших задач КС РФ является выработка правовых позиций и принятие решений, направленных на устранение нарушений конституционных норм. В современную эпоху требования к эффективности отрасли конституционного правосудия становятся всё более актуальными, так как от своевременного и полного исполнения решений Конституционного суда зависит стабильность правового порядка и доверие общества к судебной власти.

В системе органов государственной власти Российской Федерации Конституционный Суд РФ занимает особое место как высший орган конституционного контроля, обеспечивающий верховенство Конституции и соответствие федеральных законов, иных нормативных актов и действий властей её основополагающим принципам. Решения Конституционного Суда, являясь ключевым инструментом реализации этой функции, представляют собой не только акты толкования права, но и обязательные предписания, определяющие правовые позиции по спорным вопросам конституционного статуса.

Решения Конституционного Суда РФ обладают особой юридической силой. Они окончательны, не подлежат обжалованию и обязательны для всех органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, граждан и организаций. Юридическая сила решений сравнима с силой Конституции РФ — они не могут быть преодолены повторным принятием отвергнутого акта или изменены иным путем. Определения также обязательны в пределах своей компетенции, включая разъяснения предыдущих актов. Правовая природа решений КС РФ определяется их местом в иерархии правовых источников. Согласно ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», решения Суда обязательны на всей территории РФ для всех органов власти, местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений. Юридическая природа решений двойственна: они одновременно носят нормативный (устанавливают общеобязательные правовые позиции) и индивидуальный (разрешают конкретный конституционный спор) характер.

Решения должны основываться на материалах, исследованных им. Суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (ст.74 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [2]).

В соответствии со ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», различаются следующие виды решений: постановления, заключения и определения. Кроме того, в деятельности Суда принимаются решения по вопросам собственной организации, предусмотренные Регламентом Конституционного Суда РФ.

Постановление — итоговое решение Конституционного Суда РФ по существу любого из вопросов, указанных в пп. 1, 2, 3, 3.1 и 4 ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»; принимается, обладает общеобязательной юридической силой и подлежит официальному опубликованию.

Заключение — предусмотренное ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» итоговое решение по существу запроса о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (п. 2 ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). В связи с конституционной реформой 2020 года данный вид полномочий фактически не применяется, однако формально как разновидность решения сохраняется в законе.

Определения — все иные решения, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в том числе об отказе в принятии обращений к рассмотрению, о прекращении производства по делу, о процессуальных вопросах; могут выноситься судьями единолично, палатами или в пленарном заседании, публикуются выборочно.

Решения по вопросам организации деятельности Суда принимаются в заседаниях Конституционного Суда РФ и его органов в целях обеспечения внутренней работы Суда (утверждение Регламента, распределение дел, формирование составов и др.) на основании Регламента Конституционного Суда РФ.

Постановления и заключения излагаются в виде отдельных документов с обязательным указанием мотивов их принятия (ст.74 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

Определения Конституционного Суда Российской Федерации оглашаются в заседании и заносятся в протокол, если иное не установлено федеральным конституционным законом или решением Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовой механизм исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой комплексную, многоуровневую систему правовых норм, процедур, институтов и организационных мер, направленных на обеспечение перехода абстрактных правовых позиций Суда в конкретные изменения правоприменительной, законодательной и административной практики. Он закреплен в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (статьи 6, 71, 73, 79, 87), Конституции РФ (ст. 125) [3] и практике самого КС РФ. В отличие от механизма исполнения решений судов общей юрисдикции, регулируемого исполнительным производством (ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]), исполнение решений КС РФ носит публично-правовой характер и основано на принципе прямой обязательности (ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). По логике статьи Борисовой В. Р., невыполнение решений Суда квалифицируется как конституционно-правовой деликт, подрывающий верховенство Конституции РФ (ст. 15 Конституции РФ) [5, с.78–81.]. Этот механизм обеспечивает роль Суда как органа конституционного контроля, где решения имеют высшую юридическую силу и прямое воздействие на правовую систему.

Правовой механизм состоит из нескольких ключевых компонентов, которые формируют единую замкнутую систему:

Решения выносятся на закрытом совещании большинством голосов судей (ст. 70 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), а постановления и заключения публикуются официально;

Решения вступают в силу немедленно после провозглашения, являются окончательными и не подлежат обжалованию (ч. 1 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»);

Решения обязательны для всех органов власти, судов, должностных лиц и граждан, исключая иное толкование норм (ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»);

Исполнение решений происходит автоматически через прекращение действия неконституционных актов, а органы власти обязаны принять соответствующие меры (ст. 79, 87 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не содержит отдельных статей об исполнении решений Суда и не закрепляет органы, ответственные за него, а также процедуру исполнения. Не до конца решен вопрос о механизме ответственности за несоблюдение решений. Норма ст. 81 предусматривает, что неисполнение, ненадлежащее исполнение или воспрепятствование исполнению решения влечет ответственность, установленную федеральным законом, однако она не действует в полном объеме.

За прошедшие четверть века механизм исполнения решений КС РФ претерпел эволюцию: вместо прямых полномочий по приостановлению актов и внесению представлений акцент был сделан на уточнении юридической силы решений, обязательности правовых позиций Суда и развитии процедур их мониторинга. Принятие поправок, закрепивших возможность выносить постановления о соответствии акта Конституции РФ в ее истолковании Конституционным Судом РФ, усилило влияние Суда на правоприменительную практику без формального расширения его полномочий. Тем самым слабость исполнения всё менее связана с “недостаточностью” полномочий КС и всё более — с политикоправовой волей органов, ответственных за реализацию его решений.

Исполнение лежит на всех органах государственной власти и местного самоуправления и включает принятие новых или изменение нормативных актов, пересмотр индивидуальных дел, корректировку правоприменительной практики, меры организационного, финансового и материально-технического характера. Оно требуется не только при признании актов неконституционными, но и при их конституционности с обязательным истолкованием, а также для субъектов, не участвовавших в деле (ст. 87 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».).

КС РФ не обеспечивает исполнение своих решений, но он в состоянии повлиять на данный процесс. Во-первых, обеспечению решений Конституционного Суда РФ могли бы способствовать ежегодные послания этого органа с указанием тех постановлений и определений, которые до сих пор не реализованы. Во-вторых, Конституционный Суд РФ

в своих решениях может называть органы, ответственные за реализацию соответствующих положений. Более того, определенную пользу могут принести специальные периодические издания — обзоры самих решений Конституционного Суда РФ с их комментариями и анализом хода исполнения решений Суда. Следует также помнить о праве самого Конституционного Суда РФ самостоятельно осуществлять контроль за исполнением ранее принятых решений. В соответствии с Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации подобный контроль осуществляется Секретариатом Суда, который анализирует исполнение принятых решений, причины неисполнения или ненадлежащего исполнения последних [6, с.86.]. Используя соответствующие материалы, Суд может обращаться к государственным органам, не исполняющим его решения, с требованием о прекращении противоправных действий.

Механизм структурируется по четырем уровням, каждый с автономными задачами и субъектами. Идея уровней исполнения решений Конституционного Суда РФ позволяет показать, как абстрактные конституционные положения превращаются в реальные изменения правопорядка и защиту прав [7, с.206–207.].

Законодательный уровень- направлен на элиминацию неконституционных норм и восстановление конституционной легитимности правовой системы.

Это уровень, на котором:

- Вносятся изменения в Конституцию субъекта, федеральные законы, законы субъектов;
- Принимаются новые акты взамен признанных неконституционными, либо корректируются отдельные положения.

Сюда относятся обязанности Госдумы, Совета Федерации, законодательных органов субъектов, Президента, Правительства устранить выявленное несоответствие в установленный срок (ст.80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

Основные правотворческие способы исполнения:

- Принятие актов, отменяющих (признающих утратившими силу) неконституционные нормы.
- Принятие новых актов или внесение положений для устранения пробелов.
- Выявление и изменение (отмена) воспроизводящих, основанных на или аналогичных неконституционных нормах актов.

Правоприменительный (общий) уровень- обеспечивает трансформацию правовых позиций КС в единообразную судебную практику. Основные проявления:

- Пересмотр уже вступивших в силу судебных актов по делам, где применялась неконституционная норма.
- Изменение будущей практики: суды больше не применяют признанную неконституционной норму, ориентируются на правовую позицию КС.

– Изменение подходов органов власти при применении норм (инструкции, разъяснения, письма и т. п.). Постановление № 19-П от 16.06.1998, Конституционный Суд РФ разъяснил, что проверка конституционности норма-

тивных актов, указанных в статье 125 Конституции РФ, относится исключительно к его компетенции. Поводом к рассмотрению дела послужила неопределённость в разграничении компетенции между Конституционным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции и арбитражными судами в части проверки конституционности нормативных актов. Заявители указали на практику признания такими судами актов неконституционными, что, по их мнению, относится к исключительной компетенции Конституционного Суда Российской Федерации [8].

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды не вправе признавать такие акты неконституционными и утратившими силу, но могут не применять их в конкретном деле и обязаны обращаться с запросом в Конституционный Суд РФ.

Решения Конституционного Суда РФ имеют общеобязательный характер и влекут утрату юридической силы неконституционных актов, тогда как решения иных судов такими свойствами не обладают. КС РФ обязал суды применять позиции КС во всех аналогичных делах.

Индивидуальный уровень. Это уровень защиты конкретного заявителя (и лиц в аналогичном положении):

- Пересмотр его дела с учётом правовой позиции КС;
- Назначение или перерасчёт выплат, пенсий, компенсаций, налогов;
- Восстановление на работе, предоставление льгот, снятие ограничений и т. д.

Именно этот уровень демонстрирует, в какой мере конституционное правосудие действительно «работает» для конкретного человека, а не ограничивается декларативными выводами о неконституционности нормы.

Организационный уровень — обеспечивает ресурсную поддержку. Часто выделяется как самостоятельный или «сквозной» уровень:

- Принятие внутриорганизационных актов (регламенты, инструкции, приказы), обеспечивающих исполнение решений КС;
- Создание и работа структур по мониторингу исполнения (Секретариат КС, профильные подразделения в министерствах и т. д.);
- Отчётность о выполнении решений, взаимодействие органов власти.

В совокупности эти уровни образуют многоуровневый правовой механизм исполнения, от слаженности которого напрямую зависит эффективность конституционного правосудия: чем полнее и своевременнее реализуются решения Суда на законодательном, правоприменительном, индивидуальном и организационном уровнях, тем в большей степени обеспечиваются верховенство Конституции, единообразие правоприменения и реальная защита основных прав и свобод.

Принимая какое-либо решение, КС РФ приоритетом ставит защитить Конституцию РФ, а также право в виде социальной и юридической ценности. Однозначно, что КС, принимая решения, основывается на общеправовых принципах, как: гуманизм, разделение власти, справедливость, демократия, законность и федерализм. Так можно

прийти к выводу о том, что неисполнение решений КС РФ является нарушением прав и свобод человека, а также социально-ценностных основ.

Право на судебную защиту закреплено в Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод: поэтому если вступившее в силу решение остается неисполненным, оно теряет смысл. Специфика конституционных решений предопределяет их большое влияние на правовую систему в целом, поэтому своевременное и последовательное осуществление решений суда гарантирует верховенство закона и его единообразное применение на всей территории РФ [9, с.67–74].

Тем не менее, вышеизложенного недостаточно для эффективного исполнения решений Конституционного Суда РФ. Исполнение решений любого суда должно рассматриваться как неотъемлемая составная часть судебного процесса, что неоднократно подчеркивалось Конституционным судом (Постановление КС РФ от 14 июля 2005 года № 8-П, КС РФ рассмотрел жалобы граждан. Оспариваемые положения исключали участие службы судебных приставов и возлагали исполнение на Министерство финансов РФ, что, по мнению заявителей, ограничивает право на судебную защиту [10].

Без эффективного исполнения авторитет судебной власти подрывается, доверие граждан к конституционному правосудию размывается, а неконституционные ситуации продолжают существовать вопреки постановлениям Суда, что прямо противоречит целям конституционного судопроизводства, закрепленным в ст. 1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Конституционный Суд не рассматривает дела по своей инициативе, а только по обращениям в пределах заявленных вопросов. Он выступает «негативным законодателем»: дисквалифицированная норма не подлежит применению, а повторное принятие аналогичных положений недопустимо. Аппарат Суда по ст. 111 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» обобщает практику исполнения решений государственными органами.

Наконец, исполнение решений Конституционного Суда РФ выполняет важную коммуникативную и превентивную функцию. Регулярное и полное выполнение правовых позиций Суда органами законодательной, исполнительной и судебной власти формирует у общества устойчивое представление о действенности конституционных гарантий, а у самих органов публичной власти — мотивацию заранее учитывать конституционные стандарты при подготовке нормативных актов и при разрешении споров. Это снижает число потенциальных обращений в Конституционный Суд, укрепляет принцип доверия граждан к государству и праву, а также способствует формированию практики «конституционного диалога» между Судом, законодателем и исполнительной властью. В результате исполнение решений Конституционного Суда РФ становится не только индикатором эффективности конституционного правосудия, но и одним из главных механизмов формирования устойчивого конституционного правопорядка, в ко-

тором положения главы 1 и 2 Конституции РФ реализуются не формально, а через реальные изменения в законах, правоприменении и правосознании.

Следовательно, обеспечение исполнения — задача чрезвычайной важности для повышения эффективности законодательного процесса. Роль исполнения решений КС РФ — это как системообразующий элемент, повышающий легитимность и практическую ценность конституционного

судопроизводства, являющийся показателем эффективности его деятельности в целом и института конституционного судопроизводства. Надлежащее выполнение усиливает защиту прав граждан, мониторинг со стороны КС и превентивное устранение нарушений, способствуя укреплению правового государства, а неисполнение или ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда ведёт к отказу в правосудии или свидетельствует о его неэффективности.

Литература:

1. Ликанова, А. А. Проблемы правоприменения конституционных норм / А. А. Ликанова, Р. А. Хайруллин. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2025. — № № 9 (90). — С. 115.
2. «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (посл. ред. от 31.07.2023) // СПС «Консультант Плюс».
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. «Об исполнительном производстве»: Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс».
5. Борисова, В. Р. «Проблема неисполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации» / В. Р. Борисова. — Текст: непосредственный // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2023. — № № 3 (17). — С. 78–81.
6. Александровой, З К Кряжкова В А Конституционный судебный процесс» / З К Кряжкова В А Александровой, С. Э. Несмеяновой. — Текст: непосредственный // ИНФРА-М. — 2026. — С. 86.
7. Судник С Б Исполнение решений Конституционного Суда РФ / Судник С Б 5. — Текст: непосредственный // Молодой Ученый. — 2018. — № 13 (199). — С. 206–207.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. N 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»/
9. Каблов, Н. В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ / Н. В. Каблов. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2022. — № 3 (48). — С. 67–74.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 N 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э. Д. Жуховицкого, И. Г. Пойма, А. В. Понятовского, А. Е. Человского и ОАО «Хабаровскэнерго».

Право собственности и его содержание: эволюция подходов в российской цивилистике

Иванов Максим Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Настоящая статья посвящена исследованию права собственности и его содержания в российской цивилистике. Исследование прослеживает, как менялось понимание сущности права собственности. В статье приводится анализ исторических предпосылок формирования классических представлений о праве собственности.

Ключевые слова: право собственности, содержание права собственности, владение, пользование, распоряжение, эволюция права, частное право, историко-правовой анализ.

Право собственности является основой частноправовых отношений в обществе, а также одной из ключевых основ экономического и социального раз-

вития любого общества, на протяжении всей истории своего существования претерпевало значительные изменения.

Содержание, формы и пределы права собственности определялись как объективными экономическими условиями, так и господствующими философскими и политическими идеологиями. В контексте российской цивилистики этот процесс имел особую динамику, будучи неразрывно связанным с масштабными социально-политическими и экономическими трансформациями.

В настоящий момент времени в законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное закрепление определения права собственности, но в правовой науке существует такое определение, как совокупности правовых норм, закрепляющих, регулирующих и охраняющих состояние материальных благ конкретных лиц [1].

Определение права собственности как комплексное явление включает в себя не только традиционные правомочия владения, пользования и распоряжения, но и иные аспекты, связанные с обременением и ограничением, защитой и изучением эволюции в определении права собственности.

Понимание эволюции подходов к праву собственности и его содержанию в российской цивилистике позволяет понять современные вызовы, стоящие перед правовой системой Российской Федерации в области регулирования имущественных отношений.

Истоки формирования были заложены уже в период Древней Руси, который имел начало в 9 веке и завершился в середине 12 века. В данный период появились первые зачатки формирования права собственности. В Русской Правде 1016 года отсутствовало понятие права собственности, но содержались нормы, позволяющие сделать вывод о его зарождении. Право собственности разделялось и зависело от объекта и субъекта, его отличительными признаками являлись:

1) деление вещей на движимость и недвижимость не получило юридического оформления, но статус движимости был разработан. К движимому имуществу относили одежду, орудия, труда, скот. Земля же всегда принадлежала князю или общине;

2) субъектами права собственности были свободные люди за исключением холопов, имущество которых принадлежало господину.

Способами приобретения права собственности были: завладение, захват, заимка [2]. Также имущество могло переходить в порядке наследования или дарения [3].

В 1397 году появился новый правовой институт — давность владения, утвержденный Псковской судной грамотой 1397 года, (ст. 9) которой регламентировала: для того, чтобы получить в собственность бесхозный земельный участок необходимо пользоваться им непрерывно в течении 4–5 лет, при этом владение должно было исключать чужое влияние и выражаться в его обработке или в действиях, ясно выражающихся в волеизъявлении владельца приобрести землю в собственность [4].

Положения (ст. 3 и ст. 19) Устава князя Владимира о церковных судах 988 года регулировали имущественные отношения, возникающие между церковью и государ-

ством, порядок распоряжения пожертвованным имуществом. На князя возлагалась обязанность, по сбору и дальнейшему отчислению десятой части всех поступивших доходов в пользу церкви [5]. К данным доходам относились как налоги и сборы, так и штрафы за преступления, отчисления за торговые сделки, имущество, полученное в ходе военных походов и завоеваний.

Таким образом, церковь в Древней Руси была связана с княжеской властью и получала имущество в собственность за счет княжеских доходов. Церковный институт являлся неотъемлемым элементом государственной структуры, получая стабильное материальное обеспечение и в последствии легитимизируя государственную власть.

После установления государства и начала формирования системы землевладений наступил период Смутного времени, который начался с конца 14 века и продлился до начала 17 века [6]. Для этого этапа было характерно ослабление центральной власти и нарушение основ частной собственности. Собственники земельных владений утрачивали право собственности на них, по причинам: захвата, разорения, конфискации или утраты лояльности у нового правителя [7 с. 42–46].

В данный период был принят Судебник 1550 года, (ст. 85) которого устанавливала право родового выкупа проданных вотчин. В течении 40 лет род мог удерживать за собой право выкупа проданной, выменянной или заложенной родовой вотчины, за цену, записанную в купчей. Данная статья ограничивала право родового выкупа, позволяя использовать его только ближайшим родственникам продавца. Выкуп должен был осуществляться за счет личных средств и требовать взаимного согласия сторон. Допускался также обмен вотчинами, даже если одна из них была меньше другой, с последующей доплатой [25].

Древнерусский период заложил основы правовой системы, но последующее Смутное время с последующими социально-правовыми изменениями трансформировало российскую цивилистику, начав новый этап в осмыслении права собственности.

Наиболее полное нормативное закрепление институт права собственности получил в Соборном Уложении 1649 г. В данном нормативно-правовом акте регламентировался правовой режим вотчин и поместий. Закрепленные в (гл. 16 О поместных землях) и (гл. 17 О вотчинах) положения определяли, что вотчинники обладали полномочиями по распоряжению землей, включая продажу и залог, тогда как помещики таких прав не имели.

Регулирование порядка предоставления за государственную службу и порядок обмена поместий на вотчины, а также установление возможности передачи поместья по наследству, при условии продолжения наследником военной службы были отражены в Соборном Уложении 1649 г. (ст. 3–9 гл. 16 О поместных землях).

Соборное Уложение 1649 г. в (ст. 27 гл. 17 О вотчинах) сохраняло деление земель на: родовые, выслуженные и купленные, с последующим правом выкупа родственниками в течении 40 лет с момента продажи имущества [28].

Под влиянием новых европейских правовых идей, а также воздействия внутренних социально-экономических процессов, правовая мысль стремилась к укреплению института права частной собственности и его защиты.

В начале 18 века Петр первый утвердил в 1714 году Указ о единонаследии. Данный нормативный акт определял порядок наследования недвижимости имущества (п.1–3):

- недвижимость нельзя было продавать или закладывать, она должна была переходить по наследству внутри рода;

- отец мог передать недвижимое имущество только одному из своих сыновей, а остальных наградить движимым имуществом. В случае если детей не было, недвижимость могла перейти к одному из родственников;

- бездетный собственник, мог передать недвижимость любому родственнику по своему выбору, а движимое имущество даже постороннему лицу [26].

Впоследствии после принятия данного Указа произошла централизация земельной собственности и укрепилось единство дворянских родов [8 с. 82–86].

В 1833 году М. М. Сперанским был разработан Свод законов Российской Империи 1833 года, в котором праву собственности были посвящены положения, закреплённые в томе № 10 данного законодательного акта.

В российском законодательстве в (ст. 420) впервые появилось определение права собственности, под этим понималось — власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно [27].

Кроме установленного законодательством определения права собственности и его правомочия, (ст. 421) вводила формы собственности, такие как частная и государственная.

В собственности государства всегда оставались казенные земли, морские территории, дорожные пути, леса, правительственные здания и сооружения.

Также Свод законов Российской Империи 1833 года определял новые основания приобретения и прекращения права собственности. Право собственности приобреталось на различных основаниях, указанных в (ст. 563–965): пожалования, выдел, даров, наследования, завещания, договоров, залога, и аренды.

Однако право собственности могло и принудительно прекращаться, что выражается в уничтожении самой вещи, добровольном отречении собственника от своего права на неё, смерть собственника или конфискация.

При уничтожении вещи право собственности на имущество продолжало существовать, а в случае отречения от собственника вещь не становилась бесхозяйной, а переходила в собственности государства.

В Своде законов Российской Империи 1833 года в (ст. 255) присутствовало два основания конфискации за преступления и проступки против государственной власти, включая заговоры, которые влекли за собой изъятие

в пользу государства, всего родового и приобретенного имущества. Конфискация движимых вещей применялась только в случае совершения лицом проступков или преступлений, не связанных с государственной властью [9].

В 1833 году Николаем I был издан закон об экспроприации недвижимой собственности, в (ст. 575–600) устанавливались правила и вознаграждение за принудительное изъятие имущества в пользу государства для общественно полезных целей [10].

Возможность экспроприации и её ограничения были установлены в (ст. 576). Данная процедура должна была осуществляться только на основании действующего закона об экспроприации недвижимой собственности и лишь при условии выплаты собственнику справедливого вознаграждения.

Устанавливались (ст. 575) гарантии защиты прав владельцев: если после частичного изъятия оставшаяся доля имущества теряла хозяйственную ценность, собственник мог требовать своего отчуждения всего элемента целиком.

Регулирование споров о размерах компенсации собственнику имущества было регламентировано ст. (577–600). Предусматривались основания предварительного согласования цены имущества, устанавливался порядок описи имущества, разрешение привлечения к оценке экспертов и использование различных методов. Допускалась возможность обязанности предварительного согласования цены имущества собственника.

Предусматривалось (ст. 590) право выкупа отчужденной собственности — в течении 10 лет — если она больше не требовалась для изначальных целей либо имела возможность преимущественной покупки, по новой оценке, по истечении этого срока.

Период Российской империи также ознаменовал развитие плюрализма мнений и взглядов на формирование доктринальных учений о праве собственности в Российской цивилистике.

Отражение данного правового института права можно найти в научных трудах Г. Ф. Шершеневича который развил идеи абсолютного характера права собственности, подчеркивая его исключительность, неограниченность, хотя и признавал его ограничения законом. Кроме этого, Г. Ф. Шершеневич считал, что основными инструментами защиты права собственности необходимо рассматривать негаторный и виндикационный иск [11].

Л. А. Кассо отмечал, что право собственности на имущество абсолютно. Он анализировал дифференциацию вещных прав и их соотношение с обязательственными отношениями, разграничивал право собственности и другие вещные права такие как сервитут и залог [12].

Отражение влияния исторических событий и философских учений, оказывающих влияние на формирование права собственности, выражалось во взглядах С. В. Пахмана [13]. Данный автор, наряду с К. Д. Кавелиным считал, что право собственности несет за собой социальную функцию, а ее полная реализация зависит от наличия соответствующей социальной среды [14].

Период Российской империи законодательно закрепил определение права собственности и расширил перечень оснований приобретения и прекращения права собственности. В научных трудах Г. Ф. Шершеневича, С. В. Пахмана, К. Д. Кавелина право собственности определялось как абсолютное право на вещь, а иски являлись основным инструментом защиты.

После периода классического понимания права собственности в Российской Империи советский период с 1917 года по 1991 год ознаменовал собой совершенно новый этап в понимании права собственности. Обусловленный сменой общественно-политического строя и необходимостью адаптации к новым целям советской политической системы.

Ключевым отличием советского подхода являлось вытеснение частной собственности и происходила замена на социалистическую собственность.

Правовое регулирование собственности в РСФСР и в СССР прошло сложный путь трансформации — от радикального отрицания частной собственности до постепенного признания различных форм владения. Этот процесс отражал смену идеологических и экономических приоритетов государства и нашел отражение в последовательной смене нормативно-правовых актов.

Законодательное формирование права собственности было установлено Декретом о земле в 1917 году, который (п. 1) отменял частную собственность на землю, фактически и дальнейшую ее передачу в государственную собственность. Согласно п. 2 помещичьи, удельные и церковные земли с инвентарем и постройками передавались в распоряжение волостных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Декрет вводил периодические пределы земли по трудовой и потребительской норме.

В период новой экономической политики с 1921 по 1929 год произошел частичный отход от строгих ограничений: в 1922 году был принят Декрет ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», который (п. 1–6) признавал вещные права на не муниципализированные строения и право застройки земельных участков, а также собственности на движимое имущество — орудия производства, товары, денежные капиталы, предметы домашнего обихода. В Декрете допускалось наследование по завещанию и по закону, но только в пределах общей стоимости наследственного имущества, не превышающего десять тысяч рублей. Также декрет допускал заключение договора: купля-продажи, мены, займа, подряда и других [15].

Впоследствии на основе данного Декрета был принят Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, в (ст. 52) закреплял три формы собственности: государственная, кооперативная и частная [16]. Аналогичное положение также было предусмотрено в (ст.5) Конституции СССР 1936 года устанавливающее существование социалистической и личной собственности граждан [17].

Гражданам предоставлялось право на частную собственность, но при этом имелись ограничения объема и количества.

Унификация гражданско-правовых норм на уровне всего СССР произошла с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года [18]. Согласно ст. 20–24 документ уточнил правовой режим различных форм собственности и развил институт личной собственности.

Более детальное регулирование форм собственности было закреплено в Конституции СССР 1977 года. К государственной собственности согласно ст. 11 были отнесены земли, недра, леса, средства производства, банки, транспорт и связь. Колхозы и кооперативы согласно (ст. 12) владели средствами производства и иным имуществом для осуществления своей профессиональной деятельности. Пользование землей осуществлялось на безвозмездной основе и бессрочно. Личная собственность граждан была ограничена предметами личного обихода, подсобным хозяйством, сбережениями, но охранялась законом, а также наследование [19].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года регламентировал, что основой имущественных отношений в советском обществе являются социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия производства и средства производства. Личная собственность граждан не имела приоритетного значения и служила лишь средством удовлетворения личных потребностей (ст.1). Были установлены ограничения на объекты личной собственности по количеству недвижимого имущества и количество домашнего скота. Личная собственность не могла использоваться для извлечения прибыли, но разрешалось пользоваться, наследовать или завещать имущество.

Завершающий этап пришелся на период перестройки с 1985 по 1991 год. Закон СССР О собственности в СССР 1990 года в ст. 4 вводил существование смешанных форм собственности иностранных государств, международных организаций, иностранных юридических лиц и граждан [20].

Помимо законодательных изменений существенное влияние на понимание и развитие права собственности в советский период оказали труды ученых-цивилистов.

По мнению С. Н. Братуся, право собственности в социалистическом государстве является особой категорией, которую необходимо рассматривать отдельно от буржуазной и в качестве самостоятельной и обособленной формы собственности [21].

В. П. Камышанский и С. А. Хохлов выделяли содержание права собственности с точки зрения владения, пользования и распоряжения, а также изучали негаторные и виндикационные иски как инструменты защиты [22]. В их научных трудах были изучены пределы и правовой режим личной собственности в условиях различных форм социалистического хозяйствования [23].

В. А. Дозорцев отмечал приоритетность вопроса формирования частной собственности в условиях рыночной экономики и признания данной формы собственности на этапе перехода советской экономики с командной на рыночную [24].

Эволюция законодательства была отражением правовой трансформации социально-экономической системы страны. Данный процесс начался с национализации и приоритета государственной формы собственности. В дальнейшем были закреплены социалистические реформы, способствовавшие пусть и с ограничениями развитию института личной собственности. Завершилось это попыткой либерализации и создания перехода для рыночной экономики.

Анализируя, становится очевидным, эволюция права собственности в российской цивилистике демонстрирует его тесную и неразрывную связь с трансформациями социально-экономической и политической системой страны.

Первые представления об имущественной принадлежности были заложены в Древней Руси. Благодаря им сформировались фундаментальные основания приобретения и прекращения права собственности, которые в будущем положили начало для законодательства регулирующий данный аспект общественных отношений.

Период Российской империи стал временем становления классического права собственности, когда оно стало абсолютным правом, имеющим четкие определенные полномочия такие как: владение, пользование и распо-

ряжение. Сформировались эффективные механизмы защиты: виндикационный иск и негаторный. Законодательство данного периода стремилось к систематизации и кодификации для эффективности правового регулирования, укрепились институты наследования имущества.

С начала советского периода произошли серьезные изменения: право собственности было переосмыслено и переработано под новую политическую и социальную идеологию в обществе, где приоритет был отдан государственной и коллективной форме собственности. Частная собственность была ограничена и ее содержание определялось потребностями удовлетворения личных нужд граждан.

В период перестройки российская цивилистика вступает в этап формирования правовой основы для рыночных отношений, что выражалось в признании многообразия форм собственности и субъектов, обладающими правами на имущество.

Эволюция права собственности в российской цивилистике представляет собой многогранный процесс, отражающий развитие как правовых институтов, так и специфику исторической изменчивости в России, где право собственности всегда имело ключевую роль в формировании общественного строя и экономических отношений.

Литература:

1. Право собственности. — Текст: электронный // Викисловарь: [сайт]. — URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/право_собственности (дата обращения: 06.05.2026).
2. Обычаи восточных славян. — Текст: электронный // Архив Визлит: [сайт]. — URL: https://vuzlit.com/767237/grazhdanskoe_pravo (дата обращения: 06.05.2026).
3. Бородин, В. И. Древнерусское право / В. И. Бородин. — Текст: электронный // Всероссийский конкурс на лучшую работу по Русской Истории «Наследие предков-молодым»: [сайт]. — URL: https://vuzlit.com/767237/grazhdanskoe_pravo (дата обращения: 06.05.2026).
4. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. — 3-е изд., испр. и доп. — Петроград: «Право», 1917. — 430 с. — Текст: непосредственный.
5. Протоиерей, В. Ц. Суд в Древней Церкви / В. Ц. Протоиерей. — Текст: электронный // Седмица.ru: [сайт]. — URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/432470/> (дата обращения: 06.05.2026).
6. Смутное время — причины, события, итоги. — Текст: электронный // Правмир: [сайт]. — URL: <https://www.pravmir.ru/smutnoe-vremya/> (дата обращения: 06.05.2026).
7. Чеснокова, Ю. В. История возникновения и развития института права собственности в России / Ю. В. Чеснокова. — Текст: непосредственный // «Наука. Общество. Государство». — 2023. — № 1. — С. 48.
8. Мантул, Г. А. Институт собственности в Российской империи / Г. А. Мантул. — Текст: непосредственный // Право, государство, власть, управление. — 2014. — № 4. — С. 82–86.
9. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. — 5-е издание. — М.: Москва: Статут, 2023. — 846 с. — Текст: непосредственный.
10. Составил, И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил И. М. Тютрюмов. Книга вторая. / И. М. Составил. — Статут, 2003. — 603 с. — Текст: непосредственный.
11. Шершеневич Наука гражданского права в России / Шершеневич, Ф. Г. — М.: Юрайт, 2025. — 206 с. — Текст: непосредственный.
12. Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве. — Текст: электронный // Судебная справочная: [сайт]. — URL: <https://sud09.ru/bibliot/Elib/142.html> (дата обращения: 06.05.2026).
13. Энциклопедический словарь/Пахман, Семен Викентьевич. — Текст: электронный // Викитека: [сайт]. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Пахман,_Семен_Викентьевич (дата обращения: 06.05.2026).
14. Кавелин Константин Дмитриевич. — Текст: электронный // Образовака: [сайт]. — URL: <https://obrazovaka.ru/kavelin-konstantin-dmitrievich.html> (дата обращения: 06.05.2026).

15. «Декрет об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» от 22.05.1922 № 36 / официальный источник правовой информации — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032999&empire=1 (дата обращения: 06.05.2026).
16. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 № 71 / официальный источник правовой информации — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102010099&page=all> (дата обращения: 06.05.2026).
17. Конституция СССР 1936 от 05.12.1936 № 283 / официальный источник правовой информации — URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/de40175ab12d04d68f792b5b742a18fc/ (дата обращения: 06.05.2026).
18. «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик» от 31.05.1991 № 2211–1 официальный источник правовой информации — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_972/ (дата обращения: 06.05.2026).
19. Конституция СССР 1977 от 07.10.1977 № 41 / официальный источник правовой информации — Текст: электронный — URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 06.05.2026).
20. Закон «О собственности в СССР» № 1305–1 от 06.03.1990 № 11 ст.164 официальный источник правовой информации — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102073185&backlink=1&nd=602220824> (дата обращения: 06.05.2026).
21. Грибанова, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанова. — М.: Статут, 2022. — 414 с. — Текст: непосредственный.
22. Камышанский, В. П. Право собственности: пределы и ограничения / В. П. Камышанский. — М.: ЮНИТИ, 2000. — 301 с. — Текст: непосредственный.
23. Хохлов, С. А. Право собственности и другие вещные права / С. А. Хохлов. — М.: Статут, 2012. — 237 с. — Текст: непосредственный.
24. Биография Виктор Абрамович Дозорцев. — Текст: электронный // Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при президенте Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://old.privlaw.ru/dozortcev90/> (дата обращения: 06.05.2026).
25. Судебник 1550 года. — Текст: электронный — URL: <https://f-ipsub.udsu.ru/files/assets/9.%20СУДЕБНИК%201550%20г.doc> (дата обращения: 10.05.2026).
26. Указ о единонаследии 1714 года. — Текст: электронный — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/inherit.htm> (дата обращения: 10.05.2026).
27. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах. — Текст: электронный // Право.гов: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 18.05.2026).
28. Соборное Уложение 1649 года. — Текст: электронный — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 28.05.2026).

Дореволюционный период развития Федеральной службы судебных приставов

Имамгулиев Заур Аязович, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается дореволюционный период становления отечественного института принудительного исполнения судебных актов, образующего историческую основу современной Федеральной службы судебных приставов. Прослеживается эволюция органов исполнения от Русской Правды и Судебников XV-XVI столетий до Судебной реформы 1864 года, анализируется организационно-правовая модель судебных приставов, закреплённая Учреждением судебных установлений. Выявлены затруднения, которые сдерживали развитие службы на данном этапе. Показано влияние накопленного опыта на современное устройство органов принудительного исполнения.

Ключевые слова: судебные приставы, принудительное исполнение, Судебная реформа 1864 года, Учреждение судебных установлений, исполнительное производство, Федеральная служба судебных приставов.

The pre-revolutionary period in the development of the Federal bailiff service

The article examines the pre-revolutionary period of the formation of the domestic institution for the compulsory execution of judicial acts, which forms the historical basis of the modern Federal Bailiff Service. It traces the evolution of enforcement bodies

from Russkaya Pravda and the Law Codes (Sudebniki) of the 15th–16th centuries to the Judicial Reform of 1864, analyzing the organizational and legal model of court bailiffs established by the Statute on Court Establishments. The study identifies difficulties that hindered the development of the service at this stage. Furthermore, it demonstrates the influence of accumulated experience on the current structure of the bodies responsible for forced execution.

Keywords: court bailiffs, forced execution, Judicial Reform of 1864, Statute on Court Establishments, enforcement proceedings, Federal Bailiff Service.

Федеральная служба судебных приставов как самостоятельный орган образована в ходе административной реформы и оформлена Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316 [1]. Вместе с тем, модель принудительного исполнения, на которую опирается современная служба, складывалась столетиями. Выбор дореволюционного этапа обусловлен тем, что в данный период впервые сложился организованный профессиональный аппарат исполнения, тогда как предшествующие формы были эпизодическими [2]. Кроме того, советский и современный периоды истории службы исследованы шире дореволюционного, а вопросы, обсуждаемые сегодня (соотношение государственной и частной моделей исполнения, имущественная ответственность исполнителя, профессиональный ценз), ставились уже во второй половине XIX века.

Таким образом, дореволюционный период образует исходную основу современной службы судебных приставов. Его изучение оправдано недостаточной разработанностью темы и сохраняющейся связью прошлых и нынешних вопросов правового регулирования исполнения.

Зачатки принудительного исполнения прослеживаются в памятниках древнерусского права. Русская Правда упоминает должностных лиц (мечника, детского, отрока), понуждавших к исполнению решений; Судебники 1497 и 1550 гг. знают недельщиков (праветчиков), обеспечивавших вызов к суду и взыскание присужденного, а Соборное уложение 1649 г. упорядочило названные функции приставов [3, с. 24–31]. В XVIII веке обособленный служилый аппарат исполнения утратил значение, а исполнительные действия перешли к полиции. К середине XIX века исполнение судебных решений оставалось рассредоточенным, медлительным и малорезультативным, что подготовило почву для обособления исполнения в самостоятельный институт.

К 1864 г. отечественное право располагало давней, но прерывистой традицией исполнения. Отсутствие устойчивого профессионального аппарата и зависимость исполнения от полиции стали предпосылками учреждения обособленного института судебных приставов.

Поворотным событием стала Судебная реформа 1864 года. Утвержденные 20 ноября 1864 года Судебные уставы преобразовали судоустройство, введя отделение суда от администрации, гласность, состязательность и несменяемость судей [4, с. 3–10]. В рамках данной перестройки сложился обособленный институт судебных приставов. Учреждение судебных установлений отнесло приставов к лицам, состоящим при судебных местах (ст. 11), и определило их

положение [5]. Приставы состояли при мировых съездах, окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената; к их обязанностям относились вручение бумаг, поддержание порядка в заседании и исполнение решений, порядок которого регулировался Уставом гражданского судопроизводства [6]. Ответственность приставов обеспечивалась залоговой системой: при вступлении в должность вносился денежный залог, служивший источником возмещения причиненного вреда. Составители уставов стремились образовать из приставов обособленную корпорацию и предусмотрели советы и товарищества приставов на начале круговой поруки. Однако данная модель почти не привилась: до 1917 г. действовал лишь один совет приставов (при Санкт-Петербургском судебном округе), а товарищества учреждены не были [7, с. 178–190].

Таким образом, реформа 1864 г. впервые создала обособленный профессиональный институт судебных приставов с определенным статусом, кругом обязанностей и имущественной ответственностью; заложенная корпоративная организация реализована не была.

Развитие института сопровождалось рядом затруднений. Содержание приставов в значительной мере зависело от сборов и таксы при совершении исполнительных действий, что ставило исполнителя в зависимость от взыскателя и создавало почву для злоупотреблений [7, с. 18–24]. Должность пристава не пользовалась высоким престижем, требования к образованию исполнителей оставались невысокими, а укомплектование штатов сталкивалось с нехваткой подготовленных лиц. Незавершенной осталась и корпоративная организация: советы и товарищества приставов практически не получили распространения.

Введение Судебных уставов на окраинах растянулось до конца XIX века; там, где новые установления еще не действовали, исполнение оставалось за полицией, а неединообразие порядка снижало результативность новой модели. Развитие института было прервано в 1917 г.: Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. упразднил прежнюю судебную систему и институт судебных приставов, передав функции исполнения судебным исполнителям при судах [8]. Так, можно заключить, что развитие службы сдерживалось зависимым от сторон материальным обеспечением, кадровыми ограничениями, незавершенностью корпоративной организации и неравномерным распространением реформы; раскрыть заложенный потенциал институт не успел.

Дореволюционный опыт сохраняет значение для современного устройства исполнения. Восстановление

специализированного органа в 1997 г. и образование Федеральной службы судебных приставов в 2004 году означали возвращение к выработанной в XIX веке модели обособленного государственного исполнения судебных актов. Действующее законодательство (федеральные законы от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ и от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ) закрепляет статус пристава как должностного лица и порядок исполнительного производства, преемственный подходу Устава гражданского судопроизводства [9].

Прослеживаются и содержательные параллели. Залоговая система, обеспечивавшая возмещение вреда от действий пристава, предвосхищает современные механизмы ответственности и возмещения за счет казны. Идея обособленного служилого корпуса получила развитие в Федеральном законе от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ, который ввел службу в органах принудительного исполнения как самостоятельный вид государственной службы [10], а наименование закона № 118-ФЗ было изменено на «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Незавершенность корпоративной модели

и обсуждавшаяся в XIX веке возможность сочетания государственного и частного начал служат отправной точкой для нынешних споров о небюджетной модели исполнения [11]. Так, современная служба воспроизводит выработанную в дореволюционный период модель государственного исполнения; преемственность прослеживается в статусе исполнителя, механизмах ответственности и идее профессионального служилого корпуса, а нерешенные ранее вопросы обсуждаются и сегодня.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что дореволюционный период развития института судебных приставов образует основу, на которой строится современная Федеральная служба судебных приставов. Пройдя путь от рассредоточенных форм исполнения к обособленному профессиональному институту, созданному Судебной реформой 1864 г., отечественное право выработало модель, к которой государство вернулось спустя десятилетия после ее упразднения. Изучение затруднений данного этапа позволяет точнее оценивать условия результативной работы службы и сохраняет ценность для современной науки и практики.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 42. Ст. 4111.
2. Захаров В. В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. — 46 с.
3. Гуреев В. А., Гушин В. В. Исполнительное производство: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2014. — 224 с.
4. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): историко-юридические этюды. М., 1891. — 364 с.
5. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. Ст. 11 // [Электронный ресурс]: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ucherezhdnie_sudebnyh_ustanovleniy_1864 (дата обращения: 20.06.2026).
6. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Кн. II, разд. I (об исполнении судебных решений) // [Электронный ресурс]: <https://nnov.hse.ru/data/2021/04/30/1381456213/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 21.06.2026).
7. Шутрина Е. С. Захаров В. В. «Будет исполнено Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917 гг.)» — Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2007. — 323 с.
8. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 4. Ст. 50.
9. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3590.
10. Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.
11. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

Проблемы таможенной процедуры таможенного склада и направления её оптимизации

Ищенко Юлия Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Овчинников Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

В статье анализируются системные проблемы таможенной процедуры таможенного склада в рамках Евразийского экономического союза. Автор рассматривает нормативные, инфраструктурные и технологические барьеры, ограничивающие востребованность данной процедуры среди участников внешнеэкономической деятельности. На основе выявленных проблем предлагаются направления оптимизации, включая развитие института уполномоченного экономического оператора, цифровизацию складских процессов и совершенствование нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: таможенная процедура, таможенный склад, внешнеэкономическая деятельность, уполномоченный экономический оператор, цифровизация, ЕАЭС.

Таможенная процедура таможенного склада, закреплённая в статьях 155–162 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, является одним из ключевых инструментов таможенного регулирования, предоставляющим участникам внешнеэкономической деятельности возможность хранения иностранных товаров под таможенным контролем без уплаты ввозных таможенных пошлин и налогов [1]. Экономическая сущность данной процедуры заключается в создании механизма отсрочки таможенных платежей, что позволяет бизнесу оптимизировать налоговую нагрузку и управлять товарными запасами.

Несмотря на значительный потенциал, применение таможенной процедуры таможенного склада в Российской Федерации и других государствах — членах ЕАЭС сталкивается с рядом системных проблем, существенно ограничивающих её эффективность и привлекательность для участников ВЭД. Цель настоящей статьи — выявить ключевые проблемы процедуры таможенного склада и предложить направления их решения.

Первая группа проблем связана с нормативными барьерами. Существенным ограничением является необходимость предварительного помещения товаров на склад временного хранения или под процедуру таможенного транзита перед их размещением на таможенном складе. Данное требование, обусловленное необходимостью обеспечения контроля за движением товаров, нередко становится узким местом в логистической цепи, увеличивая время оформления и усложняя процесс доставки. Как отмечает А. А. Волков, преодоление этого барьера могло бы существенно повысить эффективность процедуры [2, с. 47–52].

Кроме того, действующее правовое регулирование в рамках ЕАЭС носит преимущественно отсылочный характер, что создаёт сложности в правоприменительной практике. В государствах — членах Союза существуют национальные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность таможенных складов, однако уровень их унификации остаётся недостаточным. Отсутствие специальных нормативных актов, полностью посвящённых порядку контроля деятельности таможенных складов со

стороны таможенных органов, ведёт к разночтениям и неопределённости [3, с. 251].

Вторая группа проблем касается инфраструктурного обеспечения. Дефицит складских мощностей приобрёл особую остроту в 2025 году. С апреля 2025 года, после вступления в силу запрета на нанесение акцизных марок в портах Прибалтики, основная нагрузка легла на перегруженные терминалы Санкт-Петербурга, Смоленска и Москвы. Стоимость маркировки в России стала несопоставимо выше, чем ранее в Прибалтике. Аналогичная ситуация наблюдается и на рынке алкогольной продукции: к декабрю 2025 года таможенные склады были заполнены почти на 90 %.

Существенной проблемой остаётся необходимость уплаты утилизационного сбора при ввозе транспортных средств, помещаемых под процедуру таможенного склада. Как отмечают авторы законопроекта, внесённого в Госдуму в октябре 2025 года, взимание утильсбора при помещении товаров под процедуру таможенного склада противоречит природе необходимости его уплаты, поскольку товары не находятся в свободном обращении. Кроме того, процедура таможенного склада предусматривает возможность её завершения не только выпуском товаров для внутреннего потребления, но и обратным вывозом при реэкспорте, однако возврат уплаченного утильсбора в подобных случаях не предусмотрен [6]. Правительство РФ одобрило законопроект, освобождающий от утилизационного сбора транспортные средства, помещённые под таможенные процедуры склада или переработки, однако его принятие остаётся вопросом времени. Данная проблема наглядно демонстрирует, что даже при наличии экономической целесообразности процедуры отдельные фискальные механизмы могут нивелировать её преимущества.

Третья группа проблем связана с технологическим отставанием. Многие таможенные склады не оснащены современными системами автоматического учёта, что значительно замедляет процессы идентификации, учёта и контроля грузов. Низкая степень интеграции с международными системами верификации и сертификации происхождения товаров усложняет трансграничное взаимодействие. Административные барьеры зачастую об-

условлены не только нормативными, но и кадровыми проблемами: рост объёмов ввозимой продукции не сопровождается адекватным увеличением штатной численности таможенных инспекторов [4, с. 10–13].

Перспективным направлением решения проблемы дефицита складских мощностей является развитие института уполномоченного экономического оператора. По состоянию на октябрь 2025 года действующий статус УЭО имеет 161 компания, при этом ФТС России ставит цель увеличить их число до 250 в течение 2026 года. Евразийская экономическая комиссия последовательно расширяет функционал УЭО, стремясь сделать этот статус более привлекательным для бизнеса. С октября 2024 года российские УЭО получили возможность использовать свои терминалы для хранения товаров, помещаемых под процедуру таможенного склада [8].

В ноябре 2025 года на форуме «ВЭД: риски и возможности» обсуждались инициативы ЕЭК по упрощению операций с товарами, находящимися на хранении под таможенной процедурой таможенного склада или временном хранении на площадках оператора без разрешения таможенного органа. В перспективе рассматривается возможность отказа от стандартной декларационной формы в пользу использования учётных систем самого уполномоченного оператора [9]. ЕЭК уже отменила положения, запрещавшие применять специальные упрощения для подакцизных товаров, что расширяет возможности применения процедуры.

Вторым важнейшим направлением является цифровизация складских процессов. Внедрение систем управления складом (WMS) позволяет существенно упростить работу сотрудников таможенного склада и брокеров, превращая требования законодательства в чёткие алгоритмы, а риски — в управляемые процессы. Примером практической реализации такого подхода служит открытый в июле 2025 года таможенный склад Почты России во Внуково, оснащённый современной системой управления складом.

Развитие электронного документооборота и автоматизированных систем подачи деклараций позволяет снизить риски задержек и ошибок, а также повысить прозрачность всей цепочки. Как отмечается в целях Федеральной таможенной службы на 2026 год, приоритетным направлением является содействие развитию ВЭД путём повышения прозрачности таможенного администрирования за

счёт внедрения цифровых технологий, упрощения и ускорения таможенных операций, создания комфортных условий для ведения ВЭД через формирование справедливой и предсказуемой среды [10].

Третье направление связано с совершенствованием нормативно-правовой базы. Необходимо обеспечить полную унификацию правил, процедур и требований к инфраструктуре таможенных складов на наднациональном уровне. Важным шагом в этом направлении стало принятие в декабре 2024 года закона, повышающего требования к обустройству, оборудованию и местам складов временного хранения [7]. Как отмечается в пояснительных материалах, принятые изменения позволяют оперативно обрабатывать грузы на складах, обеспечат бесперебойную работу в условиях изменяющегося грузопотока и минимизируют коррупционные риски.

Кроме того, необходима системная работа по информированию участников рынка о преимуществах использования таможенного склада. Как показывает практика, недостаточная осведомлённость потенциальных пользователей о возможностях процедуры является одним из факторов, сдерживающих её более широкое применение [5, с. 30–44].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что действующее правовое регулирование таможенной процедуры таможенного склада в целом создаёт необходимые правовые рамки для её применения, однако содержит отдельные пробелы и коллизии, которые на практике приводят к неполной реализации экономического потенциала процедуры. Основные проблемы связаны с нормативными барьерами, дефицитом инфраструктуры, технологическим отставанием и недостаточной информированностью участников ВЭД.

Для повышения востребованности и эффективности процедуры необходим комплексный подход, включающий развитие института уполномоченного экономического оператора, широкомасштабную цифровизацию складских процессов и совершенствование нормативно-правовой базы на наднациональном уровне. Реализация предложенных мер позволит снизить издержки участников ВЭД, ускорить процедуру, повысить прозрачность и безопасность операций, что в конечном итоге будет способствовать развитию внешнеэкономической деятельности и укреплению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза.

Литература:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). — Ст. 155–162.
2. Волков А. А. Преодоление барьеров: оптимизация, повышение эффективности через прямое размещение товаров на таможенных складах // Закон и право. 2024. № 1. С. 47–52.
3. Мешечкина Р. П. Таможенные процедуры: учебное пособие. — Белгород: Эпицентр, 2022. — 251 с.
4. Бакаева О. Ю. Сочетание публичных и частных интересов как принцип финансового и таможенного права // Ленинградский юридический журнал. — 2013. — № 2. — С. 22–28.
5. Сидорова Е. Ю. Экономическая эффективность формирования обоснованных налоговых последствий при применении таможенной процедуры «таможенный склад» // Международный бухгалтерский учет. 2020. № 1. С. 30–44.

6. Автомобили под таможенными процедурами могут освободить от утильсбора // Известия. 28.10.2025.
7. Требования к складам временного хранения повысили // Парламентская газета. 17.12.2024.
8. ЕЭК хочет упразднить разрешения таможи для операций на складах уполномоченных операторов // Logirus.ru. 27.11.2025.
9. Важные аспекты Таможенного кодекса ЕАЭС обсудили с экспертами на форуме в Москве // Евразийская экономическая комиссия. 28.11.2025.
10. Цели Федеральной таможенной службы на 2026 год // КонсультантПлюс.

Юридическая ответственность государственных служащих

Катасонова Галина Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена понятию и видам юридической ответственности. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства, регулирующего меры юридической ответственности, для эффективного осуществления общей правовой превенции.

Ключевые слова: государственная служба, государственный гражданский служащий, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, гражданско-правовая ответственность, уголовная ответственность, должностное лицо, служебные (должностные) обязанности.

Введение

Государственная служба является ключевым правовым институтом, отвечающим за регулирование функционирования органов государственной власти и надзор за исполнением должностных обязанностей государственными служащими. Поскольку государственная служба обеспечивает эффективное управленческое воздействие со стороны государства, крайне важно наличие четко определенных мер юридической ответственности. Эта ответственность служит механизмом, гарантирующим соблюдение государственными служащими установленных норм в их взаимодействии с обществом, поддерживая законность и дисциплину в системе государственного управления.

Определения юридической ответственности:

— По Е. А. Емельяновой:

Е. А. Емельянова определяет юридическую ответственность как законодательно установленную процессуальную форму, обязывающую физическое или юридическое лицо нести определенные неблагоприятные последствия. Эти последствия выражаются в ограничении личных, имущественных или организационных прав за совершенные противоправные действия или бездействие [1, с. 160].

— По А. В. Вишневскому (в контексте госслужбы):

А. В. Вишневский трактует юридическую ответственность государственных гражданских служащих как обязанность нарушителя принять принудительные меры, установленные государством в санкциях законодательных норм. Эти меры применяются за совершенное противозаконное деяние в строго определенном процессуальном порядке [2, с. 18].

Взаимосвязь ответственности и эффективности

Эффективность государственной службы неразрывно связана с наличием четко определенных мер ответственности для государственных служащих. Эта ответственность выступает как механизм обратной связи между государственными органами и обществом, гарантируя должное поведение лиц, находящихся у власти [7, с. 65]. Отсюда следует, что между институтом юридической ответственности и качеством работы государственных служащих существует прямая взаимозависимость [9, с. 155].

Отсутствие определения и основные виды ответственности

Необходимо отметить, что отечественное законодательство не содержит формального определения юридической ответственности государственных служащих, как, впрочем, и юридической ответственности в целом. Однако, Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (пункт 3 статьи 15) устанавливает четыре ключевых вида юридической ответственности, применимых к государственным гражданским служащим:

- Дисциплинарная
- Гражданско-правовая
- Административная
- Уголовная

Эти виды ответственности считаются основными в процессе прохождения государственной гражданской службы и часто упоминаются в научных исследованиях [4, с. 540]. Несмотря на то, что административная ответственность является наиболее детально разработанной с теоретической точки зрения, это не всегда способствует

успешному преодолению практических проблем, возникающих при ее применении.

Основания для административной ответственности согласно Закону № 79-ФЗ

Согласно Федеральному закону от 27.07.2004 N 79-ФЗ (в редакции от 08.03.2026), гражданский служащий может быть привлечен к административной ответственности в следующих случаях:

- Выполнение неправомерных поручений (часть 3 статьи 15).
- Несоблюдение ограничений, установленных для государственной службы (часть 3 статьи 16).
- Нарушение запретов, связанных с государственной гражданской службой (часть 4 статьи 17).
- Совершение иных нарушений законодательства РФ о государственной гражданской службе (статья 68).

Роль статуса должностного лица в КоАП РФ

Статья 2.4 КоАП РФ определяет, что государственные служащие могут быть привлечены к административной ответственности за административные правонарушения, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением служебных обязанностей, но только если они обладают статусом должностных лиц. Это означает, что сам по себе статус государственного служащего не является квалифицирующим признаком для применения статей КоАП РФ.

Кто является должностным лицом?

Государственный служащий становится субъектом административной ответственности лишь тогда, когда его должностной или административный регламент в органе власти прямо наделяет его полномочиями должностного лица.

Литература:

1. Емельянова Е. А. Юридическая ответственность государственных служащих // Молодой ученый. 2023. № 6. С. 160–163.
2. Вишневский А. Ф. Юридическая ответственность: некоторые аспекты теоретического осмысления в правовой науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 18–22.
3. Буравлев Ю. М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы. М.: Юрист, 2008.
4. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба. М.: Юрайт, 2013.
5. Кандрина Н. А. Дисциплинарная и административная ответственность государственных гражданских служащих: проблемы определения правовой природы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2.
6. Кандрина Н. А. Управление государственной гражданской службой Российской Федерации: административно-правовое исследование: дисс. канд. юрид. наук. Тюмень, 2003.
7. Степайкина Е. В. Ответственность государственных служащих: теоретико-правовой анализ. Вестник Московского университета. 2009.
8. Липинский Д. А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2012. № 1.

— Как правило, должностными лицами считаются гражданские служащие, занимающие должности категорий «руководитель» и «специалист» [5, с. 145].

— Гражданские служащие, работающие на должностях категории «обеспечивающие специалисты», не являются должностными лицами. Следовательно, даже если они не выполняют или ненадлежащим образом выполняют свои обязанности, и это имеет признаки административного правонарушения, они не могут быть привлечены к административной ответственности [8, с. 16].

Проблема правового неравенства

Указанные различия в определении должностного лица приводят к ситуации правового неравенства. Если должностное и не должностное лицо в одном и том же государственном органе совершают дисциплинарный проступок, который также содержит признаки административного правонарушения:

— Гражданский служащий со статусом должностного лица будет подвергнут мерам административной ответственности (согласно статье 2.4 КоАП РФ).

— Гражданский служащий, не являющийся должностным лицом, понесет только дисциплинарную ответственность.

Это создает проблему, особенно учитывая сложности в практическом разграничении дисциплинарной и административной ответственности.

Предлагаемые решения

Для повышения эффективности механизма ответственности предлагается:

— разработка и принятие нового Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ), в котором должны быть четко закреплены общие принципы применения административной ответственности на всей территории Российской Федерации.

9. Лисняк А. Н. Современное осмысление развития административной ответственности государственных служащих в российском праве // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12. № 1.
10. Миннигулова Д. Б. Административная ответственность государственных гражданских служащих: законодательные коллизии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8.

Проблемные вопросы доказывания по делам о защите права собственности

Комова Арина Павловна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются проблемные вопросы доказывания по делам о защите права собственности в гражданском процессе Российской Федерации. Проводится анализ действующей законодательной модели распределения бремени доказывания при рассмотрении виндикационных и негаторных исков, выявляются ключевые коллизии, связанные с абстрактностью критериев добросовестности приобретателя, чрезмерной универсальностью формулировки ст. 304 ГК РФ и отсутствием специального регулирования электронных доказательств. На основе анализа позиций Конституционного Суда РФ, Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025) и доктринальных источников обосновываются предложения по совершенствованию процессуального и материального законодательства, в том числе с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: доказывание, право собственности, виндикационный иск, негаторный иск, добросовестный приобретатель, бремя доказывания, электронные доказательства, гражданский процесс.

Защита права собственности посредством судебных механизмов занимает одно из центральных мест в системе гражданско-правового регулирования. Конституция Российской Федерации в ст. 8 и 35 закрепляет гарантии неприкосновенности собственности и равенства всех её форм [1], а Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) развивает эти положения через систему вещно-правовых исков, сосредоточенных в главе 20 [2]. Между тем эффективность судебной защиты вещных прав определяется не столько наличием соответствующих материально-правовых норм, сколько тем, насколько процессуальное законодательство позволяет сторонам спора корректно формировать доказательственную базу. Именно здесь — на стыке материального и процессуального права — обнаруживаются наиболее острые затруднения, которые порождают значительное число отказов в удовлетворении исков даже при наличии реального нарушения права собственности.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) исходит из общего правила: каждая сторона обязана доказать обстоятельства, на которые ссылается в обоснование своих требований либо возражений (ст. 56) [3]. Суд при этом определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, и распределяет бремя их доказывания, даже если стороны на некоторые из них не ссылались. Применительно к вещно-правовым спорам общее правило неоднократно корректировалось разъяснениями высших судебных инстанций. Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в совместном Постановлении № 10/22 от 29 апреля 2010 г. [4] определили состав предмета доказывания по виндикационному иску, включив в него титул истца, утрату вла-

дения, нахождение вещи у ответчика и сохранность вещи в натуре. Тем самым была выстроена структура, которая в целом работоспособна, но порождает ряд трудноразрешимых вопросов.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов доказывания в виндикационных делах остаётся абстрактность категории добросовестности приобретателя. Статья 302 ГК РФ оперирует единственным содержательным ориентиром: приобретатель считается добросовестным, если он не знал и не мог знать, что лицо, отчуждающее имущество, не обладало правом на его отчуждение. Как убедительно показывает П. М. Маслюк, подобная лаконичность законодательной формулы перекладывает груз конкретизации на судебную практику, которая вынуждена ad hoc вырабатывать косвенные признаки недобросовестности — заниженную цену сделки, непродолжительный срок владения продавца перед отчуждением, отсутствие залогового обеспечения рассрочки [5, с. 1938–1939]. При этом ни один из подобных индикаторов не является бесспорным: низкая цена может объясняться жизненными обстоятельствами продавца, а перепродажа в короткие сроки — инвестиционной логикой участника оборота. Указанные обстоятельства допустимо истолковать через призму принципа свободы договора, что лишает их доказательственной однозначности.

Ситуация осложняется тем, что в 2015 г. был отменён абз. 1 п. 38 Постановления № 10/22, ранее возлагавший бремя доказывания добросовестности на приобретателя. С этого момента обязанность подтверждения недобросовестности перешла к истцу, что соответствует общей презумпции добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ), однако существенно затрудняет положение лица, лишённого вла-

дения. Д. В. Мурзин в докторской диссертации обращает внимание на то, что презумпция добросовестности приобретателя носит прежде всего утилитарный, процессуальный характер: она определяет не столько истинное качество поведения приобретателя, сколько последствия недоказанности спорного обстоятельства [6, с. 186]. В этом контексте обращает на себя внимание гражданское законодательство Латвии: ст. 1060–1061 Гражданского закона Латвии устанавливают чёткую процессуальную последовательность — сначала истец доказывает своё право собственности, после чего ответчик обязан подтвердить, что истец более не является собственником или что ответчик обладает самостоятельным правовым основанием владения [7]. Такой механизм избавляет суд от необходимости оценивать добросовестность на основании косвенных улик и обеспечивает каждой стороне ясный процессуальный горизонт.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к данной проблематике в контексте виндикации публичного имущества. В Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П [8] Суд указал, что публичный собственник, допустивший неправомерное выбытие жилого помещения, несёт определённую долю ответственности за ненадлежащий контроль, и это должно учитываться при оценке добросовестности конечного приобретателя. Развивая данную позицию, Постановление от 26 ноября 2020 г. № 48-П [9] подчеркнуло необходимость соблюдения баланса конституционных ценностей при истребовании жилья у граждан, а Постановление от 28 января 2025 г. № 3-П [10] установило пределы применения иска о признании права отсутствующим, разграничив его с негаторным и виндикационным требованиями по критерию владения и исковой давности. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025) [11] дополнительно закрепил, что сама по себе недействительность сделки, по которой имущество было передано, не свидетельствует о его выбытии помимо воли собственника и не является достаточным основанием для истребования у последующего добросовестного приобретателя. Подобная динамика судебных позиций подтверждает, что категория добросовестности далека от разрешения и нуждается в более детальной законодательной регламентации.

Не менее сложный комплекс вопросов возникает при использовании негаторного иска, формулировка которого в ст. 304 ГК РФ отличается чрезмерной широтой. Статья предоставляет собственнику право требовать устранения всяких нарушений его права, не связанных с лишением владения, однако не содержит ни перечня допустимых нарушений, ни критериев их разграничения с нарушениями, для которых предусмотрены иные способы защиты. Т. П. Подшивалов обоснованно полагает, что придание негаторному иску избыточной универсальности обедняет систему вещно-правовых средств защиты и создаёт условия для процессуальных злоупотреблений: участники споров квалифицируют свои требования как негаторные, чтобы избежать применения ис-

ковой давности, которая на негаторные требования не распространяется в силу ст. 208 ГК РФ [12, с. 190–191]. Анализ условий удовлетворения негаторного иска показывает, что нарушение, устраняемое данным требованием, должно отвечать целому ряду характеристик: быть активным действием (а не бездействием), носить фактический (а не юридический) характер, являться противоправным и создавать реальную, а не мнимую помеху в пользовании вещью [12, с. 191–198]. Между тем на практике суды нередко расширяют сферу действия ст. 304 ГК РФ, включая в неё требования об аннулировании регистрационных записей, что, по существу, относится к искам о признании права.

В. В. Хисматулина и Д. С. Радаиде подкрепляют эти наблюдения данными о том, что отсутствие легального определения понятия «препятствие в пользовании» порождает серьёзную неоднородность судебных подходов: в одних случаях размещение постороннего объекта на участке квалифицируется как основание негаторного иска, в других — аналогичная ситуация рассматривается через призму спора о праве [13, с. 51–52]. Авторы обращают внимание на опыт германского законодателя: параграф 1004 BGB закрепляет универсальную конструкцию негаторного требования, однако в отличие от российской модели немецкое право чётко разграничивает вещно-правовую и обязательственную защиту, а также предусматривает механизм превентивного негаторного иска, позволяющий устранить угрозу нарушения ещё до его фактического наступления [13, с. 52–53]. Рецепция отдельных элементов данного подхода — в частности, законодательного закрепления перечня типичных нарушений, устраняемых в порядке ст. 304 ГК РФ, и критериев их разграничения с виндикационными и деликтными требованиями — способна повысить предсказуемость правоприменения.

Тесно связан с рассмотренными трудностями и вопрос об электронных доказательствах, допустимость которых остаётся неурегулированной. При виндикации истцу нередко приходится подтверждать отрицательные обстоятельства — выбытие имущества помимо воли, незнание приобретателя о пороке титула, — что в доктрине принято обозначать *probatio diabolica*. Э. Н. Епифанова указывает, что ни ГПК РФ, ни АПК РФ не содержат норм о допустимости и порядке исследования аудио- и видеозаписей, скриншотов, данных электронных реестров в качестве доказательств по делам о защите права собственности, что приводит к произвольному подходу судов: одни инстанции приобщают такие материалы, другие отказывают по формальным основаниям, ссылаясь на невозможность установить обстоятельства их получения [14, с. 170–171]. Е. А. Корякова приходит к аналогичному выводу, подчёркивая, что практика отказа в приобщении аудиозаписей из-за их копийного характера лишает стороны возможности эффективно защитить свои права [15, с. 471]. Подобная непоследовательность особенно неприемлема в эпоху цифровизации, когда существенная часть

юридически значимых действий фиксируется именно электронными средствами.

Для преодоления обозначенных затруднений представляется обоснованным внести ряд взаимосвязанных законодательных корректив. В первую очередь стоит обратить внимание на ст. 302 ГК РФ. Думается, что её текст необходимо дополнить открытым перечнем критериев, позволяющих суду оценить, действительно ли приобретатель проявил должную осмотрительность. Речь идёт о таких обстоятельствах, как проверка приобретателем сведений из ЕГРН, соотношение цены договора с рыночными показателями, наличие у продавца правоустанавливающей документации, а также срок, в течение которого он владел имуществом до отчуждения. Подобный перечень, разумеется, не может и не должен связывать судебское усмотрение, однако он задаёт ориентиры, делающие оценку менее произвольной. В ст. 304 ГК РФ, в свою очередь, следовало бы прямо указать, что негаторный иск защищает владеющего собственника именно от противоправных похем фактического свойства, — это позволит провести более чёткую границу с юридическими спорами о праве. В данном контексте показательна конструкция параграфа 1004 BGB: германский законодатель разграничил требование об устранении уже совершённого нарушения (*Beseitigungsanspruch*) и требование о запрете будущих нарушений (*Unterlassungsanspruch*), что придаёт негаторной защите большую определённости [16]. Помимо корректировки норм ГК РФ, назрели изменения и в процессуальном законодательстве. Ст. 55 ГПК РФ необходимо дополнить нормой, устанавливающей условия допустимости электронных доказательств: фиксацию метаданных (дата, время, устройство), верификацию целостности файла, отсутствие следов монтажа. Подобное регулирование не является чем-то экзотическим — параграф 371a ZPO уже наделяет электронный документ, скреплённый квалифицированной подписью, той же доказательственной силой, которой обладает частный письменный документ [17].

Отдельной проблемой является доказывание так называемых отрицательных фактов. Ст. 56 ГПК РФ формулирует общее правило распределения бремени доказывания, но не предусматривает изъятий для случаев, когда стороне приходится подтверждать обстоятельство, которое

по своей природе трудно доказуемо. В связи с этим заслуживает поддержки идея П. М. Маслюка: вместо того чтобы целиком возлагать на истца задачу доказать недобросовестность ответчика, логичнее было бы вернуться к симметричной модели, при которой истец подтверждает свой титул и факт утраты владения, а приобретатель — правомерность приобретения и собственную осмотрительность [5, с. 1942–1943]. Справедливость такого перераспределения объясняется просто: именно приобретатель владеет полной информацией о том, как, у кого и на каких условиях он получил спорную вещь, и раскрыть эти сведения ему значительно проще, чем истцу — опровергнуть то, о чём он может и не знать. Д. В. Мурзин, по сути, приходит к тому же выводу, замечая, что разграничение презумпции добросовестности и распределения бремени доказывания во многом терминологическое: и то и другое в конечном счёте решает вопрос о том, на кого ложатся последствия, если спорное обстоятельство так и осталось недоказанным [6, с. 184–185].

Подводя итог, следует признать, что доказывание по спорам о защите права собственности располагается на пересечении материального и процессуального права, и именно это обстоятельство во многом определяет сложность данной категории дел. Три ключевые проблемы, выявленные в ходе проведённого исследования, — расплывчатость понятия добросовестности приобретателя, недостаточная определённость границ негаторного иска и практически полное отсутствие правил об электронных доказательствах — требуют не точечных законодательных вмешательств, а согласованной реформы, затрагивающей и ГК РФ, и ГПК РФ. Опыт Германии демонстрирует, что подобная задача решаема: немецкому законодателю удалось выстроить развёрнутую систему вещно-правовой защиты (параграфы 985–1004 BGB) и одновременно закрепить чёткие процессуальные стандарты работы с электронными доказательствами (параграф 371a ZPO). Если российский законодатель воспользуется этим опытом и устранил обозначенные пробелы, судебная защита вещных прав будет в большей мере соответствовать требованиям правовой определённости, без которой невозможен стабильный имущественный оборот в условиях цифровизации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.06.2026.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 15. — Ст. 1846.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 7.
5. Маслюк П. М. Проблемные аспекты доказывания недобросовестности приобретателя в виндикационном иске: анализ судебной практики // Научный аспект. 2024. Т. 16, № 6. С. 1935–1944.
6. Мурзин Д. В. Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве: дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 388 с.
7. Гражданский закон Латвийской Республики от 28 января 1937 г. // Inlatplus.lv. URL: <https://clck.ru/3UE6yP> (дата обращения: 10.06.2026).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 27. — Ст. 4075.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2020 г. № 48-П // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 49. — Ст. 8028.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2025 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 6. — Ст. 538.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г.) (ред. от 19.11.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2025. — № 10; 2026. — № 1.
12. Подшивалов Т. П. Негаторный иск и защита прав на недвижимое имущество // Закон. 2011. № 1. С. 86–95.
13. Хисматулина В. В., Радайде Д. С. Проблемы применения негаторного иска в современной судебной практике России // Вопросы права. 2025. № 3. С. 50–54.
14. Епифанова Э. Н. Доказывание по делам о защите права собственности в гражданском и арбитражном процессе // Молодой ученый. 2023. № 7(454). С. 167–172.
15. Корякова Е. А. О некоторых проблемах доказывания по делам о защите права собственности // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 468–472.
16. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18 августа 1896 г. (ред. от 02.01.2002) // Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей и Федеральное управление юстиции Германии. URL: <https://clck.ru/3UE7CJ> (дата обращения: 10.06.2026).
17. Гражданское процессуальное уложение Германии от 30 января 1877 г. (ред. от 05.12.2005) // Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей и Федеральное управление юстиции Германии. URL: <https://clck.ru/3UE7D7> (дата обращения: 10.06.2026).

К вопросу об оценке заключения судебно-лингвистической экспертизы

Костин Иван Константинович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор рассматривает отдельные аспекты судебной лингвистической экспертизы как доказательства по делу, в частности его оценку и использование в доказательственной деятельности. При этом акцент сделан на понимании и сущности оценки, а также особенностях оценки судебно-лингвистической экспертизы для достижения целей уголовного судопроизводства и ее роли в установлении обстоятельств дела.

Ключевые слова: судебно-лингвистическая экспертиза, заключение эксперта, оценка доказательств, достоверность, внутреннее убеждение.

На сегодняшний день адаптация лингвистических знаний к задачам судопроизводства является необходимым условием для их эффективного использования как основных средств установления фактических обстоятельств дела по отдельным видам преступлений в форме проведения судебной-лингвистической экспертизы и получения заключения по ее результатам [1, с. 97].

Использование судебной лингвистической экспертизы в уголовном процессе продиктовано реалиями современности, в том числе необходимостью доказывания объек-

тивной стороны некоторых новых составов преступлений (ст. 207.3 и 284.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [2, 3]), не говоря уже о классических видах преступлений (клевета, преступления экстремистской и террористической направленности и др.), где без данного вида экспертного исследования невозможно обойтись.

Согласно ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «оценку доказательств осуществляет судья, прокурор, присяжные заседатели, следователь, дознаватель по своему внутреннему убеждению, ос-

нованному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [4]. Отсутствие формализованного подхода к внутреннему убеждению судьи не свидетельствует о том, что он свободен в своих выводах, так как сама формализованная и строго ограниченная природа уголовного процесса ставит рамки оценки любого доказательства.

Не вдаваясь в вопросы внутреннего убеждения и основ мыслительного процесса при оценке заключения судебно-лингвистической экспертизы, рассмотрим особенности данной деятельности с позиции судьи.

Относительно оценки экспертного заключения в научной литературе существует несколько подходов. Одни ученые придерживаются точки зрения, согласно которой заключение эксперта не может быть предметом оценки судьи, так как судья не обладает тем комплексом специальных знаний, позволяющих оценивать правильность исследования, в том числе использованных методик и материалов, на основе которых проводилось исследование. В связи с чем судья не может в полной мере ввиду отсутствия компетентности в данном вопросе оценить заключение эксперта [5, с. 213].

Другие ученые не отрицают возможность проведения оценки заключения эксперта судом на основе имеющегося опыта и знаний в части научной обоснованности заключения, однако полноту оценки, ее комплексный характер суд не может обеспечить [6, с. 141].

В любом виде судопроизводства роль заключения лингвистической экспертизы как доказательства обеспечивается оценкой двух аспектов: самого заключения на предмет его доказательственного значения и содержания в целях наличия в заключении выявленных обстоятельств дела [7, с. 67]. В первом случае оцениваются формальные критерии и требования, а во втором содержательные. При установлении данных аспектов судом заключение лингвистической экспертизы признается доказательством по делу. Правильная оценка заключения лингвистической экспертизы позволяет использовать заключение в качестве доказательства по делу.

При этом рекомендуется использовать следующие приемы исследования экспертного заключения. Для начала необходимо ознакомиться с заключением, исследовать его форму как процессуального документа.

Далее следует исследовать содержательную часть заключения, а именно: вводную часть, в которой в обязательном порядке проверяются данные об эксперте и экспертном учреждении, правомочия эксперта, особенно в случае, если проводилась комплексная экспертиза, например, психолого-лингвистическая.

После оценки вводной части заключения проверяется исследовательская часть (ход исследования, применяемая методика и методы и технология).

На завершающем этапе оценки анализируются выводы эксперта. Это происходит посредством оценки на предмет полноты и ясности изложения выводов, логичности, наличия аргументов и правильность формулировок. Также

на данном этапе проверяется компетенция эксперта. Важной частью оценки является сопоставление выводов эксперта на предмет их противоречивости между собой, а также с другими доказательствами по делу [8, с. 294].

Следует обратить внимание, что если заключение эксперта, в частности выводы, изложенные в нем, не соответствуют другим доказательствам, то это не означает, что заключение эксперта является недостоверным. Напротив, во многих случаях именно экспертное мнение с точки зрения научности и обоснованности свидетельствует о недостоверности иного доказательства и является порой достоверным и главным доказательством, устанавливающим обстоятельства дела, особенно по делам, где слова и выражения лежат в основе правонарушения. При всей своей научности и аргументированности заключение судебно-лингвистической экспертизы не является гарантией достоверности выводов, изложенных в нем.

При установлении противоречия между доказательствами, в том числе экспертным заключением и другими доказательствами по делу, следует провести тщательную проверку всех материалов дела. Это обусловлено многими причинами, в том числе недобросовестностью эксперта, недостаточным уровнем компетенции и опыта, выход за пределы компетенции и др. Именно поэтому безоговорочно считать заключение эксперта достоверным доказательством не представляется верным, к тому же заключение эксперта не имеет преимуществ перед иными доказательствами.

В особых случаях неправильно проведенная судебная лингвистическая экспертиза может служить основанием для возврата уголовного дела на дополнительное расследование в связи с признанием данного доказательства недопустимым. В этом проявляется особая роль заключения эксперта как центрального доказательства по отдельным категориям дел. Так, например, по делу № 22–703/2020 была подана апелляционная жалоба о возвращении уголовного дела. В рамках уголовного дела была назначена и проведена психолого-лингвистическая экспертиза, в результате проверки которой эксперт при ответе на вопрос, а также в исследовательской части дал правовую оценку действиям гр. Б., использовав следующую формулировку «в действиях присутствует пропаганда идеологии насилия (терроризма), а также выражается его положительное отношение к деятельности организации ИГИЛ» [9].

Именно поэтому правильное и грамотное проведение лингвистической экспертизы является гарантом обоснованного и справедливого решения, а также исключает судебные ошибки.

Итак, для того чтобы заключение судебно-лингвистической экспертизы было использовано в качестве доказательства необходимо провести его оценку на предмет соответствия определенным требованиям. Причем их содержание продиктовано не только процессуальным законодательством, но и различными методическими материалами, которые разработаны доктриной. Тем самым, для данного вида доказательства важное значение имеют

не только формальные требования, но и содержательные, которые в совокупности друг с другом позволяю исполь-

зовать результаты лингвистического исследования в качестве источника доказательств по уголовному делу.

Литература:

1. Возняк Г. Н., Гарбовская Н. Б., Землякова Н. В. Лингвистическая экспертиза в гражданском и уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 97.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1389.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5227.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня: Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 213–215.
6. Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза: учебник и практикум для бакалавриата и специалиста. — М.: Юрайт, 2019.
7. Лазарева Д. В. Заключение эксперта как процессуальное доказательство // Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. № 1(19).
8. Попов В. Л., Вермель И. Г., Грицаенко П. П. Судебная медицина. — Екатеринбург, 1996.
9. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан № 22–703/2020 от 16 июня 2020 г. — Текст: электронный // Судакт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/4apTtWVXKPJw/?regular-txt=Лингвистическая+экспертиза®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+280.+Публичные+призывы+к+осуществлению+экстремистской+деятельности+%28УК+РФ+%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1758110230121&snippet_pos=3380#snippet (дата обращения: 16.06.2026).

От врага народа к иностранному агенту: эволюция правового института исключения из социума

Леоненко Дмитрий Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Институт иностранных агентов в российском публичном праве прошел стремительную эволюцию — от экспериментальной конструкции 2012 года, ориентированной исключительно на некоммерческие организации (НКО), до универсального механизма контроля, унифицированного Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [1]. По состоянию на конец 2024 года общее количество лиц, когда-либо включенных в реестр Министерства юстиции РФ, составило 906, из них со статусом «действующее» — 686 [7, с. 2239]. В публичном дискурсе и правоприменительной практике этот статус все чаще сопрягается с риторикой предательства национальных интересов и угрозы конституционному строю, что заставляет обратиться к историко-правовым параллелям с советским понятием «враг народа».

Термин «враг народа» представляет собой историко-политическое понятие, прошедшее длительный путь эволюции. В Древнем Риме *hostis publicus* (публичный враг) объявлялся лицом, подлежащим уничтожению без суда: любой гражданин был обязан убить его при встрече или сдать властям под угрозой собственной смерти. Инструментом объявления врагом стали проскрипции — публичные списки лиц, объявленных вне закона, впервые примененные Суллой в 82 году до н. э. для расправы над сторонниками Гая Мария. Позднее, в 43 году до н. э., в проскрипционные списки был включен Марк Тулий Цицерон — известнейший оратор и мыслитель Рима [2, с. 212].

В эпоху Великой французской революции выражение «*ennemi du peuple*» («враг народа») приобрело массовое распространение. Якобинцы во главе с Максимилианом Робеспьером использовали его для обозначения про-

тивников революции, закладывая идеологическую основу для репрессий. Юридическое закрепление понятия произошло в декрете от 22 прериаля II года (10 июня 1794 года), который определял врагов народа как лиц, стремящихся «уничтожить свободу и подорвать революционный порядок». В эту категорию включались сторонники монархии, «вредители», распространители ложных слухов. Таким образом, термин превратился в универсальный инструмент политической борьбы, позволявший легитимировать массовый террор.

В Советской России понятие «враг народа» стало активно употребляться большевиками накануне революции 1905 года. После Октябрьского переворота 1917 года оно использовалось для обозначения противников нового режима, а с 1930-х годов стало ключевым элементом сталинских репрессий. Как отмечал Н. С. Хрущёв, использование данного понятия фактически устраняло необходимость доказывания вины: «достаточно было обвинения, чтобы человек подвергся репрессиям». Формально термин был изъят из Уголовного кодекса РСФСР 29 декабря 1958 года, однако его идеологическое наследие сохранилось в политической культуре.

Концепт врага в политической коммуникации базируется на устойчивых механизмах конструирования образа врага, подробно исследованных в литературе [3, с. 82; 4, с. 52]. Б. Ф. Поршнев подчеркивал, что первичной является категория «они» — враждебные духи, творящие зло, именно для обособления от них возникает потребность в закреплении «мы» [3, с. 82]. Ключевыми признаками образа врага выступают: наличие бинарной оппозиции «мы — они»; акцентирование отличий, включая дегуманизацию оппонента; презюмирование угрозы, исходящей от «чужих»; возложение на них вины за негативные аспекты прошлого и настоящего [4, с. 53; 5, с. 23–39]. Как показали скандинавские исследователи Н. Кристи и К. Бруун, «удобный враг — это тот, кто никогда не умирает», а его образ должен быть «достаточно четким, чтобы с ним можно было бороться, и достаточно внушительным, чтобы за его спиной могла спрятаться еще дюжина новых врагов» [6, с. 25]. Именно эти механизмы, восходящие еще к советской пропаганде, воспроизводятся в современном дискурсе об иноагентах.

Современный институт иностранных агентов начал формироваться с принятием Федерального закона от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ, внесшего изменения в Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Первоначально статус распространялся исключительно на НКО, одновременно получающие иностранное финансирование и участвующие в политической деятельности. В. В. Красинский охарактеризовал это как дополнение «системы конституционно-правовой защиты государственного суверенитета в политической сфере» [8, с. 495]. Показательно, что с самого начала институт мыслился законодателем не как изолированная мера, а как элемент более широкой системы защиты суверенитета.

Появление нового статуса вызвало неоднозначную реакцию — от одиночных пикетов до обращений в Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 8 апреля 2014 года № 10-П Конституционный Суд указал, что «получение иностранного финансирования российскими некоммерческими организациями само по себе не ставит под сомнение их лояльность по отношению к государству», а статус иноагента «не предполагает негативного отношения органов государственной власти» и лишь закрепляет «некоторые особенности правового положения» [9]. Эта формула на долгие годы стала официальным эталоном баланса между контролем и соблюдением прав. Однако Общественная палата РФ еще на стадии законопроекта предупреждала, что словосочетание «иностранный агент» в сознании большинства граждан воспринимается с негативной коннотацией, сложившейся в советский период, а определение политической деятельности нуждается в конкретизации для предотвращения произвольного правоприменения [10].

С 2015 года началось последовательное расширение субъектного состава. В хронологическом порядке: 2015 год — поправки, позволившие признавать иноагентами СМИ; 2017 год — введение понятия «иностранное СМИ — иностранный агент» (симметричный ответ на включение Russia Today и Sputnik в американский реестр); конец 2019 года — распространение статуса на физических лиц; 2020 год — на незарегистрированные общественные объединения [1]. К началу 2020-х годов сложилась ситуация четырех разрозненных реестров, каждый из которых регулировался отдельными актами, что порождало правовую коллизию: реестры функционировали, но единого определения иностранного агента не существовало [12, с. 41].

Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ, вступившего в силу 1 декабря 2022 года. Закон унифицировал правовое регулирование, заменил четыре реестра единым, ввел полноценное легальное определение иноагента, установил закрытый перечень ограничений и определил понятие «иностранное влияние» как «предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и иными способами» [1]. Принципиальным новшеством стало изменение формулы признания: если ранее требовалось одновременное наличие двух признаков (иностранное финансирование и политическая деятельность), то теперь достаточно нахождения под иностранным влиянием в сочетании с одним из установленных видов деятельности. Расширение критерия придало ему значительно более оценочный характер.

Правовой статус иноагента характеризуется значительным объемом обязанностей и ограничений при минимальном наборе прав. Статья 9 Федерального закона от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ возлагает на иноагента обязанности по регистрации в реестре, маркировке всех производимых и распространяемых материалов, регулярной

отчетности перед Минюстом, обязательному ежегодному аудиту (для юридических лиц) и публикации годового отчета в СМИ [1]. Статья 11 устанавливает закрытый, но обширный перечень ограничений: запрет на государственную и муниципальную службу, доступ к государственной тайне, педагогическую и просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних, участие в избирательном процессе, организацию публичных мероприятий, получение государственной финансовой поддержки и применение упрощенной системы налогообложения [1].

Совокупность этих мер формирует режим, при котором лицо формально остается под юрисдикцией государства, но фактически исключается из публичной и профессиональной жизни. Эта асимметрия неоднократно отмечалась в научной литературе: «иностранные агенты сталкиваются с большим количеством ограничений, нежели с какими-либо возможностями», а «соразмерность обязанностям прослеживается неочевидно, так как законодатель в первую очередь обращает внимание на необходимость предотвращения угроз» [11, с. 821].

Приобретение статуса иноагента влечет и социально-правовые последствия: административную (статья 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и уголовную (статья 330.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) ответственность, информационную изоляцию, стигматизацию. К. Н. Радченко, исследуя криминологическую характеристику личности иноагента, применяет к этому административно-правовому статусу категории личности преступника, выделяя такие признаки, как четкая антигосударственная позиция, стремление выделиться за счет негативных высказываний и демографический портрет («лица мужского пола в воз-

расте от 25 до 55 лет, проживающие в городах») [13, с. 96–97]. Подобное доктринальное сближение размывает грань между контролем и репрессией.

Стигматизация получает и формально-юридическое подкрепление: обязанность незамедлительно сообщать о своем статусе работникам, бенефициарам и органам публичной власти в сочетании с открытым характером реестра, содержащего персональные данные, создает ситуацию публичного клеймения, что выходит далеко за рамки правовых ограничений.

Категория ущерба в институте иноагентов выполняет не компенсаторную, а легитимирующую функцию. Как показали И. М. Рукина и А. Ю. Анфимова, иноагенты определяются как «фактор разрушения государственного суверенитета» и «детонатор» цветных революций, а вред, причиняемый ими, локализуется в сфере идеологии и общественного сознания (фальсификация истории, девальвация национального самосознания, насаждение «чуждых морально-нравственных ценностей») [14, с. 119]. Это сближает современный дискурс с советской концепцией защиты «социалистического правосознания», где право выполняло функцию охраны идеологической чистоты.

Таким образом, современный институт иностранного агента, несмотря на формальную нейтральность, закрепленную правовой позицией Конституционного Суда РФ, функционирует как механизм конструирования образа внутреннего врага, воспроизводя архетипические черты советского врага народа. Размытость критериев, внесудебный порядок включения в реестр и обременительные последствия статуса создают ситуацию, при которой лицо, признанное иноагентом, де-факто подвергается «гражданской смерти», исключаясь из политической, профессиональной и публичной жизни.

Литература:

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29, ч. 2. — Ст. 5222.
2. Цурикова, К. К. Проблема определения образа врага / К. К. Цурикова // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 212–213.
3. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — М.: Наука, 1966. — 212 с.
4. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 1997. — Вып. 2. — С. 51–54.
5. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасанов. — М.: РАУ, 1994. — 39 с.
6. Кристи, Н. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / Н. Кристи, К. Бруун. — М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2004. — 272 с.
7. Сайгушинская, С. А. Тенденции развития реестра иностранных агентов в Российской Федерации и динамика его субъектного состава / С. А. Сайгушинская // Вопросы политологии. — 2025. — Т. 15, вып. 6 (118). — С. 2238–2240.
8. Красинский, В. В. Защита государственного суверенитета: монография / В. В. Красинский. — М.: Норма, 2017. — 608 с.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части шестой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2014. — № 4.

10. Заключение Общественной палаты РФ по результатам общественной экспертизы проекта Федерального закона № 102766-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/7a6da985-aa28-440d-a9ff-3f254e12166f>
11. Фомина, И. К. Проблемные аспекты правового регулирования статуса иностранных агентов в Российской Федерации / И. К. Фомина // СКИФ. Вопросы студенческой науки. — 2025. — № 4 (104). — С. 818–822.
12. Васильева, О. И. Правовой статус «иностранного агента»: проблемы правового регулирования и правоприменения / О. И. Васильева // Закон. Право. Государство. — 2022. — № 4 (36). — С. 38–46.
13. Радченко, К. Н. Иностраный агент как явление в современной России / К. Н. Радченко // Вестник Владимирского юридического института. — 2023. — № 2 (67). — С. 95–99.
14. Рукина, И. М. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета / И. М. Рукина, А. Ю. Анфимова // Вестник Российской академии естественных наук. — 2017. — № 1. — С. 118–121.

Некоторые проблемы цифровизации процедуры предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности

Лобова Мария Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Михалева Дарья Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

Статья 39.18 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) регулирует порядок предоставления гражданам земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта и садоводства для собственных нужд [1]. На практике данная процедура связана не только с подачей заявления и схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории (далее — КПТ), но и с проверкой сведений в цифровой среде: на кадастровых картах, в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН), Национальной системе пространственных данных (далее — НСПД), государственной информационной системе обеспечения градостроительной деятельности (далее — ГИСОГД) и на официальных сайтах органов власти. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о том, насколько действующее законодательство обеспечивает гражданину реальную возможность заранее выявить препятствия для предоставления участка.

Первая проблема состоит в отсутствии механизма цифрового приоритета ранее утвержденной схемы расположения земельного участка. В соответствии с пунктом 20 статьи 11.10 ЗК РФ орган, утвердивший схему, обязан направить соответствующее решение в орган регистрации прав, а сведения о нем подлежат отображению на кадастровых картах, предназначенных для использования неограниченным кругом лиц [1]. Согласно статье 34 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ межведомственные сведения вносятся в ЕГРН не позднее пятнадцати рабочих дней со дня их поступления [2]. Однако закон не отвечает на вопрос, может ли ранее утвер-

жденная схема противопоставляться новому заявителю до того, как сведения о ней стали публично доступны в цифровой форме. На практике это создает ситуацию, при которой один гражданин уже получил утверждение схемы, а другой, не видя данной информации в открытом доступе, подает заявление на ту же территорию.

Вторая проблема связана с отсутствием неизменяемой публичной фиксации даты и времени утверждения схемы. Закон не требует, чтобы решение об утверждении схемы сразу получало открытый цифровой временной маркер, который могли бы проверить третьи лица. Именно здесь возникает риск спора о действительном приоритете притязаний на один и тот же земельный участок. Данная проблема подтверждается судебной практикой. Так, в решении Центрального районного суда г. Барнаула по делу № 2а-1735/2020 отказ был признан законным, поскольку спорная территория частично совпадала с земельным участком, в отношении которого ранее уже была утверждена схема расположения [3]. Вместе с тем вопрос о доступности этой информации для заявителя в открытом цифровом контуре законом прямо не урегулирован.

Третья проблема состоит в возможности ссылаться на утвержденный, но фактически недоступный гражданину проект межевания территории (далее — ПМТ). ЗК РФ допускает отказ в предоставлении участка, если его образование противоречит утвержденному ПМТ [1]. В то же время Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее — ГрК РФ) регулирует подготовку, утверждение и опубликование документации по планировке территории, а также ее размещение в ГИСОГД [4]. Однако в законе отсутствует прямое правило о том, что неопублико-

ванный либо фактически недоступный заявителю ПМТ не может использоваться против него как основание отказа. В результате гражданин обязан учитывать документ, который не всегда может быть своевременно найден и проверен до подачи заявления.

Четвертая проблема выражается в отсутствии обязательной цифрово проверяемой мотивировки отказа. По статьям 39.15 и 39.16 ЗК РФ отказ должен быть обоснованным [1]. Однако закон не требует, чтобы к отказу прилагались материалы, позволяющие заявителю проверить его основания: графическое наложение границ, указание координат пересечения, ссылка на опубликованный ПМТ либо сведения ЕГРН, НСПД или ГИСОГД. В судебной практике это приводит к ситуациям, когда орган ограничивается общей ссылкой на норму закона или внутренний документ администрации. Так, решением Новокузнецкого районного суда Кемеровской области по делу № 2а-1900/2024 отказ был признан незаконным, поскольку приведенные основания не были подтверждены надлежащим образом [5].

Таким образом, основные проблемы применения ст. 39.18 ЗК РФ сегодня связаны не только с содержанием земельных норм, но и с недостаточной цифровой прозрачностью процедуры. На мой взгляд, для устранения указанных пробелов необходимо: во-первых, закрепить, что ранее утвержденная схема может противопоставляться третьим лицам только после ее публичного цифрового отображения, это можно решить жестко ограниченными сроками внесения данной информации в общедоступные ресурсы; во-вторых, ввести неизменяемую фиксацию даты и времени утверждения схемы; в-третьих, прямо предусмотреть и жестко ограничить сроки опубликования ПМТ в общем доступе и если данная информация не опубликована, то это обстоятельство не может служить основанием для отказа; в-четвертых, обязать органы власти давать цифрово проверяемую мотивировку отказа. Такие изменения не усложнят процедуру для администрации, но сделают ее более понятной и справедливой для гражданина, который действует добросовестно и ориентируется на доступные ему сведения.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение Центрального районного суда г. Барнаула от 16.03.2021 по делу № 2а-1735/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «СудАкт».
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Решение Новокузнецкого районного суда Кемеровской области от 16.02.2025 по делу № 2а-1900/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «СудАкт».

Антимонопольное регулирование в Латинской Америке: сравнительный анализ систем Бразилии и Чили

Ложеницын Никита Вячеславович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье проводится сравнительный анализ антимонопольных систем двух ведущих экономик Латинской Америки — Бразилии и Чили. Рассматриваются институциональные различия (административная и судебная модель), механизмы контроля слияний (обязательный/добровольный), санкционные инструменты (высокие штрафы и поведенческие предписания). Формулируются рекомендации по совершенствованию российского антимонопольного законодательства на основе латиноамериканского опыта.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, защита конкуренции, CADE, TDLC, контроль слияний, картели, поведенческие предписания.

Антимонопольное право в Латинской Америке активно развивается с 1990-х годов, после приватизации государственных монополий и открытия экономик.

Двумя наиболее передовыми юрисдикциями являются Бразилия (система CADE — Conselho Administrativo de Defesa Econômica) и Чили (TDLC — Tribunal de Defensa

de la Libre Competencia). Обе системы признаются ОЭСР и Международной конкурентной сетью как референсные для развивающихся стран [6, p. 27].

При этом институциональные конструкции существенно различаются: бразильская система представляет собой административную модель с высокими штрафами и обязательным контролем слияний, тогда как чилийская — судебную модель с фокусом на поведенческие предписания и специализированными судьями-экономистами [6].

Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ двух систем, выявить их сильные и слабые стороны, а также сформулировать рекомендации для российской практики.

Бразильская система CADE была создана в 1962 году, но современный её вид определен Законом № 12.529 от 30 ноября 2011 г. «Новая антимонопольная система» [3]. Структура CADE включает три органа [10]:

Секретариат по экономическому мониторингу (SDE) — подведомственен Министерству финансов. Занимается расследованием нарушений (картели, злоупотребление доминирующим положением), сбором доказательств. Штат секретариата включает 120 сотрудников.

Генеральный секретариат по контролю (SG) — проводит предварительный анализ сделок слияния и поглощения, готовит рекомендации для Трибунала.

Трибунал CADE — коллегиальный орган из 6 советников, назначаемых президентом Бразилии с одобрения Сената на 4 года (с возможностью переназначения один раз). Принимает окончательные решения по делам о нарушениях и по сделкам слияния.

Ключевые параметры контроля слияний (по ст. 88 Закона № 12.529) включают [3]:

1. Порог для обязательного уведомления. Сделка подлежит предварительному контролю CADE, если:

а) хотя бы одна из участвующих групп имела в предыдущем году годовой оборот в Бразилии более 750 млн реалов (около 150 млн долл. США);

б) другая группа имела оборот более 75 млн реалов (около 15 млн долл. США).

Важно отметить, что указанные пороги не индексировались с 2011 г., что привело к росту числа уведомлений с 300 в 2012 г. до 1 230 в 2024 г. [5].

2. Срок рассмотрения — 240 дней (с возможностью продления ещё на 90 дней).

3. Предусмотрены санкции за неуведомление о слиянии компаний: штраф от 60 тыс. до 60 млн реалов (от 12 тыс. до 12 млн долл. США), а также возможность признания сделки недействительной.

Также, ст. 37 Закона № 12.529 предусматривает штрафы за картели и злоупотребление положением: до 20 % от годового оборота компании-нарушителя в Бразилии в предыдущем году, но не менее 60 тыс. реалов. Для физических лиц — штраф от 50 тыс. до 2 млн реалов [3].

Уголовная ответственность регулируется ст. 4 Закона № 8.137/1990: от 2 до 5 лет лишения свободы для руководителей, участвовавших в картеле (эта норма применя-

ется редко, в 2020–2024 гг. возбуждено 9 уголовных дел, осуждено 2 человека) [6, p. 29].

Программа *leniência* (смягчения наказания для первого участника картеля, сотрудничающего со следствием) действует с 2003 г. За период 2020–2024 гг. заключено 14 соглашений по программе *leniência*, что позволило раскрыть картели в цементной, медицинской и топливной отраслях [5].

Чилийская система TDLC действует на основе Декрета-закона № 211 от 1973 г., реформированного в 2016 г. Законом № 20.945 [2]. TDLC — это не административный орган, а специализированный суд, включающий [6]:

— 4 полных члена, назначаемых президентом Чили из списка, предложенного Верховным судом (2 юриста, 2 экономиста). Срок их полномочий составляет 6 лет, без права переназначения, что обеспечивает независимость от исполнительной власти;

— 2 альтернативных члена (заместители), также назначаются сроком на 6 лет;

— штат, включающий 30 профессиональных сотрудников (аналитики, юристы, экономисты), которые готовят дела к рассмотрению.

Контроль слияний в Чили — добровольный, а не обязательный. Компании сами решают, уведомлять ли TDLC о сделке. Уведомляются только сделки с потенциально высоким риском для конкуренции (доля рынка объединенной компании > 35 % или высокие входные барьеры). В 2024 г. TDLC получил 67 уведомлений о слияниях (тогда как CADE в Бразилии — 1 230) [5].

Ключевая особенность чилийской модели — широкое использование поведенческих предписаний вместо штрафов. TDLC вправе выдать предписание об изменении поведения, включая [7]:

— предоставление доступа к инфраструктуре конкурентам;

— изменение условий договоров с дистрибьюторами;

— опубликование информации о ценах;

— структурные изменения (выделение подразделений).

По данным TDLC, в 2020–2024 гг. 45 % дел завершились предписаниями без штрафа, 30 % — штрафом, 25 % — прекращением дела за отсутствием нарушения [11].

При этом штрафы значительно ниже бразильских: максимальный — до 30 тыс. UTM. Одна UTM в 2025 г. составила 65 000 песо (около 70 долл. США). Максимальный штраф — около 2,1 млн долл. США, что в 10–20 раз меньше, чем в Бразилии. Уголовная ответственность за картели в Чили отсутствует [7].

Сравнительный анализ антимонопольных систем Бразилии и Чили кратко представлен в таблице 1.

На основе сравнительного анализа сделаны следующие выводы:

Бразильская модель эффективна против крупных транснациональных картелей благодаря высоким штрафам (до 150 млн долл.) и уголовной ответственности. Однако система перегружена (1 230 уведомлений о слияниях в год, средняя продолжительность дела — 24 месяца).

Таблица 1. Сравнение антимонопольных систем Бразилии и Чили

Параметр	Бразилия (CADE)	Чили (TDLC)
Институциональная модель	Административная	Судебная
Контроль слияний	Обязательный (1 230 дел в 2024 году)	Добровольный (67 дел в 2024 году)
Порог для уведомления	750 млн реалов (оборот)	Отсутствует
Макс. штраф для компании	20 % оборота (~150 млн USD)	~2,1 млн USD
Уголовная ответственность	Да (2–5 лет)	Нет
Средняя продолжительность дела	24 месяца	12 месяцев
Доля предписаний без штрафа	12 %	45 %
Бюджет (млн USD/год)	28	5

Источник: составлено автором на основе [5; 6].

Чилийская модель эффективна против локальных картелей и споров о доминирующем положении благодаря скорости (12 месяцев) и гибкости (45 % дел — предписания без штрафа). Однако низкие штрафы (максимум 2,1 млн долл.) не создают достаточного сдерживающего эффекта для крупных корпораций.

В России порог для контроля слияний по ст. 28 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» составляет 400 млн. руб. по стоимости активов [1]. С учетом роста инфляции предлагается ввести альтернативный «оборотный порог» (годовой оборот 10 млрд руб.) по бразильскому образцу и установить механизм ежегодной индексации порогов на уровень инфляции.

Чилийский институт поведенческих предписаний может быть имплементирован в ст. 23 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Предлагается дополнить Закон положением, позволяющим ФАС вместо наложения штрафа выдавать предписание об изменении поведения (предоставление доступа к инфраструктуре, изменение условий договоров, публикация информации о ценах) с указанием срока исполнения (до 6 месяцев). При неисполнении предписания — наложение штрафа на общих основаниях [4].

В настоящее время в ФАС преобладают юристы (85 % сотрудников), экономисты составляют лишь 15 % [9]. Чи-

лийский опыт (равное представительство юристов и экономистов в TDLC) показывает, что для анализа рынков и оценки доминирующего положения требуются именно экономические познания. Предлагается увеличить долю экономистов в структурных подразделениях ФАС, занимающихся контролем слияний и анализом картелей, до 30–40 % [4].

Таким образом, антимонопольные системы Бразилии и Чили представляют собой две разные, но эффективные в своих контекстах модели. Бразильская модель (высокие штрафы, обязательный контроль, уголовная ответственность) подходит для стран с высоким уровнем коррупции и значительным присутствием транснациональных корпораций. Чилийская модель (судебная система, поведенческие предписания, добровольный контроль) эффективна при высоком доверии к судам и развитой правовой культуре.

Для России, с учетом её институциональных особенностей, наиболее целесообразным представляется «гибридный» подход: сохранение обязательного контроля слияний (с индексацией порогов) и дополнение его инструментарием поведенческих предписаний (по чилийскому образцу). При этом требуется увеличение доли экономистов в ФАС и внедрение программ смягчения наказания, уже доказавших свою эффективность в обеих латиноамериканских странах.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 29.04.2026) «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.06.2026).

2. Декрет-закон Чили № 211 «О защите свободной конкуренции» от 1973 года — URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_30/scp_30_3.pdf (дата обращения: 11.06.2026).

3. Закон Бразилии о защите конкуренции № 12.529 от 30.11.2011 // Diário Oficial da União. — 2011. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/461669> (дата обращения: 11.06.2026).

4. Лавут А. А. Поиски латиноамериканской стратегии развития в условиях нестабильности глобальной экономики // Латинская Америка, 2020. — № 1. — doi: 10.31857/S0044748X0007757-1.

5. Athayde, A. A Lei 12.529/2011 e a Nova Política de Defesa da Concorrência / A. Athayde // Universidade de Brasília. — Brasília, 2022. — URL: https://www.academia.edu/33576496/A_Lei_12_529_2011_e_a_Nova_Pol%C3%ADtica_de_Defesa_da_Concorr%C3%Aancia (дата обращения: 11.06.2026).

6. Pérez, J. Regulación antimonopolio en el Pacífico: Chile vs. Colombia / J. Pérez // Revista de la Competencia. — Bogotá, 2025. — № 12. — P. 23–45.

7. Ramos G. M. Panorama laboral 2025. América Latina y el Caribe // G. M. Ramos, R. Maurizio, T. Cravo / Organización Internacional del Trabajo 2025. — URL: https://www.researchgate.net/publication/398777014_Panorama_laboral_2025_America_Latina_y_el_Caribe (дата обращения: 11.06.2026).
8. ФАС России. Реестр решений по делам о нарушении антимонопольного законодательства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 11.06.2026).
9. CADE. Conselho Administrativo de Defesa Econômica [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gov.br/cade> (дата обращения: 11.06.2026).
10. TDLC. Tribunal de Defensa de la Libre Competencia de Chile [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tdlc.cl> (дата обращения: 11.06.2026).

Применение технологии искусственного интеллекта при злоупотреблении процессуальными правами

Лукина Анастасия Алексеевна, студент

Научный руководитель: Бабушкина Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, злоупотребление процессуальными правами, технологии искусственного интеллекта.

В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускается заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). [1] Законодателем в ст. 35 ГПК РФ закреплён перечень процессуальных прав сторон, действия стороны выходящее за пределы предоставленных прав можно расценивать, как злоупотребление процессуальными правами. [2]

Таким образом, под злоупотреблением процессуальными правами можно понимать, недобросовестное поведение участника судопроизводства, который использует свои процессуальные права во вред другим участникам процесса достигая цель, которая противоречит целям правосудия.

К злоупотреблению процессуальными правами можно отнести такое поведение участника процесса как: неявка без уважительных причин на судебное заседание; неоднократная подача заявления об отводе судьи; подача ходатайств об отложении судебного заседания без уважительных причин; неоднократная подача жалоб с нарушениями и т. д. Все перечисленные действия направлены на затягивание сроков судебного разбирательства.

В судебной практике также встречаются дела, где сторона подает неосновательный иск, прилагая документы с искаженными сведениями, либо документы, которые получены незаконным путем. Также есть обратная сторона медали, когда Ответчик может представлять подложные доказательства, чтобы суд не удовлетворял исковые требования добросовестной стороны.

Так, подложные доказательства — это конкретные действия, когда сторона сознательно искажает, подделывает, изготавливает ложные документы, записи или вещественные доказательства, чтобы повлиять на решение суда.

На основании вышеизложенного полагаю, что представление подложных доказательств является злоупотреблением процессуальных прав. Недобросовестная сторона идёт на обман, осуществляя подделку доказательств, чтобы решение суда было вынесено в их пользу, хотя объективно у стороны нет реальных оснований для представления требований, то есть сторона пользуется правами недобросовестно, нарушая принцип добросовестности участников процесса (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Стоит отметить, что заявление о подложности (по ст. 186 ГПК РФ) — это процессуальный инструмент, который позволяет суду проверить, есть ли подлог, например, подделка подписи, справки или договора. Суд не компетентен автоматически признавать доказательство подложным только потому, что кто-то из сторон заявил об этом. Суд вправе проводить проверку, если доводы стороны будут убедительны. Последствия подачи подложных доказательств могут быть: исключение доказательств из материалов дела; основание для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам; в отдельных случаях, как уголовное преступление.

Ранее документы, фотографии и иные доказательства можно было отредактировать, создать путем технологий фотошопа, подделку таких доказательств можно было определить невооруженным глазом, либо с применением специальных познаний экспертным путем. Однако с появлением технологии искусственного интеллекта (далее также — ИИ) возникло ряд проблем, которые могут быть как малозначительные, так и более серьезными. Изначально цель создания технологии ИИ была в облегчении и экономии времени для разрешения трудных и многоуровневых задач. Первое время инструменты искус-

ственного интеллекта использовались для написания документов, отбора подходящей информации, написания судебных документов (жалобы, иски, досудебная претензия, заявления и т. д.), а также для поиска и подборки судебной практики. Однако, следует учитывать, что искусственный интеллект — это программа, которая помимо важной информации, шаблонных фраз может представлять в судебных документах поддельную информацию, а именно, несуществующие нормативно-правовые акты; судебные: решения, определения, приказы и т. д.

Так, применяя искусственный интеллект, добросовестный участник гражданского судопроизводства, обязан осознавать необходимость в проверке созданного текста на достоверность, чтобы их действия не противоречили принципам гражданского судопроизводства, так как искусственно созданные НПА или судебную практику можно расценивать, как злоупотребление процессуальными правами. Это связано с тем, что ИИ может самостоятельно создавать те или иные документы, осознавая потребность пользователя в этом.

На сегодняшний день помимо создания ранее перечисленных документов, ИИ способен генерировать или редактировать фотографии, видеозаписи, выписки из банков, больничные листы, скриншоты переписок, аудиозаписи, записи с места ДТП и прочее. Судьи в силу человеческого фактора во многих случаях, не способны дать надлежащую оценку представленным доказательствам, так как не обладают специальными техническими познаниями и не имеют соответствующих технических возможностей. В связи с чем, сторона предоставившая искусственно созданные доказательства, явно злоупотребляет своими процессуальными правами.

В настоящее время правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в процессуальной деятельности отсутствует, как в ГПК РФ, так и в постановлениях Верховного Суда РФ. Согласно действующему процессуальному законодательству, суд основывает свои решения исключительно на доказательствах, исследованных в судебном заседании. Однако пробелы в нормативном регулировании открывают возможности для злоупотреблений процессуальными правами. В частности, сторона, осведомлённая о невозможности участия оппонента в судебном процессе (например, ввиду его нахождения за пределами территории Российской Федерации), может инициировать гражданское судопроизводство, предъявив неосновательный иск с приложением материалов, сгенерированных с использованием технологий ИИ. При таких обстоятельствах судья, не обладая специальными средствами для выявления искусственного происхождения доказательств и действуя в условиях отсутствия возражений со стороны оппонента, рискует вынести решение на основании недостоверных данных, не имеющих юридической силы. К заявлению о вынесении судебного приказа также могут быть приложены доказательства, созданные с помощью ИИ, при наличии которых не будет оснований для не вынесения мировым судьей судебного приказа.

На основании вышеизложенного следует отметить, что бывают случаи, когда судьи могут выносить решения на основании ложных доказательств. В связи с участвовавшими случаями применения технологий ИИ, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» закреплено, что участвующие в деле лица, представившие в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду. [3] Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (часть 2 статьи 55 ГПК РФ). Судье следует во всех случаях предлагать лицам, участвующим в деле, указать, какие именно обстоятельства могут быть подтверждены представленными ими доказательствами. [2]

Факт использования ИИ не является нарушением, если оно применено в поиске и обработке нужной и достоверной информации. Нарушением считается ситуация, когда с его помощью генерируются заведомо ложные сведения, подаваемые в суд как достоверные.

Таким образом не раскрытие факта использования ИИ является процессуальным риском. Суд может счесть доказательство, сформированное с помощью ИИ без уведомления, ненадлежащим, поскольку не раскрытие лишает суд возможности оценить источник данных, проверить цепочку формирования сведений и убедиться в их достоверности. Сторона, подавшая документ, несёт полную персональную ответственность за достоверность всего, что приобщено к материалам дела. Если в документе оказались вымышленные судебные акты, ложные цитаты или факты, сгенерированные ИИ, то это можно расценивать, как представление недостоверных доказательств.

Более того, в отдельных случаях такое поведение могут квалифицировать шире, как проявление неуважения к суду (прямой обман, попытка воздействовать на суд авторитетом выдуманных источников). И за это уже возможны процессуальные санкции, например, судебный штраф.

Ответственность за применение технологий ИИ может наступать по двум направлениям:

- Умолчание о применении технологий ИИ является нарушением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» и может быть учтено судом при оценке добросовестности стороны.

- Если сгенерированные ИИ сведения оказались ложными, то суд вправе: исключить такие доказательства из материалов дела, на основании ст. 186 ГПК РФ; наложить судебный штраф за неуважение к суду; отказать в защите права при доказанном злоупотреблении; в отдельных случаях, как уголовное преступление.

Также законодателю необходимо установить процессуальный порядок, как сторона должна заявлять о применении технологий ИИ в своих документах (указывать в сносках, либо составлять сопроводительное письмо

с указанием деталей (какая модель, для каких задач, какие именно факты получены через ИИ), как передавать мета-данные, позволяющие проверить цепочку формирования сведений.). Также не менее важно указать круг лиц, кто имеет возможность заявить о применении ИИ технологий, это необходимо для того, чтобы добросовестная сторона вправе заявлять о подозрительных моментах (например, «несуществующие пункты в договоре», «отсутствие настоящей судебной практики», «цитата не соответствует тексту решения») и т. д., это может выступать, как механизм защиты от злоупотреблений. Однако об установленных нарушениях, сторона должна заявлять обоснованно и достоверно, в случаях, когда действия стороны будут противоречить нормативно-правовым актам РФ — сторона будет нести материальную ответственность (судебный штраф).

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что использование ИИ технологий в подготовке судебных документов, генерации и редактировании доказательств обострило проблему злоупотребления процессуальными правами. Данное проявляется в: отсутствии квалификации действий по представлению ИИ-генерированных доказательств; отсутствии мер ответственности за предоставление недостоверных сведений, созданных с помощью ИИ; отсутствие процессуального порядка раскрытия информации об использовании ИИ; отсутствии круга лиц, уполномоченных заявлять о применении ИИ и оспаривать достоверность таких доказательств.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 N 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»

К вопросу о понятии и атрибутивных признаках электронной торговли как объекта правового регулирования

Лукшанов Арьян Владимирович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье автор, используя общенаучные и специально-юридические методы научного познания, исследует понятие и признаки электронной торговли как объекта законодательного регулирования.

Ключевые слова: электронная торговля, цифровая экономика, маркетплейс, агрегатор, электронная сделка.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется стремительной цифровизацией и внедрением ИИ во все сферы общественных отношений, включая торговлю и государственные закупки. Феномен электронной торговли в течении короткого промежутка

Эти пробелы позволяют сторонам злоупотреблять процессуальными правами, например, подавать неосновательные иски с подложными доказательствами при отсутствии возражений со стороны неявившегося оппонента.

Для предотвращения института злоупотребления процессуальными правами по средствам применения ИИ технологий, законодателю или Верховному Суду РФ необходимо установить и закрепить: квалификацию действий по представлению сгенерированных ИИ доказательств и установить меры ответственности (судебный штраф, взыскание издержек, полный или частичный отказ в защите права); подача заявления о применении технологий ИИ в процессуальных документах (указывать в сносках, либо составлять сопроводительное письмо с указанием деталей (какая модель, для каких задач, какие именно факты получены через ИИ); процессуальный порядок уведомления суда об использовании ИИ; круг лиц, имеющих право заявлять о применении ИИ (истец, ответчик, третьи лица); сторона должна заявлять обоснованно и достоверно, в случаях, когда действия стороны будут противоречить нормативно-правовым актам РФ — сторона будет нести материальную ответственность (судебный штраф).

Реализация этих мер позволит минимизировать риски злоупотреблений, сохранить принципы состязательности и равноправия сторон, а также гарантировать вынесение законных и обоснованных судебных решений в условиях цифрового общества.

времени превратился из инновационного явления в неотъемлемую часть хозяйственного оборота.

В России (как и во всём мире) сфера электронной торговли развивается революционными темпами, что подтверждает рост числа интернет-платформ, маркетплейсов,

пользователей онлайн-сервисов. Полномасштабная цифровизация национальной экономики активно требует адаптации правового регулирования под новые условия.

Процесс надлежащего дефинирования понятия и правовой природы электронной торговли является фундаментальной теоретической проблемой, от решения которой зависит выбор применимых правовых норм и механизмов регулирования.

Зарубежные авторы в развитых западных странах придерживаются позиции, что электронная торговля охватывает любые услуги, обычно предоставляемые за вознаграждение, на расстоянии, при помощи электронного оборудования для переработки и хранения данных, а также по индивидуальному запросу получателя сервиса [2, с. 15].

К сожалению, действующее законодательство не содержит дефинитивной нормы, официально определяющей термин «электронная торговля», что следует рассматривать как правовой пробел, подлежащий восполнению. В ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей законодатель использует близкий по содержанию концепт дистанционного способа продажи товара, который нормативно определён как «продажа товара по договору розничной купли продажи, заключаемому на основании ознакомления потребителя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи или иными исключаящими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром способами».

Последовательно критикуя названную дефиницию, многие правоведы верно указывают, что она применима лишь исключительно к правоотношениям с участием граждан-потребителей (B2C), не охватывая рыночные взаимодействия между предпринимателями (B2B) [1, с. 358]. Кроме того, эта дефиниция делает акцент не на заключении договоров, но только на способах ознакомления с товарами. В любом случае, согласно этой дефиниции, концепт дистанционной торговли шире по объёму концепта электронной торговли, так как включает продажи по каталогам, телефонные заказы и другие неэлектронные формы.

В российской цивилистике сформировались несколько основных подходов к определению электронной торговли [2, с. 16–17]. Первый подход к пониманию электронной торговли именуется технологическим, так как определяет её посредством задействованного технологического инструментария. При этом ключевая роль при определении электронной торговли в рамках данного подхода отводится такому признаку как использование при продаже товаров (работ, услуг) информационно-телекоммуникационных сетей. Отметим, что технологический подход к правопониманию феномена электронной торговли критикуется за технологический детерминизм и игнорирование правовой специфики отношений.

С развитием отечественной правовой доктрины под влиянием цифровизации сформировался второй подход

к определению понятия «электронная торговля», который в научных кругах получил наименование функционального. Его сторонники трактуют концепт электронной торговли через описание специфики заключения и исполнения электронных сделок, а также функционально-целевого предназначения последних.

Третий подход — интегративный (экосистемный). В современных исследованиях (2020–2025 гг.) наблюдается формирование интегративного (экосистемного) подхода, сочетающего технологические, функциональные и институциональные признаки электронной торговли. В частности, И. В. Шарова, будучи убеждённым сторонником названного подхода, рассматривает электронную торговлю как сложную экосистему, включающую множество взаимосвязанных участников [4, с. 18].

Представляется, наиболее обоснованным является именно интегративный подход к определению понятия и правовой природы электронной торговли, учитывающий как технологический способ взаимодействия, так и дистанционный характер отношений между вовлечёнными в процесс электронной торговли участниками.

В цивилистике принято выделять ряд атрибутивных признаков электронной торговли, включая нижеперечисленные:

— дистанционный характер взаимодействия, т. е. отсутствие прямого (непосредственного) физического контакта между продавцом и покупателем в момент заключения сделки [4, с. 18]. В этом контексте процесс купли-продажи происходит строго бесконтактно, в виртуальной среде, с помощью электронных средств коммуникаций, что является принципиально новым способом взаимодействия участников торговых отношений;

— участники рынка заключают сделки в виртуальной среде без физического присутствия, используя информационно-телекоммуникационные сети, где абсолютно преобладает Интернет. Электронные каналы взаимосвязи генерируют для его участников безусловный плюс перед обычным форматом торговли, устраняя влияние территориального фактора из процесса совершения сделки, сокращая темпоральные затраты, радикально ускоряя сбор, получение, обработку и предоставление информационных контентов;

— электронная форма документооборота, т. е. оформление всех этапов сделки (оферта, акцепт, исполнение) осуществляется в электронной форме с использованием электронных документов, электронной подписи и электронных средств обмена данными при заключении сделок (электронный обмен между компьютерами, электронные сообщения, передача текста через интернет, телекс, телефакс и т. д.);

— исключительно информационный (бесконтактный) характер предварительного ознакомления с товаром, т. е. прежде чем приобрести товар покупатель может ознакомиться лишь с его виртуальным изображением и/или описанием в электронном формате (презентация в Интернете, на сайте продавца), что создает информационную

асимметрию между сторонами, так как «пощупать товар руками» покупатель физически не в состоянии [1, с. 358].

— опосредованный характер передачи товара, т. е. товары, как правило, доставляются покупателю с участием третьих лиц (логистических операторов), что усложняет структуру правоотношений.

— множественность субъектного состава, т. е. в отличие от традиционной торговли, где присутствуют два основных участника (продавец и покупатель), к электронной торговле «подключаются» дополнительные субъекты: операторы электронных площадок (маркетплейсы), логистические компании, операторы платежных систем, службы доставки. Это обстоятельство, как справедливо отмечается в литературе, обуславливает сложную структуру правоотношений электронной торговли, отличную от традиционной.

— автоматизация торговых процессов, когда значительная часть операций (приём и обработка заказа, обработка платежа, формирование документов) осуществляется автоматизированными системами без непосредственного участия человека, что порождает специфические правовые вопросы об ответственности за действия автоматизированных систем [3, с. 139]. Весь торговый процесс проходит в режиме интерактивного взаимодействия с использованием электронных цифровых средств. Договор чаще всего заключается путем совершения кон-

клюдентных действий (например, клик по кнопке «Купить» или оплата товара).

Итак, с учетом современных реалий, включая нарастающую роль и значимость маркетплейсов, можно предложить следующее оригинальное определение: Электронная торговля представляет собой систему правовых, экономических, организационных и технологических отношений по купле-продаже товаров, работ и услуг, осуществляемых дистанционным способом через информационно-телекоммуникационные сети, где в первую очередь цифровые платформы (маркетплейсы) выступают организаторами дистанционного торгового взаимодействия, обеспечивая технологическую инфраструктуру, устанавливая правила совершения сделок и отвечая за создание безопасной и прозрачной среды для всех участников оборота.

Предложенное определение учитывает эволюцию электронной торговли от модели «продавец — покупатель через Интернет» к модели «экосистема цифровой платформы», которая стала доминирующей в 2020-х годах. Предлагаем официально узаконить изложенную дефиницию. Законодательное закрепление данного определения, по нашему мнению, позволит устранить правовую неопределенность статуса маркетплейсов и создать эффективные механизмы защиты прав всех участников электронной торговли.

Литература:

1. Иванченко, М. Ю. Электронная коммерция: генезис, проблемы развития и классификация / М. Ю. Иванченко, Н. В. Насон // Торговля, сервис, индустрия питания. — 2025. — Т. 5, № 4. — С. 358–370.
2. Кулапова, Т. Ю. Правовое регулирование сферы e-commerce: интернетторговли, электронных сделок и смарт-контрактов: учебное пособие / Т. Ю. Кулапова, Р. Е. Петрова, В. В. Проценко. — М.: Юстицинформ, 2025. — 166 с.
3. Литвинова, Д. В. Понятие «электронная торговля» в России: правовой анализ законодательства и интеграции ЕАЭС и СНГ / Д. В. Литвинова // Гуманитарные, социальноэкономические и общественные науки. — 2025. — № 5. — С. 138–143.
4. Петров Д. А. Совершенствование правового режима электронных площадок как средства цифровизации торгов // Предпринимательское право. — 2025. — № 3. — С. 17–20.
5. Шарова, И. В. Модели взаимодействия участников экосистемы электронной торговли / И. В. Шарова // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — № 2. — С. 845–860.

Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени

Мельникова Алина Александровна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует проблемы регулирования рабочего времени в РФ на современном этапе развития.

Ключевые слова: рабочее время, правовое регулирование рабочего времени, правовой статус рабочего времени, проблемы правового регулирования рабочего времени.

Законодательное оформление рабочего времени началось в 1897 году с принятия закона «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», т. е. начался процесс

становления и развития «рабочего времени» и как института Трудового права, и как правовой категории. Хотя, его становление как комплексной системы норм произошло в советский период, когда были разработаны детальные

правила учета, режимов и гарантий, но все еще появляются проблемы правового регулирования рабочего времени.

Причинами данной ситуации являются следующие аспекты:

- эволюция развития определения понятия «рабочее время», начиная с момента его закрепления в нормах законодательства, продолжающейся в настоящее время;

- двойное понимание «рабочего времени» как правовой категории, так и института Трудового права, хотя данные подходы дополняют друг друга, но все отличаются объемом анализа;

- «категория «рабочее время» является междисциплинарным понятием, поэтому она используется в различных отраслях знаний, в частности: социологии, психологии, экономике и юридической науке [3, с.85], что непосредственно влияет на понимание смысла «рабочего времени»;

- использование понятий-синонимов, таких как «время работы» и «рабочий день» — данные понятия близки с понятием «рабочее время», но на практике у каждого своя роль.

Исторически сложилось так, что в России до конца XIX века продолжительность рабочего времени не была урегулирована и зависела от воли собственников предприятий [2], поэтому одним из первоочередных требований международного рабочего движения, зародившегося в начале прошлого века, стало законодательное ограничение продолжительности рабочего времени.

Поворотным моментом в истории трудового законодательства России стал 1897 год. Именно тогда, был утвержден закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабричнозаводской промышленности», который вошел в историю как первая попытка на официальном уровне зафиксировать официальное определение понятия «рабочее время в России: «рабочее время — это **часть суток**, в течение которой согласно договору найма рабочий должен был находиться на предприятии и выполнять свои трудовые обязанности» [4, с.32].

В советском Трудовом праве понятие «рабочего времени» было закреплено в нормативных актах, но в самих законах не писали развернутое определение вроде «рабочее время — это...», т. е. норму формулировали через установление лимита продолжительности. Законодатель задавал четкие рамки допустимой продолжительности, а все, что в них укладывалось, считалось рабочим временем.

Рабочее время — время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени.

В Трудовом кодексе РФ базовое определение рабочего времени зафиксировано в ст. 91: «Рабочее время — время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудо-

вого договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени» [1]. Закон определяет рабочее время как период, когда сотрудник обязан выполнять трудовые функции — согласно трудовому договору и правилам внутреннего распорядка.

В обыденном понимании рабочее время часто трактуют слишком узко. Однако закон расширяет это понятие: помимо непосредственной работы в него входят участие в трудовых комиссиях, выполнение общественных и государственных функций, целевые краткосрочные перерывы и др. «Это является гарантией для работников, когда за ними сохраняется средний размер заработной платы» [3, с.86].

«Рабочее время» в качестве правовой категории служит инструментом для четкого юридического разграничения — показывает, в каких случаях человек обязан выполнять трудовые функции, а работодатель — обеспечить условия для работы.

Институт рабочего времени в рамках трудового права — это обособленный блок правовых норм. Он регулирует определенный сегмент общественных отношений и включает положения Трудового кодекса РФ, других законов, подзаконных актов, локальных документов и трудовых договоров.

«Необходимо упомянуть, что рабочее время как институт — трудового права, имеет важнейшее значение при установлении норм, регулирующих продолжительность и виды рабочего времени, установлении режимов и учета рабочего времени, а также установлении норм, регулирующих рабочего времени при отклонении от нормальных условий труда» [6, с.342].

«Рабочее время — многоаспектный правовой институт, который характеризует трудовые, экономические и социальные-политические отношения» [5, с.247]. Поэтому, рабочее время — многогранный институт: с правовой точки зрения он регламентирует трудовые отношения, с экономической — выступает мерой затрат труда, а в социально-политическом плане отражает баланс интересов работников и работодателей, влияет на качество жизни.

Понятия «рабочее время», «рабочий день» и «время работы» кажутся похожими, и зачастую используются как синонимы, хотя у каждого — своя функция:

- **рабочее время** — период, когда работник должен исполнять трудовые обязанности согласно договору и правилам внутреннего распорядка, т. е. это правовой «контейнер» для определения времени трудовой деятельности;

- **рабочий день** — конкретные часы в сутках, в которые сотрудник обязан работать (например, с 9:00 до 18:00 с обеденным перерывом). График устанавливает работодатель;

- **время работы** — фактически отработанные часы (фиксируются в таблице учета рабочего времени). Оно может совпадать с рабочим днем или отличаться (если сотрудник пришел раньше или ушел позже, взял отгул или был в простое).

Получается, что рабочее время задает правовые рамки, а рабочий день конкретизирует эти рамки в сутках, но время работы отражает фактическую занятость.

Таким образом, наличие проблемных моментов в интерпретации и понимании понятия «рабочее время» является одним из источников проблем правового регулирования рабочего времени:

— **различия в трактовке понятия.** «Рабочее время» одновременно выступает и как правовая категория, и как институт права — это порождает неоднозначность в применении норм;

— **междисциплинарные расхождения.** В разных науках (юриспруденции, экономике, социологии) на первый

план выходят разные аспекты понятия, изза чего возникают разночтения;

— **путаница с близкими терминами.** «Рабочее время», «рабочий день» и «время работы» часто смешивают, хотя у них разные функции — это ведет к ошибкам в учете и расчетах;

— **динамичность понятия.** Определение эволюционирует с течением времени, а правовая база не всегда успевает адаптироваться к новым форматам занятости (удаленная работа, гибкие графики);

— **противоречие между нормами и реалиями рынка труда.** Законодательные рамки не всегда учитывают специфику нестандартных режимов работы, что создает правовую неопределенность.

Литература:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. От 15.05.2026) / СПС «Консультант Плюс» — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения 21.06.2026);
2. История изменения рабочей недели в России/СССР / РИА НОВОСТИ. — [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20220307/rabota-1776709732.html> (Дата обращения 21.06.2026).
3. Минкина Н. И. Проблемные аспекты правового регулирования рабочего времени и его толкования по трудовому законодательству / Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. — № 5. — 2020. — С. 84–91. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya-rabochego-vremeni-i-ego-tolkovaniya-po-trudovomu-zakonodatelstvu-rossii> (Дата обращения 21.06.2026);
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.;
5. Старостин В. А. Междисциплинарный подход к изучению понятия рабочего времени / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — № 2. — 2018. — С. 247–254. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnyy-podhod-k-izucheniyu-ponyatiya-rabochego-vremeni> (Дата обращения 21.06.2026);
6. Юсупов Нодирбек Рабочее время как элемент индивидуального трудового правоотношения и как институт трудового права / Общество и инновации. — № 2. — 2021. — С. 339–348. — С. 342. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabochee-vremya-kak-element-individualnogo-trudovogo-pravootnosheniya-i-kak-institut-trudovogo-prava> (Дата обращения 15.06.2026).

Проблемы разграничения налоговой оптимизации и недобросовестного поведения юридического лица при применении статьи 54.1 Налогового кодекса РФ

Низомидинов Мухаммадамин Бахромидинович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье автор исследует проблемы применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации при разграничении правомерной налоговой оптимизации и недобросовестного поведения юридического лица. Особое внимание уделяется критериям реальности хозяйственной операции, деловой цели сделки, осмотрительности налогоплательщика и последствиям нарушения налогового законодательства контрагентом.

Ключевые слова: налоговая оптимизация, добросовестность, юридическое лицо, статья 54.1 НК РФ, налоговая выгода, технический контрагент.

Юридические лица выступают значимыми участниками налоговых правоотношений, поскольку через налог на прибыль организаций, налог на добавленную

стоимость, имущественные налоги, страховые взносы и исполнение функций налогового агента они формируют существенную часть доходов бюджетной системы.

В связи с этим правовое положение организации как налогоплательщика должно сочетать обязанность по добросовестной уплате налогов и возможность законного выбора наиболее рациональной модели хозяйственного поведения.

В российском налоговом праве особое значение имеет статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, закрепляющая пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и суммы налога [1]. Данная норма направлена на противодействие злоупотреблениям, связанным с искажением сведений о фактах хозяйственной жизни, использованием формального документооборота, созданием искусственных операций и привлечением технических контрагентов. Вместе с тем практика ее применения показывает, что разграничение правомерной налоговой оптимизации и недобросовестного поведения юридического лица остается сложной задачей.

Налоговая оптимизация в правомерном смысле представляет собой выбор налогоплательщиком допустимой формы деятельности, договорной конструкции, режима налогообложения, порядка учета доходов и расходов в пределах закона. Само стремление организации снизить налоговую нагрузку не может автоматически рассматриваться как нарушение. Хозяйствующий субъект вправе учитывать экономические последствия совершаемых сделок, выбирать контрагентов, планировать расходы, использовать льготы и специальные режимы, если соответствующее поведение не связано с искажением фактов и искусственным созданием налоговой выгоды.

Недобросовестное поведение имеет иной характер. Оно выражается в создании фиктивного документооборота, отражении операций без реального исполнения, использовании организаций, не обладающих ресурсами для выполнения сделки, согласованных действиях с контрагентами, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности. В подобных случаях налоговая выгода утрачивает правомерный характер, поскольку основана не на реальном экономическом результате, а на формальном использовании документов.

Проблема состоит в том, что статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации содержит общие критерии, но не раскрывает их с достаточной степенью детализации. Налоговые органы и суды оценивают деловую цель операции, реальность исполнения, поведение контрагента, осмотрительность налогоплательщика, движение денежных средств и наличие ресурсов для исполнения сделки. Однако отсутствие более точного нормативного перечня обстоятельств создает риск неоднородного правоприменения.

Особенно спорным остается вопрос о том, какие обстоятельства должны свидетельствовать о недобросовестности юридического лица. Наличие налоговых нарушений у контрагента само по себе не всегда доказывает согласованное поведение сторон и искусственный характер сделки. Вместе с тем отсутствие реального движения товара, невозможность исполнения работ или услуг, отсут-

ствие персонала, имущества, складских и транспортных ресурсов у контрагента могут указывать на формальный характер документооборота. Именно поэтому правоприменителю необходимо оценивать совокупность обстоятельств, а не отдельный формальный признак.

Одним из наиболее спорных вопросов остается значение нарушений, допущенных контрагентом. Если поставщик не исполнил собственные налоговые обязанности, не представил отчетность либо участвовал в сомнительных схемах, налоговый орган нередко пытается переложить негативные последствия на покупателя. Однако подобный подход не всегда справедлив. Добросовестный налогоплательщик не должен нести ответственность за каждое нарушение контрагента, если спорная сделка реально исполнена, товар получен, работа выполнена, услуга оказана, документы соответствуют хозяйственному результату, а согласованность действий не доказана.

В научной литературе проблема добросовестности налогоплательщика рассматривается во взаимосвязи с налоговым комплаенсом, корпоративной социальной ответственностью и гибким налоговым администрированием. А. В. Демин отмечает, что современное налоговое администрирование должно учитывать не только принудительные инструменты, но и модели правомерного поведения налогоплательщика [3]. Данный подход важен для применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: оценка сделки не должна сводиться к формальному поиску недостатков в деятельности контрагента, поскольку основное значение имеет поведение самого налогоплательщика, его осведомленность, экономическая цель операции и фактическое исполнение обязательств.

Судебная практика подтверждает наличие сложностей. В одних делах суды поддерживают налоговые органы, признавая операции фиктивными при отсутствии реального движения товара, ресурсов у контрагентов, складских документов, транспортных подтверждений и разумной деловой цели. В других случаях суды требуют доказать согласованность действий налогоплательщика и контрагента, контролируемость участников схемы, возврат денежных средств, осведомленность организации о нарушениях и умышленное искажение налоговой базы. Подобная неоднородность снижает предсказуемость правового положения юридических лиц.

Для устранения названной неопределенности целесообразно дополнить статью 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации нормой, раскрывающей критерии оценки добросовестности налогоплательщика. В ней следует закрепить, что налоговый орган и суд учитывают характер сделки, обычные условия гражданского оборота, объем доступной налогоплательщику информации о контрагенте, наличие документов, подтверждающих реальность исполнения, деловую цель операции и отсутствие согласованных действий, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности.

Предлагаемое дополнение не лишает налоговый орган возможности выявлять искусственные схемы. Напротив, оно позволяет сделать правоприменение более точным, поскольку фокус проверки смещается с абстрактной подозрительности операции на конкретные юридически значимые обстоятельства. При таком подходе формальное нарушение у контрагента не должно автоматически означать недобросовестность покупателя, если последний действовал разумно и получил реальное исполнение. Вместе с тем наличие фиктивных документов, отсутствие экономического результата и согласованное поведение участников должны рассматриваться как основания для отказа в налоговой выгоде.

Разграничение правомерной налоговой оптимизации и недобросовестного поведения имеет значение не только для отдельного налогового спора. Оно влияет на устойчивость хозяйственного оборота, инвестиционную предска-

зуемость, уровень доверия бизнеса к налоговым органам и готовность организаций добровольно исполнять налоговые обязанности. Чем более ясными являются критерии оценки поведения юридического лица, тем меньше риск произвольного расширения налоговой ответственности.

В заключение важно отметить, что статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации выполняет важную антисхемную функцию, однако ее дальнейшее развитие должно быть направлено на повышение правовой определенности. Законодательная конкретизация критериев добросовестности позволит сохранить баланс между публичным интересом государства во взыскании налогов и частным интересом организации в стабильном и предсказуемом правовом регулировании. Именно данный баланс обеспечивает надлежащее исполнение налоговой обязанности и укрепляет правовую связь между налогоплательщиком, бюджетной системой и общественным благом.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Демин А. В. Модель гибкого налогового администрирования и налоговый комплаенс // Правоприменение. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 80–92.
4. Демин А. В. Налоговый контекст в структуре корпоративной социальной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 56–72.
5. Каминская Е. А., Дашин А. В. К вопросу о добровольном исполнении налоговой обязанности // Эпомен. — 2022. — № 68. — С. 170–178.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.03.2026 № 307-ЭС25-11805 по делу № А56-83561/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Цифровизация исполнения налоговой обязанности физических лиц: проблемы электронного уведомления и защиты прав налогоплательщика

Низомидинов Мухаммадамин Бахромидинович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье автор рассматривает влияние цифровизации налогового администрирования на исполнение налоговой обязанности физическими лицами. Особое внимание уделяется электронному налоговому уведомлению, единому налоговому счету, прозрачности задолженности и гарантиям защиты прав налогоплательщика.

Ключевые слова: налоговая обязанность, физическое лицо, электронное уведомление, единый налоговый счет, налогоплательщик, налоговое администрирование.

Обязательность уплаты налогов занимает центральное место в системе публично-правовых обязанностей личности. В соответствии со ст. 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы [1]. Данная конституционная формула имеет двойственное значение: с одной стороны, она закрепляет обязанность лица участвовать в форми-

ровании публичных финансов; с другой стороны, ограничивает государственное взыскание требованием законности, определенности и недопустимости ухудшения положения налогоплательщика задним числом.

В современных условиях исполнение налоговой обязанности физического лица все в большей степени переносится в цифровую среду. Личный кабинет налогоплатель-

щика, Единый портал государственных и муниципальных услуг, единый налоговый счет и единый налоговый платеж изменили привычную модель взаимодействия гражданина и налогового органа. Бумажное уведомление постепенно утрачивает значение основного способа информирования, уступая место электронным сообщениям, автоматизированным начислениям и цифровому отражению задолженности.

Цифровизация налогового администрирования имеет очевидные положительные стороны. Она ускоряет обмен информацией, снижает количество технических ошибок при оплате, позволяет налогоплательщику получать сведения без личного посещения налогового органа, обеспечивает централизованный учет обязательств через единый налоговый счет. е. Г. Васильева справедливо рассматривает единый налоговый счет и единый налоговый платеж как инновационную модель исполнения совокупной налоговой обязанности [5]. Вместе с тем цифровая форма исполнения обязанности не устраняет потребность в процессуальных гарантиях, поскольку удобство администрирования не должно подменять правовую определенность.

Наиболее чувствительной проблемой выступает электронное налоговое уведомление. Для физического лица налоговое уведомление имеет существенное юридическое значение: именно из него гражданин узнает о сумме налога, сроке уплаты, налоговом периоде и имущественном объекте, в отношении которого произведено начисление. Если уведомление размещено в личном кабинете, однако налогоплательщик фактически не ознакомился с ним по причине утраты доступа, технического сбоя, недостаточной цифровой грамотности либо отсутствия понимания правового значения сообщения, возникает конфликт между формальным направлением документа и реальным информированием лица.

Названная проблема не означает, что электронное уведомление следует признать менее значимым способом взаимодействия. Напротив, цифровой порядок направления документов должен сохраняться и развиваться, поскольку он соответствует современному уровню налогового администрирования. Однако электронная форма требует более точного процессуального описания: необходимо фиксировать дату и время размещения уведомления, канал направления, технический статус доставки, наличие либо отсутствие сообщения о размещении документа. Без подобной фиксации спор о получении уведомления может превращаться в спор о техническом факте, который налогоплательщику сложно проверить и оспорить.

В научной литературе отмечается, что цифровизация влияет на систему налогового права, поскольку меняются способы взаимодействия налогоплательщика и налогового органа, классификация налоговых обязанностей и процедура исполнения публичного фискального требования [4]. Следовательно, электронное уведомление нельзя рассматривать лишь как технический аналог бумажного документа. Оно становится самостоятельным

элементом налоговой процедуры, от качества которого зависит возможность гражданина своевременно исполнить обязанность либо заявить возражения.

Второе проблемное направление связано с единым налоговым счетом. Введение данного механизма позволило объединить расчеты налогоплательщика с бюджетной системой, однако для физического лица отрицательное сальдо единого налогового счета не всегда выглядит понятным. Итоговая сумма задолженности может включать разные налоги, периоды, пени, штрафы, перерасчеты и иные начисления. Если гражданин видит только общий размер долга, но не понимает структуру его формирования, право на защиту приобретает формальный характер, поскольку без расшифровки начислений затруднительно определить, какая именно сумма подлежит уплате, уточнению либо оспариванию.

Особую сложность создает ситуация, когда налогоплательщик узнает о задолженности уже после ее отражения на едином налоговом счете. В таком случае гражданину необходимо установить основание начисления, проверить налоговый период, сопоставить сведения с ранее произведенными платежами, определить наличие пеней или штрафов. Для лица, не обладающего специальными юридическими и финансовыми знаниями, подобная процедура может быть затруднительной. Следовательно, цифровая система должна сопровождаться не только автоматизированным расчетом, но и понятным объяснением структуры налогового обязательства.

Для устранения названных затруднений представляется необходимым совершенствование Налогового кодекса Российской Федерации. В пункт 4 статьи 52 Налогового кодекса Российской Федерации целесообразно включить положение о том, что при направлении налогового уведомления в электронной форме налоговый орган обязан фиксировать дату и время размещения документа, канал направления и технический статус доставки. При наличии контактных данных налогоплательщика возможно направление дополнительного технического сообщения о размещении уведомления. Данное сообщение не должно заменять налоговое уведомление, но может служить дополнительной гарантией информирования.

Статью 69 Налогового кодекса Российской Федерации целесообразно дополнить нормой об информационном сообщении, раскрывающем структуру увеличения отрицательного сальдо единого налогового счета. В указанном сообщении должны отражаться вид налога, налоговый период, основание начисления, сумма основного обязательства, размер пеней, штрафов, процентов и дата отражения суммы на едином налоговом счете. Подобная детализация не превращает информационное сообщение в новое требование об уплате, однако позволяет налогоплательщику понять происхождение задолженности и своевременно выразить несогласие.

Особое значение имеет баланс между эффективностью налогового администрирования и защитой прав физического лица. Государство заинтересовано в своевременном

поступлении налогов в бюджет, поскольку налоговые доходы формируют материальную основу публичных функций. Однако налогоплательщик вправе рассчитывать на понятную процедуру, проверяемую информацию о начислениях и реальную возможность оспорить ошибочную задолженность. Без данных гарантий цифровизация способна восприниматься не как удобство, а как усложнение правового положения гражданина.

В заключение важно отметить, что цифровая модель исполнения налоговой обязанности должна строиться на трех взаимосвязанных принципах: технологичности, прозрачности и защищенности. Технологичность означает использование современных электронных сервисов; прозрачность предполагает ясное раскрытие оснований начисления и структуры долга; защищенность выража-

ется в возможности налогоплательщика получить информацию, заявить возражение, представить документы и обратиться за судебной защитой.

Развитие электронного налогового администрирования является объективным направлением современного налогового права. Вместе с тем его дальнейшее совершенствование требует не только технического обновления сервисов, но и нормативного уточнения процедур. Электронное уведомление, единый налоговый счет и автоматизированное отражение задолженности должны обеспечивать не только скорость взыскания, но и юридическую определенность для налогоплательщика. Именно при таком подходе цифровизация будет способствовать добровольному исполнению налоговой обязанности и укреплению доверия граждан к налоговой системе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Лютова О. И. Система налогового права в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Правоприменение. — 2024. — Т. 8. — № 1. — С. 64–72.
5. Васильева Е. Г. Единый налоговый счет, единый налоговый платеж как инновационная модель исполнения совокупной налоговой обязанности // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2023. — № 4(259). — С. 105–112.
6. Цинделиани И. А., Васильева Е. Г. Исполнение совокупной налоговой обязанности // Публичное право сегодня. — 2024. — № 4(22). — С. 84–102.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (629) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 8.07.2026. Дата выхода в свет: 15.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.